

ЕЛЕНА Елена Блаватская БЛАВАТСКАЯ

КЛЮЧ К ТЕОСОФИИ

«ДУХОВНЫЕ ТРАКТАТЫ»

- Основы учения теософов
- Учение теософов о сознании
- О перевоплощении или повторном рождении
- Теория крилы
- Книга Восток
- Теософия и спиритизм

«Ключ к теософии» – едва ли не самое сложное и значительное из произведений Елены Блаватской, одного из величайших теософов, философов и мистиков второй половины XIX – начала XX в., женщины, долгие годы изучавшей эзотерические учения самых разных народов – и создавшей на основе этих учений свое собственное – всеобъемлющее, уникальное, очень необычное – и удивительно логичное в своей неортодоксальности.

Эта книга – не полный и исчерпывающий учебник по теософии, но лишь ключ к двери в ее истинно глубокое изучение. Он прослеживает общие контуры Религии Мудрости – и объясняет ее фундаментальные принципы, ибо в мире мысли и в мире духовном каждый должен продвигаться своими собственными усилиями...

Ключ к теософии

Елена БЛАВАТСКАЯ

КЛЮЧ К ТЕОСОФИИ

*«Е. П. Б. посвящает всем своим ученикам,
чтобы они могли учиться и, в свою очередь, учить»*

Ясное изложение в форме вопросов и ответов

ЭТИКИ, НАУКИ И ФИЛОСОФИИ

Для изучения которых было основано Теософическое Общество

Предисловие

Назначение этой книги точно выражено в её названии, «Ключ к Теософии», и требует лишь нескольких слов пояснения. Она – не полный или исчерпывающий учебник по теософии, а лишь ключ, чтобы отпереть дверь, ведущую к более глубокому изучению. Она прослеживает общие контуры Религии Мудрости и объясняет её фундаментальные принципы, отвечая, в то же время, на различные возражения, выдвигаемые средним западным человеком, и стараясь изложить незнакомые понятия в насколько возможно простой форме и как можно более ясным языком. Было бы преувеличением ожидать, что эта книга сделает теософию понятной без всякого умственного усилия со стороны читателя, но мы надеемся, что причиной оставшихся неясностей будет сама идея, а не язык, и глубина предмета, а не путаница в его изложении. Для ленивых умом или тупых теософия должна остаться загадкой, ибо в мире мысли, как и в мире духовном, каждый должен продвигаться своими собственными усилиями. Писатель не может думать за читателя, да и читатель не станет сколько-нибудь лучше, будь такое мышление за другого возможно. Среди интересующихся Теософическим Обществом и его работой давно ощущалась необходимость такого изложения, и мы надеемся, что оно предоставит информацию, свободную, насколько возможно, от технических подробностей, многим из тех, чьё внимание было пробуждено, но кто всё ещё просто озадачен и не убежден.

Некоторое внимание было уделено и отделению того, что есть истинного в спиритуалистическом учении о посмертной жизни от того, что ложно, и объяснению истинной природы спиритических явлений. Предыдущие объяснения этого рода навлекли много гнева на голову автора; ведь спиритуалисты, как и очень многие другие, предпочитают верить в приятное скорее, чем в истинное, и очень злятся на всякого, кто разрушает приятное заблуждение. В течение последнего года теософия была мишенью для всяческих отравленных стрел спиритуализма, будто обладатели полуправды чувствуют больше вражды к обладателям всей правды, чем те, кому вообще нечем похвастаться.

Автор от всего сердца благодарит многих теософов, приславших предложения и вопросы, или оказавших иную помощь в процессе написания этой книги. Благодаря их помощи эта работа станет более полезной, что будет для них самой лучшей наградой.

Е. П. Б.

I. Теософия и Теософическое общество

СМЫСЛ НАЗВАНИЯ

Спрашивающий. Теософию и её учения часто называют новомодной религией. Религия ли это?

Теософ. Нет. Теософия – это Божественное Знание или Наука.

Спрашивающий. Каков истинный смысл этого термина?

Теософ. Это «Божественная Мудрость», *theosojia* (Теософия) или мудрость богов, как *theogonia* (теогония) – родословие богов. Слово *theoV* по-гречески означает «бог», одно из божественных существ, но, конечно же, не «Бог» том смысле, какой ему придают в наши дни. Следовательно, это не «мудрость Бога», как переводят некоторые, а божественная мудрость – такая, какой обладают боги. Этому термину много тысяч лет.

Спрашивающий. Каково происхождение этого названия?

Теософ. Оно пришло к нам от александрийских философов, называвшихся «любящими истину», филалетами, от *jil* – «любящий», и *alhqeia* – «истина». Слово «теософия» датируется третьим веком нашей эры, и в употребление его ввели Аммоний Сакк и его ученики^[1], положившие начало эклектической теософической системе.

Спрашивающий. Что было целью этой системы?

Теософ. Во-первых, внушить ученикам и всем «любящим истину» некоторые великие нравственные истины. Отсюда и девиз, принятый Теософическим Обществом – «Нет религии выше истины»^[2]. Главной целью основателей эклектической теософической школы была одна из трёх целей их современного последователя – Теософического Общества, а именно – примирить все религии, секты и нации общей системой этики, основанной на вечных истинах.

Спрашивающий. Как вы сможете продемонстрировать, что это не является несбыточной мечтой и что все мировые религии действительно основываются на одной и той же истине?

Теософ. Их сравнительным изучением и анализом. «Религия Мудрости» в древности была единой, и тождество изначальной религиозной философии доказывается идентичными доктринами, передаваемыми посвящённым во время мистерий – учреждения, некогда распространенного повсеместно. «Все древние культы указывают на существование предшествовавшей им единственной теософии. Ключ, открывающий одно, должен открывать всё, иначе он не может быть верным ключом» («Эклектическая философия»).^[3]

Политика Теософического общества

Спрашивающий. Во времена Аммония существовало несколько древних великих религий, и в одних только в Египте и Палестине было множество сект. Как мог он их примирить?

Теософ. Делая то, что мы снова стараемся делать сейчас. Неоплатоники составляли большую группу и принадлежали к различным религиозным философиям;^[4] так же и наши теософы. В те дни иудей Аристокл утверждал, что этика Аристотеля представляет собой эзотерические учения Закона Моисея; Филон Иудей пытался примирить Пятикнижие с пифагорейской и платоновской философией; а Иосиф доказал, что ессеи Кармела были лишь последователями египетских терапевтов (целителей) и просто их копировали. Так же и в наши дни. Мы можем показать путь происхождения каждой христианской конфессии, каждой, даже самой маленькой, секты. Последние – это веточки или побеги, выросшие на более крупных ветвях; но побеги и ветви берут начало от одного и того же ствола – РЕЛИГИИ МУДРОСТИ. Доказать это и было целью Аммония, который старался убедить язычников и христиан, иудеев и идолопоклонников отбросить свои споры и борьбу, помня лишь, что они владеют одной и той же истиной, только облачённой в разные одежды только, и что все они – дети одной матери. ^[5] Такова же и цель теософии.

Спрашивающий. Чьим авторитетом можете вы подтвердить сказанное вами о древних теософах Александрии?

Теософ. Почти бесчисленным множеством хорошо известных авторов. Мосхайм, один из них, говорит:

«Аммоний учил, что религия народа шла рука об руку с философией и вместе с ней разделила судьбу быть постепенно искаженной и затемненной простым человеческим тщеславием, предрассудками и ложью; что поэтому её нужно вернуть к первоначальной чистоте путём удаления этих загрязнений и изъяснения её на философских принципах; и всё, что намеревался сделать Христос – это восстановить мудрость древних и вернуть её к своей первобытной целостности, уменьшить до определённых пределов преобладающую повсюду власть предрассудков, и частью исправить, а частью и искоренить различные ошибки, которые проникли в различные народные религии».

Это опять в точности то, что говорят современные теософы. Но тогда как как великого филалета поддерживали двое Отцов Церкви, Климент и Афинагор, все учёные раввины Синагоги, Академия и «роца»,^[6] помогая ему в проводимой политике, и в то время, как он учил общей доктрине для всех, мы, продолжатели его линии, не получаем никакого признания, а наоборот, подвергаемся оскорблениям и преследованиям. Таким образом, оказывается, что 1500 лет назад люди были более терпимыми, чем сейчас в этой просвещенной стране.

Спрашивающий. Не поддерживала ли его Церковь потому, что, несмотря на его ересь, Аммоний учил христианству и был христианином?

Теософ. Вовсе нет. Его происхождение было христианским, но сам он никогда не принимал церковного христианства. Как сказано нём у того же автора:

«Ему нужно было лишь давать наставления в согласии с древними столпами учения Гермеса, о которых ещё раньше знали Платон и Пифагор, и на которых основали свою философию. Найдя то же самое в прологе к Евангелию от Иоанна, он

справедливо предположил, что намерением Иисуса было восстановить Великое Учение Мудрости в его изначальной целостности. Библейские повествования и истории богов он считал аллегориями, указующими на истину, в противном же случае – выдумками, которые следует отвергнуть». Более того, как говорится в «Эдинбургской Энциклопедии», «он допускал, что Иисус Христос был прекрасным человеком и „другом Бога“, но полагал, что в его планы не входило полностью отменить культ даймонов (богов) и что его единственным намерением было очистить древнюю религию».

Религия мудрости, сокровенная во все века

Спрашивающий. Поскольку Аммоний никогда не передавал своих учений письменно, как можно быть уверенным, что его учение было именно таким?

Теософ. Но ведь ни Будда, ни Пифагор, ни Конфуций, ни Орфей, ни Сократ, ни даже Иисус тоже не оставили никаких сочинений. Тем не менее, большинство из них – исторические личности и учения всех их уцелели. Ученики Аммония (среди которых были Ориген и Иринея) писали трактаты и объясняли его этику. И несомненно, они столь же историчны, как как и писания апостолов, если не более. Более того, его ученики – Ориген, Плотин и Лонгин (советник знаменитой царицы Зенобии) – все оставили значительные записи о системе филалетов – во всяком случае, насколько это касается верований, исповедуемых ими публично, ибо учения этой школы делились на экзотерические и эзотерические.

Спрашивающий. И как могли последние дойти до наших дней, если, как вы утверждаете, всё достойное называться религией мудрости действительно было эзотерическим?

Теософ. РЕЛИГИЯ МУДРОСТИ всегда была одной, и будучи последним словом возможного человеческого знания, тщательно сохранялась. Она существовала уже за века до александрийских теософов, дождалась современных и переживёт любую другую религию и философию.

Спрашивающий. Где и кем же она так сохранялась?

Теософ. Среди посвященных каждой страны; среди основательных искателей Истины – их учеников; и в тех частях света, где такие знания всегда ценились и развивались больше всего: в Индии, Центральной Азии и Персии.

Спрашивающий. Можете ли вы предоставить какие-либо доказательства её эзотеризма?

Теософ. Лучшим доказательством, которое вы можете получить, является то, что каждый древний религиозный или, скорее, философский культ состоял из эзотерического, или тайного, учения и экзотерического богослужения (предназначенного для широкой публики). Более того, хорошо известно, что мистерии древних у всех народов включали в себя «великие» (тайные) и «малые» (публичные) – например в знаменитых торжествах в Греции, называвшихся Элевсинскими. От иерофантов Самофракии, Египта и посвящённых брахманов древней Индии вплоть до позднейших еврейских раввинов, все, опасаясь профанации, сохраняли свои настоящие, внутренние верования в тайне. Еврейские раввины называли свои общедоступные религиозные учения меркавах (внешним телом), «колесницей» или оболочкой, которая содержит скрытую душу, их высшее тайное знание. Ни у одного из древних народов настоящие философские тайны никогда не сообщались жрецами массам, которым предназначалась лишь внешняя оболочка. У северного буддизма были свои «великая» и «малая» колесницы, известные как махаяна, эзотерическая, и хинаяна, экзотерическая, школы. И нельзя порицать их за такую скрытность – ведь конечно же вы не стали бы кормить своё стадо овец диссертациями по ботанике вместо травы? Пифагор называл свой гнозис «знанием вещей сущих» или $h\ gnwsiv\ twp\ ontwn$ и сохранял это знание лишь для давших обеты учеников – тех, кто мог усвоить такую умственную пищу и чувствовать удовлетворение; и он брал с них обет молчания и тайны. Оккультные алфавиты и тайные шифры происходят от древнеегипетского иератического письма, секретом которого в древности владели только иерограмматики, посвященные египетские жрецы. Аммоний Сакк, как говорят его биографы, связывал своих учеников клятвой не разглашать никому его высшие учения, исключая лишь тех, кто уже был наставлен в подготовительном знании и тоже был связан обетом. Наконец, разве мы не находим того же даже в раннем христианстве, среди гностиков, и учении самого Христа? Разве он не говорил с

массаами притчами, имеющими двойной смысл, и не объяснял скрытого смысла лишь своим ученикам? «Вам, – говорит он, – дано знать тайны царствия Божия, а тем внешним всё бывает в притчах» (от Марка, IV, 11). «Ессеи Иудеи и Кармела проводили подобное разделение своих приверженцев на неофитов, собратьев и совершенных, или посвященных» («Эклектическая Философия»). Примеры этого можно найти каждой стране.

Спрашивающий. Можно ли достичь «тайной мудрости» просто путём изучения? Энциклопедии определяют теософию почти так же, как и словарь Вебстера, а именно, как «предполагаемое общение с Богом и высшими духами и последующее достижение сверхчеловеческого знания физическими средствами и химическими процессами». Это так?

Теософ. Думаю, что нет. Да и никакой лексикограф не объяснит, ни себе, ни другим, как это сверхчеловеческое знание может быть достигнуто физическими или химическими процессами. Если бы Вебстер написал «метафизическими и алхимическими процессами», определение было бы приблизительно верным; в приведённом же виде оно абсурдно. Древние теософы утверждали – и это же говорят современные – что бесконечное не может быть познано конечным – то есть воспринято конечным существом – но что божественная суть может быть передана высшему Духовному Я в экстатическом состоянии. Это состояние, в отличие от гипнотического, вряд ли достижимо «физическими и химическими средствами».

Спрашивающий. Каково же ваше объяснение?

Теософ. Истинный экстаз определён Платином как «освобождение ума от своего конечного сознания, его единение и отождествление бесконечным». Это высшее состояние, говорит профессор Уайлдер, но оно не вечно и достигается лишь весьма и весьма немногими. В действительности оно тождественно состоянию, известному в Индии как самадхи. Последнее практикуется йогами, которые физически облегчают его достижение строгим воздержанием в еде и питье, а умственно – непрерывным старанием очистить и возвысить ум. Медитация – это безмолвная и неизречённая молитва, или, как говорил о ней Платон, «устремление души к божественному, не просьба о каком-то личном благе (в общепринятом значении молитвы), но обращение к самому Добру – к вселенскому Высшему Благу», частью которого мы являемся на земле, и из сущности которого все мы возникли. Поэтому, добавляет Платон, «оставайся безмолвным в присутствии божественных, пока они не снимут туманную пелену с твоих глаз, и благодаря исходящему от них свету, не дадут тебе возможность увидеть то, что действительно является благом, а не кажется тебе таковым».^[7]

Спрашивающий. В таком случае теософия не является, как считают некоторые, недавно изобретенной системой?

Теософ. Только невежды могут так её называть. Она стара, как мир, в своём учении и этике, если не в названии, а также является самой широкой и всеобъемлющей системой из всех.

Спрашивающий. Почему же тогда так вышло, что теософия оставалась неизвестной народам Западного полушария? Почему она должна была стать книгой за семью печатями для рас, признанных самыми культурными и передовыми?

Теософ. Мы считаем, что в древние времена существовали нации столь же культурные и уж конечно опережавшие нас в духовном отношении. Но этому добровольному невежеству есть несколько причин. Одну из них открыл Св. Павел культурным жителям Афин – это потеря на долгие века настоящего духовного озарения, и даже интереса, из-за слишком сильной их привязанности к предметам чувств и долгого рабства у мёртвой буквы догм и обрядности. Но основная причина в том, что истинная теософия всегда сохранялась в тайне.

Спрашивающий. Вы привели доказательства, что такая секретность существовала, но каковы её истинные причины?

Теософ. Причины её следующие: Во-первых, извращённость обычной человеческой

природы, её эгоизм, всегда стремящийся к удовлетворению личных желаний в ущерб своим ближним и сородичам. Таким людям никогда нельзя доверять божественные тайны. Во-вторых, их неспособность сохранить священное и божественное знание от профанации. Именно последняя привела к извращению самых возвышенных истин и символов и постепенному превращению духовного в антропоморфное, конкретное и сведённое к грубым образам – иными словами, к принижению представления о божественном и к идолопоклонству.

Теософия – не Буддизм

Спрашивающий. О Вас часто говорят как об «эзотерических буддистах». Все ли вы в таком случае – последователи Гаутамы Будды?

Теософ. Не более, чем все музыканты являются последователями Вагнера. Некоторые из нас – буддисты по вероисповеданию; и всё же среди нас гораздо больше индуистов и брахманов, и больше европейцев и американцев, рожденных христианами, чем обращённых буддистов. Ошибка возникла из-за неверного понимания истинного смысла названия прекрасного труда Синнетта «Эзотерический буддизм», последнее слово в названии которой следовало бы писать с одной, а не с двумя буквами «д», так как имелся в виду «будхизм», производное от слова «бодхи» (разум или мудрость), а не буддизм, религиозная философия Гаутамы. Теософия, как уже было сказано, – это РЕЛИГИЯ МУДРОСТИ.

Спрашивающий. В чём же разница между буддизмом, религией, основанной принцем Капилавасту, и будхизмом, «учением мудрости», который, как вы говорите, есть синоним теософии?

Теософ. В том же, в чём разница между тайными учениями Христа, которые назывались «тайнами царства небесного», и позднейшей обрядностью и догматическим богословием церкви и сект. «Будда» означает просветлённый бодхи, или постижением, мудростью. Корнями и ветвями это уходит в эзотерические учения, которые Гаутама передал лишь своим избранным архатам.

Спрашивающий. Но некоторые востоковеды отрицают, что Будда вообще учил чему-либо эзотерическому.

Теософ. Они могут с таким же успехом отрицать, что у Природы есть секреты от людей науки. Далее я докажу это, исходя из беседы Будды с его учеником Анандой. Его эзотерические учения были просто гупта видья (тайным знанием) древних брахманов, ключ к которым их современные последователи, за немногими исключениями, полностью потеряли. И эта видья перешла в то, что сейчас известно, как внутренние учения школы махаяна северного буддизма. Те, кто отрицает это – лишь невежды, претендующие на восточную учёность. Я советую вам почитать «Китайский буддизм» преп. Эдкинса – особенно главы об экзотерической и эзотерической школах и учениях – а затем сравнить их с письменными свидетельствами всего древнего мира по этому вопросу.

Спрашивающий. Но разве этика теософии не тождественна той, которой учил Будда?

Теософ. Конечно, потому что эта этика – душа Религии Мудрости, и некогда была общим достоянием посвященных всех народов. Но Будда был первым, кто включил эту возвышенную этику в свои общедоступные учения, и сделал её основой и самой сущностью своей публичной системы. Именно в этом огромная разница между экзотерическим буддизмом и любой другой религией. Ибо тогда как как в других религиях первое и самое важное место занимают обрядность и догмы, в буддизме всегда больше всего настаивали именно на этике. Этим и объясняется сходство между этикой теософии и этикой религии Будды, доходящее почти до тождества.

Спрашивающий. А есть ли моменты, по которым есть значительные расхождения?

Теософ. Одно из больших различий между теософией и экзотерическим буддизмом состоит в том, что последний, представленный его южной школой, полностью отрицает: а) существование каких-либо божеств; и б) какую-либо сознательную жизнь после смерти или даже какую-либо самосознающую индивидуальность, сохраняющуюся в человеке. По крайней мере, именно таково учение тайландской секты, которое сейчас считают самой чистой формой

экзотерического буддизма. И это так, если рассматривать лишь общедоступные учения Будды; причину такой сдержанности с его стороны я объясню далее. Но северные буддийские школы, учрежденные в тех странах, куда удалились посвящённые архаты после смерти своего Учителя, учат всему, что сейчас называется теософическими доктринами, потому что они образуют часть знания посвященных – таким образом доказывая, что слишком рьяная ортодоксия южного буддизма пожертвовала истиной ради мертвой буквы. Но насколько более величественным и благородным, более научным и философским оказывается это учение, даже в своей мёртвой букве, в сравнении с любой другой церковью или религией! И всё же, теософия – не буддизм.

II. Экзотерическая и эзотерическая теософия

Чем современное Теософическое общество не является

Спрашивающий. В таком случае, ваши учения не являются ни возрождением буддизма, ни полной копией неоплатонической теософии?

Теософ. Не являются. Но на эти вопросы я не могу дать лучшего ответа, чем цитата из доклада «Теософия», прочитанного доктором Дж. Д. Бакком, членом Теософического Общества, на последнем теософическом съезде в Чикаго, в Америке (апрель, 1889). Ни один из ныне здравствующих теософов не выразил лучше подлинную сущность теософии, чем наш глубокоуважаемый друг доктор Бак:

«Теософическое Общество было организовано с целью распространения теософического учения и поощрения соответствующего ему образа жизни. Нынешнее Теософическое Общество – не первое в этом роде. У меня есть книга, озаглавленная: „Теософические протоколы Филадельфийского Общества“, опубликованная в Лондоне в 1697 году, и другая, со следующим названием: „Введение в теософию, или науку о таинстве Христа, то есть о Божестве, Природе и Творении, охватывающую философию всех действующих сил жизни, магических и духовных, и дающую практическое руководство по достижению высшей чистоты, святости и евангельского совершенства; а также по достижению божественного видения и священных ангельских искусств, возможностей и других преимуществ возрождения“, опубликованная в Лондоне в 1855 году. Вот посвящение этой книги:

«Студентам университетов, колледжей и школ христианского мира; профессорам метафизики, механики и естественных наук во всех формах; образованным мужчинам и женщинам фундаментальной ортодоксальной веры; деистам, арианам, унитариям, сведенборгианцам и другим последователям всех неполных и малоосновательных вероучений, рационалистам и скептикам любого рода; правоверным и просвещенным мусульманам, иудеям и верующим в восточные древние религии; но особенно проповедникам и миссионерам как варварских, так и интеллектуальных народов с превеликим смирением и любовью посвящается это введение в Теософию, науку о сути и тайне всех вещей».

В следующем году (1856) вышла другая книга, «Теософический сборник», в 600 страницах большого формата шрифтом «диамант». Было издано только 500 экземпляров этого труда – для бесплатного распространения по библиотекам и университетам. Эти ранние движения, которых было множество, начинались внутри Церкви людьми большого благочестия и безупречной репутации. Все эти труды имели ортодоксальную форму, использовали христианские выражения, и подобно трудам выдающегося деятеля Церкви Уильяма Лоу, с точки зрения рядового читателя отличались лишь глубоким благочестием и набожностью. Они лишь были попытками извлечь и объяснить более глубокое значение и изначальный смысл Священного Писания, а также пояснить и раскрыть теософический образ жизни. Эти труды скоро предавались забвению и сейчас практически неизвестны. Они пытались реформировать духовенство и возродить подлинное благочестие, и никогда не приветствовались. Одного слова «ересь» было достаточно, чтобы похоронить их вместе с всеми прочими подобными утопиями. Во времена Реформации Иоганн Ройхлин предпринял аналогичную попытку, и с таким же результатом, хотя он был близким и доверенным другом Лютера. Ортодоксы никогда не хотели, чтобы их

наставляли и просвещали. Реформаторам было сказано, подобно тому, как Фест сказал Павлу, что слишком большая учёность довела их до сумасшествия, и что двигаться дальше было бы опасно. Если оставить в стороне терминологию, которая была отчасти следствием привычки и образования этих авторов, а отчасти результатом религиозных ограничений, проводимых через светскую власть, и обратиться к сути этих трудов, то они были в самом строгом смысле теософическими и относились исключительно к познанию человеком своей собственной природы и высшей жизни души. Нынешнее теософическое движение иногда объявляли попыткой обратить христианский мир в буддизм, что означает просто то, что слово «ересь» потеряло свой устрашающий смысл и силу. Отдельные люди во все времена более или менее верно понимали теософическое учение и вплетали его в ткань своей жизни. Это учение не является исключительной принадлежностью какой-либо религии, и не ограничено тем или иным обществом или временем. По праву рождения оно – принадлежность каждой человеческой души. Таковую вещь, как символ веры, каждый должен выбирать сам, в соответствии со своей природой, потребностями и различным жизненным опытом. Вот почему представлявшие теософию новой религией напрасно охотились за её символом веры и ритуалом. Её кредо – верность Истине, а её ритуал – «читать каждую истину её применением».

Насколько мало этот принцип Всеобщего Братства понимается массами человечества, и как редко признается его высшая важность, можно видеть на примере разнообразия мнений и вымышленных интерпретаций, касательно Теософического Общества. Это Общество было основано на единственном принципе – сущностном братстве людей, как здесь коротко описывается и несовершенно излагается. На него нападали как на буддийское и антихристианское, будто бы оно могло быть и тем и другим, тогда как и буддизм, и христианство, с момента их зачинания вдохновенными основателями, провозглашают братство единственной принципиально важной частью учения и жизни. Теософию также считали чем-то новым под солнцем, или, в лучшем случае, старым мистицизмом, маскирующимся под новым названием. И хотя верно, что многие Общества, основанные на принципах альтруизма или братства, и их поддержки, носили различные имена, также верно то, что многие назывались теософическими, и их принципы и цели были теми же, что и у современного Теософического Общества. В этих обществах суть учения была одной и той же, а всё остальное – случайным, хотя это не отменяет того факта, что многие люди бывают привлечены поверхностными частностями и не замечают или игнорируют сущность учения».

Нельзя дать более ясного и четкого ответа на ваш вопрос, чем дал этот человек, являющийся одним из наших самых искренних и ценимых нами теософов.

Спрашивающий. В этом случае, какую систему, кроме буддийской этики, вы предпочитаете или какой следуете?

Теософ. Никакой – и всем. Конкретно мы не придерживаемся никакой религии, как и философии – мы отбираем то хорошее, что находим в каждой. Но здесь, опять же, нужно констатировать, что подобно всем другим древним системам, теософия подразделяется на экзотерическую и эзотерическую.

Спрашивающий. Какова же разница?

Теософ. Члены Теософического Общества вольны исповедовать любую религию или философию, которая им нравится, или никакой, если они это предпочитают, при условии, что

они симпатизируют трём его целям и готовы выполнять по меньшей мере одну из них. Общество – филантропическая и научная организация для распространения идеи братства в практическом, а не теоретическом плане. Его члены могут быть христианами или мусульманами, иудеями или парсами, буддистами или брахманистами, спиритуалистами или материалистами – это не имеет значения; но каждый должен быть либо филантропом, либо исследователем арийской и иной древней литературы, или изучать психические явления. Короче говоря, ему следует, по возможности, помогать выполнению хотя бы одной из целей нашей программы. В противном случае у него нет причин присоединяться к нам. Таково большинство экзотерического Общества, состоящего из «прикрепленных» и «не прикрепленных» членов^[8]. Они могут стать, а могут не стать теософами в действительности. Они являются членами, благодаря вступлению в Общество; но последнее не может сделать теософом того, у кого нет чувства божественного лада вещей, или того, кто понимает теософию своим собственным – если можно так выразиться – сектантским и эгоистичным образом. Поговорку «не место красит человека, а человек место» можно, в данном случае, перефразировать так: «теософ тот, кто теософию практикует».

Теософы и члены Теософического общества

Спрашивающий. Это относится к рядовым членам, как я понимаю. А как насчёт тех, кто занимается эзотерическим изучением теософии – они-то настоящие теософы?

Теософ. Не обязательно, пока они сами не доказали, что являются таковыми. Они вступили во внутреннюю группу и дали обет выполнять правила оккультной группы так строго, как только могут. Это трудное дело, ибо первейшее правило – полное отречение от своей личности. То есть давший обеты должен стать полным альтруистом, никогда не думать о себе, позабыть собственное тщеславие и гордость, мысля о благе всех своих ближних – не только о благе собратьев по эзотерическому кругу. Он, если эзотерические наставления принесли ему хоть какую-то пользу, должен жить жизнью воздержания во всём, самоотречения и строгой нравственности, исполняя свой долг по отношению ко всем людям. Немногие истинные теософы, имеющиеся в нашем Обществе, находятся в этом круге. Это не значит, что вне Теософического Общества и его внутреннего круга нет теософов – они есть, и их больше, чем думают люди, и уж конечно, гораздо больше, чем среди мирских членов Теософического Общества.

Спрашивающий. Какая в таком случае польза от вступления в так называемое Теософическое Общество? В чём стимул?

Теософ. Пользы никакой, кроме преимущества в получении эзотерических инструкций, подлинных учений «Религии Мудрости», и если выполняется его истинная программа, в получении помощи от взаимной поддержки и симпатии. Союз – это сила и гармония, и слаженные одновременные усилия творят чудеса. В этом был секрет всех сообществ и союзов с тех пор, как существует человечество.

Спрашивающий. Но почему уравновешенный и целенаправленный человек, обладающий неукротимой энергией и стойкостью, не может стать оккультистом и даже адептом, работая в одиночку?

Теософ. Может; но есть десять тысяч шансов против одного, что ему это не удастся. И первая среди многих причина в том, что в наши дни нет книг по оккультизму или теургии, которые бы излагали секреты алхимии или средневековой теософии простым языком. Все они символичны или даны притчами; а поскольку на Западе на протяжении веков ключ к ним был утрачен, то как может человек узнать верный смысл того, что он читает или изучает? В этом самая большая опасность, которая ведет к неосознанной чёрной магии или к самому беспомощному медиумизму. Потому тем, у кого нет посвящённого, с которым можно было бы сверяться, лучше бы оставить эти опасные исследования. Оглянитесь вокруг и понаблюдайте. В то время, как две трети цивилизованного общества высмеивают саму мысль о том, что в теософии, оккультизме, спиритизме или каббале что-то есть, оставшаяся треть состоит из самых разнородных и противоположных элементов. Некоторые верят в мистическое и даже в сверхъестественное (!), но каждый верит по-своему. Другие бросаются без руководства в изучение каббалы, психизма, месмеризма, спиритизма или какой-либо формы мистицизма. Результат: нет двух людей со сходным мнением, согласных друг с другом в основных оккультных принципах, хотя многие притязают на достижение предела знаний и хотели бы заставить других поверить в то, что они являются вполне состоявшимися адептами. На Западе не найти не только доступного, научного и точного знания оккультизма – нет даже знания настоящей астрологии, единственной ветви оккультизма, которая, в её экзотерическом изучении, имеет определенные законы и систему, – но и ни у кого нет даже представления о том, что такое истинный оккультизм. Некоторые сводят древнюю мудрость к каббале или иудейской книге «Зоар»,

которые каждый трактует по-своему, в соответствии с мертвой буквой методов раввинов. Другие считают конечным выражением Высшей Мудрости труды Сведенборга или Бёме, тогда как третьи опять же усматривают великую тайну древней магии в месмеризме. Те же из них, кто применяет свои теории на практике, из-за невежества скатываются к черной магии. Счастливы те, кому удаётся этого избежать – ведь у них нет ни мерила, ни критерия, чтобы отличить истинное от ложного.

Спрашивающий. Следует ли понимать это так, что внутренняя группа Теософического Общества претендует на то, что её наставления исходят от настоящих посвящённых или учителей эзотерической мудрости?

Теософ. Не непосредственно. Личного присутствия таких учителей не требуется. Достаточно, если они дают наставления некоторым из тех, кто годы проучился под их руководством и посвятил всю свою жизнь служению. Тогда, в свою очередь, они могут передавать полученные знания тем, у кого не было такой возможности. Крупица истинных наук лучше, чем масса непереваренной и непонятой учёности. Унция золота стоит тонны пыли.

Спрашивающий. Но как узнать, действительно ли это унция золота, а не просто подделка?

Теософ. Дерево узнают по плодам, а систему – по её результатам. Когда наши противники смогут доказать нам, что за всю многовековую историю хоть один ученик, изучавший оккультизм в одиночестве, стал святым адептом, как Аммоний Сакк или даже Плотин, или теургом, как Ямблих, или совершил подвиги, такие как Сен-Жермен, без какого-либо учителя, который руководил бы им, и всё это – не будучи медиумом, психистом, обманывающим самого себя, или шарлатаном – тогда мы признаем, что ошибались. Но до тех пор, теософы предпочитают следовать доказанному естественному закону традиции Священной Науки. Есть мистики, сделавшие великие открытия в химии и физике, почти граничащие с алхимией и оккультизмом; другие, лишь с помощью своего гения, заново открывшие частично, если не полностью, потерянный алфавит «языка мистерий», и потому способные правильно читать древнееврейские свитки; и ещё те, кто, будучи ясновидящими, смогли уловить чудесные проблески сокровенных тайн Природы. Но все они – узкие специалисты. Один – теоретик-изобретатель, другой – сектантски настроенный каббалист, третий – Сведенборг нашего времени, отрицающий всё и вся вне его собственной науки или религии. Никто из них не может похвалиться, что принес своей деятельностью пользу и всему миру, или хотя бы своему народу, а не только самому себе. За исключением немногих целителей – того класса, который Королевская Коллегия врачей или хирургов назовет шарлатанами – никто не помог своей наукой ни человечеству, ни даже несколькими окружающим его людям. Где халдеи прошлого, совершавшие удивительные исцеления, «не чарами, но простотой»? Где Аполлоний Тианский, лечивший больных и воскрешавший мёртвых при любом климате и обстоятельствах? Нам известны несколько специалистов первого рода в Европе, но ни одного – последнего рода, за исключением Азии, где секрет йогов, как «жить в смерти», всё ещё сохраняется.

Спрашивающий. Является подготовка таких адептов-целителей целью теософии?

Теософ. У неё несколько целей, но самые важные – те, что могут привести к облегчению человеческих страданий любого рода – как физических, так и нравственных. И мы считаем, последнее гораздо важнее. Теософия должна внушать этику; она должна очищать душу, ибо это принесет облегчение и физическому телу, болезни которого, за исключением несчастных случаев, являются лишь следствиями. Изучая оккультизм из эгоистических побуждений, для удовлетворения личных амбиций, гордости или тщеславия, нельзя достичь его истинной цели – помощи страдающему человечеству. Точно так же нельзя стать оккультистом, изучая лишь одну единственную область эзотерической философии – этого достигают, изучая (если не практикуя) все области.

Спрашивающий. Тогда в достижении этой самой важной цели помогают лишь тем, кто изучает эзотерические науки?

Теософ. Вовсе нет. Каждый светский член Общества имеет право получать общие инструкции, если только он этого хочет; но очень немногие изъявляют охоту стать «работающими членами» – большинство предпочитают оставаться трутнями теософии. Однако, нужно понимать, что личные исследования в Теософическом Обществе поощряются, если только они не переходят предела, отделяющего экзотерическое от эзотерического, слепую магию от сознательной.

Разница между теософией и оккультизмом

Спрашивающий. Вы говорите о теософии и оккультизме; тождественны ли они?

Теософ. никоим образом. В действительности, человек может быть очень хорошим теософом, внутри или вне Общества, никоим образом не будучи при этом оккультистом. Однако, никто не может быть истинным оккультистом, не будучи настоящим теософом; иначе он будет просто черным магом, сознательным или бессознательным.

Спрашивающий. Что вы имеете в виду?

Теософ. Я уже говорила, что настоящий теософ должен воплощать на практике самые возвышенные нравственные идеалы, стремиться осознать свое единство со всем человечеством и непрестанно трудиться для других. Таким образом, если оккультист так не поступает, он действует эгоистически, для своего собственного благополучия; а если он приобрёл больше практических способностей, чем обычные люди, он становится гораздо более опасным врагом всему миру и окружающим, чем простой смертный. Это очевидно.

Спрашивающий. Тогда, может быть, оккультист – это просто человек, обладающий большей силой, чем другие люди?

Теософ. Гораздо большей – если он практический и действительно учёный оккультист, а не просто называет себя таковым. Оккультные науки вовсе не являются, как пишут в энциклопедиях, «теми воображаемыми науками средневековья, которые изучают предполагаемое действие или влияние оккультных качеств или сверхъестественных сил, как алхимия, магия, некромантия и астрология», ибо науки эти реальные, действенные и очень опасные. Они учат о тайных возможностях вещей в Природе, развивая и культивируя скрытые силы, «спящие в человеке», тем самым давая ему огромные преимущества перед более невежественными смертными. Хорошим примером этого является гипнотизм, ставший теперь предметом серьезного научного изучения. Сила гипноза была открыта почти случайно, и путь к ней был подготовлен месмеризмом; а сейчас способный гипнотизер с её помощью может добиться от человека практически чего угодно: может принудить его, бессознательно для самого себя, валять дурака, – или совершить преступление, часто вместо гипнотизера и для целей последнего. Разве не ужасная это сила, если она окажется в руках людей, неразборчивых в средствах? И пожалуйста помните, что это лишь один из малых разделов оккультизма.

Спрашивающий. Но разве самые культурные и образованные люди не считают все эти оккультные науки, магию и колдовство, пережитками древнего суеверия и невежества?

Теософ. Позвольте мне заметить, что в этом высказывании куда ни кинь, всюду клин. «Самые культурные и образованные» среди вас и христианство, и любую другую религию также считают пережитком невежества и суеверия. Сейчас люди, по крайней мере, начинают верить в гипнотизм, а некоторые – даже среди самых культурных – в теософию и необычные явления. Но кто из них, кроме проповедников и слепых фанатиков, признается в вере в библейские чудеса? Вот тут-то и находится точка расхождения. Есть очень хорошие и чистые теософы, которые могут поверить в сверхъестественное, включая божественные чудеса, но никакой оккультист в это верить не станет. Ибо оккультист практикует научную теософию, основанную на точном знании тайных трудов Природы; но теософ, использующий силы, называемые паранормальными, без света оккультизма, будет склоняться к опасной форме медиумизма, потому что, хотя и придерживаясь теософии и её самых высоких этических принципов, он работает с этими силами в темноте, из искренней, но слепой веры. Всякий, будь он теософ или спиритуалист, кто пытается заниматься одной из ветвей оккультной науки: гипнотизмом, месмеризмом или даже секретами производства физических феноменов и так далее, без знания

философской рациональной основы этих сил, подобен лодке без руля, пустившейся в бурный океан.

Разница между теософией и спиритуализмом

Спрашивающий. Но разве вы не верите в спиритуализм?

Теософ. Если под «спиритуализмом» вы имеете в виду объяснение, которое спиритуалисты дают некоторым сверхъестественным явлениям, тогда решительно не верим. Они утверждают, что все эти явления производятся «духами» ушедших смертных, в основном их родственников, которые возвращаются на землю, по их словам, для того, чтобы общаться с теми, кого они любили или к кому были привязаны. Мы полностью отвергаем такую возможность. Мы утверждаем, что духи умерших не могут вернуться на землю – разве что в редких и исключительных случаях, о которых я, возможно, расскажу позже; также они не могут общаться с людьми, за исключением совершенно субъективных средств. То, что видится объективным, или предметным – лишь фантом внефизического человека. Но психический или так сказать «духовный» спиритуализм мы признаём самым решительным образом.

Спрашивающий. Спиритические явления вы также отрицаете?

Теософ. Конечно, нет – за исключением случаев сознательного мошенничества.

Спрашивающий. Чем же вы тогда их объясняете?

Теософ. Мы объясняем их по-разному. Причины подобных проявлений вовсе не так просты, как хотели бы верить спиритуалисты. Чаще всего движущей силой, «*deus ex machina*» так называемых «материализаций» является астральное тело или «двойник» медиума или кого-то из присутствующих. Это астральное тело также является действующей силой при появлении надписей на закрытой доске, явлений, типа имевших место в Дэйвенпорте и так далее.

Спрашивающий. Вы говорите «обычно», а что же служит причиной в остальных случаях?

Теософ. Это зависит от природы явлений. Иногда это астральные останки, «оболочки» бывших личностей из камалоки; в других случаях – элементалы. «Дух» – слово разнообразного и широкого значения. Я действительно не знаю, что имеют в виду спириты, используя этот термин; но как мы понимаем, они утверждают, что физические явления осуществляются перевоплощающимся «я», духовной и бессмертной «индивидуальностью». А эту гипотезу мы полностью отвергаем. Сознательная индивидуальность развоплощённого человека не может материализоваться; не может она и вернуться из своей собственной ментальной сферы дэвачана на план земной предметности.

Спрашивающий. Но многие сообщения, полученные от «духов», демонстрируют не только разумность, но и знание фактов, неизвестных медиуму, а иногда и фактов, скрытых от сознания исследователя и всех присутствующих.

Теософ. Это вовсе не обязательно доказывает, что разум и знания, о которых вы говорите, принадлежат духам или исходят от развоплощённых душ. Известно, что сомнамбулы сочиняют музыку и стихи, решают математические задачи, находясь в состоянии транса, при том, что они никогда не учились ни музыке, ни математике. Другие разумно отвечали на заданные им сложные вопросы, и даже, в некоторых случаях, говорили на таких языках, как древнееврейский и латынь, ранее им совершенно незнакомых – и всё это в состоянии глубокого сна. Станете ли вы утверждать, что всё это было вызвано «духами»?

Спрашивающий. А как бы это объяснили вы?

Теософ. Мы утверждаем, что божественная искра в человеке, будучи единой и по сути своей тождественной со Всеобщим Духом, наше «духовное Я», практически всеведуща, но не может проявить своё знание в силу препятствий со стороны материи. Чем больше этих препятствий устранено, то есть чем больше блокированы собственная независимая деятельность и сознание физического тела, как в глубоком сне, трансе или при болезни, тем более полнее сможет

проявить себя на этом плане внутреннее Я. Вот наше объяснение тех действительно удивительных явлений высшего порядка, в которых проявляются несомненные разум и знание. Что до явлений более низкого порядка, таких как физические явления и банальные сообщения большинства «духов», то даже для объяснения самых важных моментов потребуется больше места и времени, чем можно им сейчас посвятить. У нас не больше желания вмещиваться в веру спиритуалистов более, чем в какую-либо другую. Пусть бремя доказательств пусть ляжет на верующих в «духов». Будучи пока что убеждены, что явления высшего типа происходят благодаря развоплощённым духам, лидеры спиритуалистов и самые разумные и учёные из них, уже признают, что не все явления производятся духами. Постепенно они признают всю правду; но пока у нас нет ни права, ни желания навязывать им свои взгляды. Тем не менее, в случаях чисто психических и духовных проявлений мы верим в возможность взаимного сообщения духа живущего человека с духами личностей, находящихся вне воплощения.^[9]

Спрашивающий. Это означает, что вы отвергаете философию спиритуализма в целом?

Теософ. Если под «философией» вы имеете в виду их сырые теории, то отвергаем. Но по правде говоря, у них нет философии. Так говорят их лучшие, самые образованные и честные защитники. Их фундаментальную и единственную безупречную истину, а именно то, что явления происходят через медиумов под управлением невидимых разумов и сил, никто не будет и не сможет отрицать, за исключением, разве что, слепого материалиста из школы «большого пальца ноги Хаксли». Что же касается их философии, то разрешите мне процитировать редактора журнала «Light», так как более ревностного и мудрого поборника идей спиритуализма найти трудно. Вот что «М. А. Оксон», один из немногих спиритуалистов-философов, пишет о недостатке их организации и слепом фанатизме:

«Стоит пристально изучить этот момент, ибо он жизненно важен. Мы обладаем опытом и знанием, по сравнению с которым все другие знания незначительны. Обычный спиритуалист раздражается негодованием, если кто-либо осмеливается подвергать сомнению его знание грядущего и его абсолютную уверенность в жизни будущей. Там, где другие люди протянутыми вперед слабыми руками нащупывают дорогу в тёмное будущее, он идет бодро, как тот, у кого есть карта и кто знает свой путь. Там, где другие остановились в силу своего благочестия или удовлетворившись верой отцов, он может гордиться тем, что знает то, во что они только верят, и может из своих богатых запасов пополнить увядающую веру, основанную только на надежде. Он великолепен в том, как обращается с самыми возвышенными ожиданиями человека». «Вы надеетесь, – говорит он, – на то, что я могу просто продемонстрировать. Вы верите в предания о том, что я могу экспериментально доказать в соответствии с самым строгим научным методом. Ваши старые верования увядают, оставьте их и освободитесь. В них столько же лжи, сколько и правды. Ваши построения могут быть надёжными, лишь будучи возведены на надёжном фундаменте продемонстрированного факта. Все старые верования вокруг вас рушатся. Постарайтесь избежать краха и выбирайтесь оттуда».

Но когда кому-либо приходится иметь дело с этой замечательной личностью, каков же результат? Очень любопытный и весьма разочаровывающий. Этот человек так уверен в своих послышках, что не дает себе труда проверить те интерпретации, которые дают его фактам другие. Мудрецы много веков занимались объяснением того, что он считает доказанным; но он даже и не взглянет на эти исследования. Он даже не во всём согласен со своим братом спиритуалистом. Это снова похоже на историю о старой шотландке, которая, вместе со своим мужем, основала

«церковь». У них были эксклюзивные ключи от рая, вернее, у неё, потому что она не была «уверена насчет Джеми». Точно так же, бесконечно делящиеся, разделяющиеся и подразделяющиеся секты спиритуалистов качают головами и «не уверены» одна насчет другой. В то же время коллективный опыт человечества в этом вопросе твёрд и неизменен: сила в единстве, а разъединение – источник слабости и поражения. Плечом к плечу, обученная и дисциплинированная, толпа становится армией, где каждый человек стоит сотни нетренированных людей, которые могут выступить против нее. Организация в любой области деятельности человека означает успех, экономию времени и труда, средств и подготовительных работ. Недостаток метода, плана, случайная, время от времени, работа, проявляющаяся вспышками энергии, недисциплинированные усилия – всё это означает неизбежный провал. Голос человечества подтверждает правду. Принимает ли спиритуалист этот вывод, действует ли согласно ему? Поистине, нет. Он отказывается от организации. Он сам себе закон и оцетинился колючками против своих ближних». («Light». 22 июня 1889 г.)

Спрашивающий. Мне говорили, что Теософическое Общество изначально было основано, чтобы сокрушить спиритуализм и веру в сохранение индивидуальности в человеке?

Теософ. Вас дезинформировали. Все наши убеждения основаны на этой бессмертной индивидуальности. Но вы, подобно многим другим, путаете индивидуальность с личностью. Ваши западные психологи, похоже, до сих пор не установили чёткой разницы между этими двумя понятиями. Однако, это как раз то самое отличие, которое дает ключ к пониманию восточной философии, и которое лежит в основе расхождения между теософическим и спиритуалистическим учениями. И хотя это может навлечь на нас ещё большую враждебность некоторых спиритуалистов, всё-таки я должна заявить здесь, что именно теософия является истинным и чистым, без примесей, спиритуализмом, тогда как как современная система, практикуемая ныне массами под этим названием, является просто трансцендентальным материализмом.

Спрашивающий. Пожалуйста, растолкуйте вашу мысль яснее.

Теософ. Я имею в виду, что хотя наши учения утверждают тождество духа и материи, и хотя мы говорим, что дух есть потенциальная материя, а материя – просто кристаллизованный дух (подобно тому, как лед – это затвердевший водяной пар), всё же изначальное и вечное состояние всего есть не дух, а так сказать, мета-дух (а видимая и твердая материя является лишь его периодическим проявлением); кроме того, мы утверждаем, что термин «дух» применим только к истинной индивидуальности.

Спрашивающий. Но в чём разница между этой «истинной индивидуальностью» и «я», которое все мы сознаём?

Теософ. Прежде, чем я смогу вам ответить, мы должны выяснить, что вы имеете в виду под «я». Мы различаем простой факт самосознания, простое ощущение «я есть я» и более сложную мысль «я – мистер Смит», или «миссис Браун». Если верить в последовательность рождений для одного и того же Я, или в перевоплощение, как верим мы, то это различие оказывается основным стержнем всей идеи. «Мистер Смит», как можно видеть, в действительности означает длинную серию ежедневных переживаний, связанных вместе нитью памяти, и образующих то, что мистер Смит называет «собой». Но ни одно из этих переживаний на самом деле не является «я», также не дают они «мистеру Смиту» и ощущения того, что это и есть он сам, потому что он забывает б`ольшую часть своих ежедневных переживаний, и они создают у него ощущение самости только пока длятся. Мы, теософы, однако, делаем различие между этой связкой «переживаний», которую мы называем ложной (поскольку такой конечной и мимолётной) личностью, и тем элементом в человеке, которому он обязан ощущением «я есть я». Последнее и есть то Я, которое мы называем истинной индивидуальностью; и мы говорим, что это Я, или

индивидуальность, играет, как актёр, много ролей на сцене жизни.^[10] Давайте сравним каждую новую жизнь одного и того же Я на Земле с одним спектаклем на сцене театра. Один раз актер, или «Я», выступает как «Макбет», потом как «Шейлок», в третий раз как «Ромео», в четвертый как «Гамлет» или «Король Лир», и так далее, пока не пройдет через весь цикл воплощений. Я начинает свое странствие по жизни как эльф, «Ариэль» или «Пак»; оно играет роль статиста, изображая солдата, слугу, хориста; затем поднимается до «ролей со словами», играет ведущие роли, перемежая их эпизодическими, до тех пор, пока в финале оно не удаляется со сцены как «Просперо», маг.

Спрашивающий. Понятно. Значит, вы утверждаете, что истинное Я не может вернуться на землю после смерти. Но ведь актер свободен в своем выборе, если он сохранил чувство индивидуальности, вернуться, если захочет, на сцену прежних действий?

Теософ. Мы говорим, что нет, просто потому, что такое возвращение на землю было бы несовместимо с любым состоянием чистого блаженства после смерти, что я готова доказать. Мы говорим, что человек в течение своей жизни страдает так много и незаслуженно по вине ближних, с которыми он связан, или из-за окружающей среды, что он безусловно имеет право на полный отдых и покой, если не на блаженство, прежде чем снова принять бремя жизни. Однако, подробности этого можем обсудить потом.

Почему теософия находит признание?

Спрашивающий. До некоторой степени я понимаю; я вижу, что ваши учения являются гораздо более сложными и метафизическими, чем спиритуализм или современная религиозная мысль. Можете ли вы тогда сказать, почему система теософии, которую вы поддерживаете, вызывает такой большой интерес и в то же время такую враждебность?

Теософ. Я считаю, что тому есть несколько причин, и среди прочих можно указать следующие: Во-первых, сильное разочарование в грубых материалистических теориях, преобладающих сейчас в науке. Во-вторых, общая неудовлетворённость искусственными теологиями различных христианских церквей и ежедневно растущим числом конфликтующих сект. В-третьих, всё возрастающее понимание того факта, что символы веры, так явно противоречащие друг другу и самим себе не могут быть истинными, а недоказанные притязания не могут быть реальными. Это естественное недоверие к общепринятым религиям только усиливается в результате их полной неудачи в деле сохранения нравственности и очищения общества и масс. В-четвертых, это убежденность какой-то части многих и точное знание нескольких людей, что должна существовать философская и религиозная система, которая будет научной, а не просто спекулятивной. В-пятых, это, возможно, вера в то, что такую систему, следует искать среди учений, задолго предшествовавших любому из современных вероучений.

Спрашивающий. Но почему эта система предлагается только теперь?

Теософ. Просто потому, что время пришло, и это подтверждается тем фактом, что так много искренних искателей стремятся узнать истину, чего бы это ни стоило, и где бы она ни скрывалась. Видя это, её хранители позволили обнародовать хотя бы некоторые её части. Будь образование Теософического Общества отложено ещё на несколько лет, за это время половина цивилизованных народов стала бы отъявленными материалистами, а другая половина – антропоморфистами и феноменалистами.

Спрашивающий. Можно ли считать теософию откровением?

Теософ. никоим образом – даже в смысле нового и непосредственного откровения со стороны неких высших, сверхъестественных или, по крайней мере, сверхчеловеческих существ; но только в смысле «снятия завесы» со старых, очень старых истин для умов, ранее пребывавших относительно их в неведении, и не знавших даже о самом существовании и сохранении этих древних знаний. ^[11]

Спрашивающий. Вы говорили о «гонениях». Если теософией представлена истина, как она есть, то почему её встречают таким сопротивлением, а не всеобщим признанием?

Теософ. Опять же по многим и различным причинам, одна из которых – ненависть людей к «нововведениям», как они это называют. Эгоизм по сути своей консервативен и терпеть не может, когда его беспокоят. Он предпочтёт уживчивую, нетребовательную ложь величайшей истине, если последняя требует пожертвовать хоть толикой комфорта. Сила умственной инерции огромна, если только что-либо не сулит немедленной выгоды и награды. Наш век в выдающейся степени бездуховен и прозаичен. К этому добавляется незнакомый характер теософических учений и сложная природа доктрин, некоторые из которых прямо противоречат многим человеческим предрассудкам, взлелеянным сектантами и ввевшимся в самую сердцевину популярных верований. Если мы прибавим к этому личные усилия и высокую чистоту жизни, которые требуются от тех, кто хотел бы стать учениками внутреннего круга, а также очень ограниченное число готовых следовать нашим правилам, требующим полного бескорыстия, станет понятно, почему теософия обречена на такое медленное продвижение и такой трудный подъём. По сути это философия лишь для тех, кто страдал в трясине жизни и

потерял всякую надежду выбраться оттуда иным способом. Более того, история всякой системы веры или нравственности, впервые высаженной на незнакомую почву, показывает, что её первые ростки встречали все препятствия, которые только могли учинить мракобесие и эгоизм. Воистину, «венец новатора – терновый венец!» Разрушение старых, изъеденных жучками зданий никогда не обходится без некоторой опасности.

Спрашивающий. Всё это, скорее, относится к этике и философии Теософического Общества. Можете ли вы дать мне общее представление о самом Обществе, его целях и уставе?

Теософ. Это никогда не держали в секрете. Спрашивайте, и вы получите точные ответы.

Спрашивающий. Но я слышал, что вы связаны обетами?

Теософ. Только в тайной (arcane) или «эзотерической» секции.

Спрашивающий. И всё-же, некоторые члены, покинув вас, не считают себя связанными этими обязательствами. Правы ли они?

Теософ. Это свидетельствует о том, что их понятия о чести несовершенны. Каким могут они быть правы? Как хорошо сказано в журнале «Path», нашем теософическом органе в Нью-Йорке, о таких случаях: «Представьте, что солдата судят за нарушение присяги и дисциплины и увольняют со службы. В своём гневе на правосудие, хотя о наказаниях он был предупреждён, и чтобы отомстить своему прежнему начальнику, он переходит на сторону врага, становясь предателем и шпионом, и объявляет, что наказание освободило его от клятвы верности». Оправдывает ли его это, как вы думаете? Не кажется ли вам, что его можно назвать бесчестным человеком, трусом?

Спрашивающий. Я думаю, что так, но некоторые считают иначе.

Теософ. Тем хуже для них. Но мы поговорим на эту тему позже, если вам будет угодно.

Спрашивающий. Каковы цели «Теософического Общества»?

Теософ. Их три, и такими они были с самого начала.

1. Образовать ядро Всеобщего Братства Человечества без различий расы, цвета кожи или вероисповедания.

2. Способствовать изучению арийских и других писаний, мировых религий и разных наук, отстаивать важность значения древних азиатских источников, а именно, принадлежащих к браманистской, буддийской и зороастрийской философиям.

3. Исследовать скрытые тайны Природы во всевозможных аспектах, и в особенности психические и духовные способности, скрытые в человеке. Вот в общих чертах три основные цели Теософического Общества.

Спрашивающий. Можете ли вы сообщить о них более подробную информацию?

Теософ. Мы можем подразделить каждую из этих трёх целей на столько отдельных пунктов, сколько окажется необходимым.

Спрашивающий. Тогда давайте начнём с первой. К каким средствам можете вы прибегнуть, чтобы распространить чувство братства среди рас, весьма различных в своих религиях, обычаях, убеждениях и образе мысли?

Теософ. Позвольте мне прибавить к этому то, о чём вы, похоже, умалчиваете. Ведь мы знаем, что за исключением остатков двух древних наций – парсов и евреев, – каждая не только имеет распри с другими, но и разделена даже внутри себя самой. Этим особенно отличаются так называемые христианские нации. Поэтому вы удивляетесь, и наша первая цель представляется вам утопией. Не так ли?

Спрашивающий. Да, но что же вы на это скажете?

Теософ. Против самого факта – ничего, но могу сказать очень многое о необходимости устранения причин, делающих Всеобщее Братство в настоящее время невозможным.

Спрашивающий. Каковы же, на ваш взгляд, эти причины?

Теософ. Первая и главнейшая – это естественный эгоизм человеческой природы. Вместо того, чтобы искореняться, он повседневно стимулируется и укрепляется религиозным образованием, превращаясь в яростное и непреодолимое чувство, и образование это склонно не только способствовать ему, но и решительно его оправдывать. Представления людей о правильном и неправильном были полностью извращены буквальным принятием еврейской Библии. Всё бескорыстие альтруистических учений Иисуса стало просто теоретическим предметом ораторских упражнений с кафедры, тогда как принципы практического эгоизма, которым учит Моисеева Библия, и против которых Христос столь тщетно проповедовал, прочно укоренились в самой жизни западных наций. «Око за око, зуб за зуб» стало первой заповедью вашего закона. И я заявляю, открыто и бесстрашно, что извращённость этой доктрины, как и многих других, может искоренить только теософия.

Общее происхождение всех людей

Спрашивающий. Каким образом?

Теософ. Просто продемонстрировав логические, философские, метафизические и даже научные основания того, что: а) Происхождение у всех людей, как духовно, так и физически, одно и то же, что является фундаментальным положением теософии; б) Поскольку человечество по сути едино, и эта суть его одна – бесконечная, несотворенная и вечная, называем ли мы её Богом или Природой – ничто, таким образом, не может повлиять на одну нацию или одного человека, не повлияв на все другие нации и всех других людей. Это так же достоверно и очевидно, как то, что камень, брошенный в пруд, раньше или позже, приведет в движение каждую каплю воды в нем.

Спрашивающий. Но это же не учение Христа, а скорее, пантеистические взгляды.

Теософ. Вот в этом и ваша ошибка. Взгляды эти – чисто христианские, хотя и не иудейские, поэтому ваши библейские нации предпочитают их игнорировать.

Спрашивающий. Это огульное и несправедливое обвинение. Где ваши доказательства для подобных заявлений?

Теософ. Они у нас под рукой. Считается, что Христос сказал: «любите друг друга» и «любите врагов ваших», «ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?»^[12] И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так ли поступают и язычники?» Это слова Христа. Но в Книге Бытия (гл. 9, ст. 25) говорится: «Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих». Но, тем не менее, библейские христиане предпочитают Моисеев закон Христову Закону Любви. Они опираются на Ветхий Завет, который потворствует всем их страстям, с его законом порабощения, захвата и тирании всех рас, которые они называют низшими. Какие преступления совершались силой этого дьявольского (если оно понято буквально) высказывания Книги Бытия, может поведать нам только история, хотя представление это будет и неполным.^[13]

Спрашивающий. Я слышал, вы говорили, что тождество нашего физического происхождения доказано наукой, а духовного – Религией Мудрости. Но пока мы не находим, чтобы дарвинисты демонстрировали великую братскую любовь.

Теософ. Вот именно. Это и демонстрирует несостоятельность материалистических систем и доказывает, что мы, теософы, правы. Тождественность нашего физического происхождения не взывает к нашим высшим и более глубоким чувствам. Материя, лишённая души и духа, или своей божественной сущности, не может воззвать к человеческому сердцу. Но тождество души и духа, истинного бессмертного человека, как учит нас теософия, будучи раз доказанным и глубоко укоренившись в наших сердцах, поведет нас далеко по пути истинного милосердия, братства и доброй воли.

Спрашивающий. Но как теософия объясняет общее происхождение всех людей?

Теософ. Учением о том, что корень всей Природы, объектной и субъектной, и всё, что вообще существует во Вселенной, видимое или невидимое, было, есть и всегда будет навсегда одной абсолютной сущностью, из которой всё исходит и к которой всё возвращается. Это арийская философия, вполне представленная лишь в системах ведантистов и буддистов. С учётом первой нашей цели, долг всех теософов – любыми практически доступными путями, во всех странах, способствовать распространению несектантского образования.

Спрашивающий. Что же предписывают уставы вашего Общества своим членам кроме этого? Я имею в виду, на физическом плане.

Теософ. Чтобы пробудить среди народов братские чувства, мы должны способствовать

международному обмену товарами и технологиями, помогая советами, предоставлением информации и взаимодействием со всеми заслуживающими внимания личностями и ассоциациями, однако, при условии, добавляет Устав, что «Общество или его члены за эти услуги не должны получать никакой прибыли и процентов». Возьмем практический пример. Организация Общества, отраженная Эдвардом Беллами в его великолепной книге «Оглядываясь назад», прекрасно представляет теософическую идею о том, каким должен быть первый большой шаг в направлении полной реализации идеи всеобщего братства. Состояние вещей, которое он рисует, далеко от совершенства из-за эгоизма, всё еще существующего и владеющего сердцами людей. Но, в основном, эгоизм и индивидуализм преодолевается чувством солидарности и всеобщего братства; и схема жизни, там описанная, способствует сведению причин, ведущих к возникновению и воспитанию эгоизма, к минимуму.

Спрашивающий. Тогда вы, как теософ, будете принимать участие в усилиях по воплощению этих идеалов?

Теософ. Конечно, и мы доказали это на деле. Разве вы не слышали о Национальных клубах и Партии, которые возникли в Америке со времени публикации книги Беллами? Их деятельность становится все более и более заметной и со временем будет ещё расти. Так вот, эти клубы и эта партия начали свою деятельность прежде всего под влиянием теософов. В Национальном Клубе Бостона, одном из первых, теософами являются президент и секретарь, и большинство его правления принадлежит к Теософическому Обществу. В Уставах всех этих клубов и партии, которую они образуют, влияние теософии и Общества очевидно, поскольку все они берут за основу первый и фундаментальный принцип – братство человечества – как тому учит теософия. В своей Декларации Принципов они провозглашают: – «Принцип братства человечества – одна из вечных истин, ведущих мировой прогресс по путям, отличающим человеческую природу от животной». Что может быть более теософичным, чем это? Но и этого недостаточно: что еще необходимо внушить человеку, так это мысль, что раз корень человечества един, то должна быть, также, единая истина, которая находит выражение во всех религиях, при всём их разнообразии – кроме иудейской, в которой вы не найдете её в выраженном виде даже в каббале.

Спрашивающий. Это относится к общему происхождению религий, и здесь вы можете быть правы. Но как это применимо к практическому воплощению братства на физическом плане?

Теософ. Во-первых, то, что верно на метафизическом уровне, должно быть правдой и на физическом. Во-вторых, нет более благодатного источника раздоров и ненависти, чем религиозная рознь. Если та или иная партия считает себя единственной обладательницей абсолютной истины, то это лишь естественно, что она считает своего соседа находящимся полностью во власти Заблуждения или Дьявола. Но дайте людям однажды увидеть, что ни одна из них не обладает всей истиной, но что они взаимно дополняют друг друга; что полная истина может быть найдена только в совмещении всех взглядов, после того как всё ложное в них будет отсеяно – и тогда настоящее братство религий будет установлено. То же приложимо и в физическом мире.

Спрашивающий. Пожалуйста, поясните подробнее.

Теософ. Возьмем такой пример. Растение состоит из корня, стебля и множества побегов и листьев. Поскольку человечество, как целое, является стеблем, растущим из духовного корня, то стебель и составляет единство этого растения. Повредите стебель – и, очевидно, пострадает каждый побег и лист. Так же и с человечеством.

Спрашивающий. Да, но если вы пораните лист или побег, вы же не повредите всё растение.

Теософ. И поэтому вы думаете, что нанося вред одному человеку, вы не вредите всему человечеству? Но откуда вы это знаете? Известно ли вам, что даже материалистическая наука учит, что любое повреждение, нанесенное растению, как бы мало оно ни было, будет влиять на

весь ход его будущего роста и развития? Следовательно, вы ошибаетесь, и аналогия совершенная. Если вы же упустили из виду, что порез на пальце может заставить страдать всё тело и вызвать ответную реакцию всей нервной системы, тем более я должна напомнить вам, что вполне могут быть другие, духовные законы, действующие на растения и животных, а также и на человечество, хотя, если вы не признаёте их действия на растениях и животных, вы можете отрицать их существование.

Спрашивающий. Какие законы вы имеете в виду?

Теософ. Мы называем их кармическими, но вы не сможете понять полный смысл этого термина, если не изучали оккультизма. Однако, моя аргументация была основана не на допущении, что эти законы существуют, а именно на аналогии с растением. Распространите эту идею, доведите её до всеобщего приложения, и скоро вы обнаружите, что в настоящей философии каждое физическое действие имеет свои нравственные последствия, которые остаются навсегда. Заставив человека страдать, нанеся ему телесное повреждение, вы можете думать, что эта боль и страдание никоим образом не распространятся на его ближних, и менее всего – на людей других наций. Мы же утверждаем, что в должное время это свершится. Потому, говорим мы, что если каждый не поймет и не примет за незыблемую истину то, что причиняя зло одному человеку, мы вредим не только себе, но в конечном счёте и всему человечеству, никакие братские чувства, проповедовавшиеся всеми великими реформаторами, и в первую очередь, Буддой и Иисусом, на Земле невозможны.

Другие наши цели

Спрашивающий. Не могли бы вы теперь объяснить методы, которыми вы предполагаете осуществить вашу вторую цель?

Теософ. Мы будем собирать для библиотеки в нашей штаб-квартире в Адьяре, Мадрас (Индия), (а члены местных отделений – для своих библиотек) все достойные труды о мировых религиях, какие будут доступны.^[14] Сводить воедино в письменной форме достоверные сведения о различных древних философских учениях, традициях, и легендах, распространяя затем эту информацию различными доступными способами в виде публикаций переводов представляющих ценность оригинальных работ, извлечений из них и комментариев к некоторым из них, в том числе пользуясь и устными наставлениями лиц, сведущих в своих областях.

Спрашивающий. А как насчет третьей цели – развития в человеке его скрытых духовных и психических способностей?

Теософ. Это может быть достигнуто в том числе и распространением литературы, особенно в тех местах, где невозможны никакие лекции и личное общение. Наш долг – поддерживать в человеке жизнь его духовной интуиции. И при этом противостоять и противодействовать – после соответствующих исследований и получения доказательств их иррациональной природы – предрассудкам в любой форме – религиозной, научной или социальной и, прежде всего, ханжеству, будь то религиозное сектантство или вера в чудеса и нечто сверхъестественное. Главное же, что мы должны делать – стараться получать знания обо всех законах природы и распространять их; поощрять изучение тех законов, которые меньше всего понимаются современным людьми, так называемых оккультных наук, основанных на настоящем знании природы, вместо популярных нынче суеверных представлений, основанных на слепой вере и авторитете. Фольклор и народные предания, хотя порой в них и много вымысла, будучи тщательно отфильтрованы, могут привести к открытию давно утраченных, но важных тайн природы. Таким образом, Теософическое Общество стремится проводить эту линию исследования в надежде расширить область научных наблюдений и философии.

Спрашивающий. Есть ли у вас какая-либо этическая система, которой следуют в Теософическом Обществе?

Теософ. Этика у нас есть, и достаточно ясная для всех, кто бы захотел ей следовать. Это суть или сливки мировой этики, собранные из учений всех великих реформаторов мира. Потому вы обнаружите в ней идеи Конфуция и Зороастра, Лао-цзы и Бхагавад-гиты, заповеди Гаутамы Будды и Иисуса из Назарета, Гиллеля и его школы, равно как и Пифагора, Сократа, Платона и их школ.

Спрашивающий. Соблюдают ли члены вашего Общества все эти заповеди? Я слышал о значительных разногласиях и даже ссорах между ними.

Теософ. Это вполне естественно, ведь хотя наши принципы (в их нынешней форме) можно назвать новыми, всё же люди, которым надлежит измениться, остаются теми же самыми, с прежней грешной человеческой природой, что и ранее. Как уже было сказано, серьёзно работающих членов не так уж и много, но есть много тех, кто искренне старается жить согласно идеалам Общества и своим собственным идеалам, как позволяют им их силы. Наш долг – ободрить отдельных членов своего Общества, оказав им помощь и поддержку в их интеллектуальном, нравственном и духовном самосовершенствовании, а не порицать и не осуждать тех, у кого это не получается. Мы, строго говоря, не имеем права отказывать в принятии, особенно в эзотерическую секцию, поскольку «входящий в неё будто рождается заново». Но если кто-либо из членов Общества, несмотря на священный обет, честное слово и свое бессмертное «я», после такого «нового рождения» предпочтёт сохранять пороки и недостатки своей прежней жизни и даже будет потворствовать им, тогда, конечно, его скорее всего попросят отказаться от членства и удалиться; или же, в случае его отказа, исключат. Для таких случаев у нас имеются самые строгие правила.

Спрашивающий. Можно ли упомянуть некоторые из них?

Теософ. Можно. Начнём с того, что ни один член Общества, эзотерической его секции или экзотерической части, не имеет права навязывать свое личное мнение другим членам Общества. «Любое официальное лицо центральной организации Общества не вправе выражать публично, словесно или действиями, какую бы то ни было враждебность или предпочтение какой-либо секции, ^[15] религиозной или философской. У всех равные права на выражение сущности своих взглядов по религиозным верованиям, предоставляемых на беспристрастный суд всего человечества. И ни одно из официальных лиц Общества, будучи при исполнении обязанностей, не имеет права проповедовать членам Общества свои собственные сектантские взгляды и верования, за исключением случаев, когда собрание состоит из его единоверцев. Если после предупреждения он продолжит нарушать это правило, он может быть наказан временной отставкой или исключением». Ибо это считается в Теософическом Обществе одним из самых серьёзных проступков. Относительно же внутренней секции Общества, называемой теперь эзотерической, еще в 1880 году были введены следующие правила: «Ни один из членов не может использовать в своих корыстных целях какие-либо знания, сообщенные ему любым членом первой секции (теперь обозначаемой как высшая „степень“); нарушение этого правила наказывается исключением». Однако теперь, прежде чем такого рода знания могут быть сообщены кому-либо, кандидат на это должен связать себя торжественной клятвой не использовать их в своекорыстных целях и не раскрывать что-либо ему сообщенное, кроме как с особого разрешения.

Спрашивающий. Но может ли человек, исключённый или вышедший из этой секции,

раскрыть то, что он узнал, или нарушить иные условия принятого им обета?

Теософ. Конечно нет. Его исключение или снятие полномочий освобождает его лишь от обязательства послушания своему наставнику и от необходимости принимать активное участие в работе Общества, но, конечно же, не от священной клятвы сохранять тайны.

Спрашивающий. Но разве это разумно и справедливо?

Теософ. Несомненно. Для любого человека, у которого есть хотя бы малейшее чувство чести, клятва сохранять тайну, данная под честное слово, и в большей степени своему Высшему Я – Богу внутри – связывает его до самой смерти. И хотя он может покинуть секцию или Общество, ни один человек чести и не подумает причинять вред той группе, с которой он (или она) был связан клятвой, или нападать на неё.

Спрашивающий. Но не заходит ли это слишком далеко?

Теософ. Возможно да, если судить по низкому стандарту нынешней морали. Но если это не связывает именно настолько, какая польза тогда от клятв вообще? Как может кто-либо рассчитывать на получение каких-либо тайных знаний, если он считает себя вправе освободиться от принятых обязательств, когда ему вздумается? Какая гарантия, уверенность или доверие могла бы существовать среди людей, если бы клятвы, подобные этой, в действительности не имели бы связывающей силы? Поверьте мне, что закон воздаяния (кармы) очень быстро настигнет того, кто нарушит свою клятву, и возможно столь же быстро, как и презрение всякого честного человека, даже на физическом плане. Это хорошо выражено в Нью-Йоркском журнале «Path», который мы только что цитировали по этому вопросу: «Однажды данный обет связывает каждого в нравственном и оккультном мирах навечно. Если мы однажды нарушили его и подверглись наказанию, то это не будет оправдывать повторного его нарушения, и сколько бы мы ни продолжали так действовать, могущественный перст закона кармы будет нас настигать». («The Path», июль 1889 г.).

IV. Отношение Теософического общества к теософии

О самосовершенствовании

Спрашивающий. Тогда нравственный рост является принципиальной вещью, на котором в вашем Обществе настаивают?

Теософ. Несомненно! Тот, кто хотел бы стать истинным теософом, должен научиться жить, как подобает таковому.

Спрашивающий. Если это так, то тогда, как я замечал ранее, поведение некоторых членов Общества странным образом противоречит этому основному правилу.

Теософ. И действительно. Но мы не можем помочь этому не в большей степени, чем удаётся это тем, кто называет себя христианами, а действует, как изуверы. Это недостаток не наших уставов и правил, а человеческой природы. Даже в некоторых экзотерических общедоступных секциях члены дают обет перед своим Высшим Я жить жизнью, предписанной теософией. Они должны сделать так, чтобы их Божественное Я вело их во всех их мыслях и действиях каждый день и миг их жизни. Истинный теософ должен «поступать справедливо и вести себя скромно».

Спрашивающий. Что вы под этим подразумеваете?

Теософ. Попросту вот что: одно «я» должно забыть о себе ради многих «я». Позвольте мне ответить вам словами истинного филалета, члена Теософического Общества, прекрасно выразившего это в журнале «Theosophist»: «Что каждому человеку нужно прежде всего – так это найти себя, а затем произвести честную инвентаризацию всем своим субъективным приобретениям, и даже если такая оценка покажет плохое состояние дел или банкротство, ситуация вовсе не является непоправимой, если серьёзно взяться за дело». Но многие ли так делают? Все хотят работать для своего собственного развития и прогресса, и очень немногие для прогресса других. Прочитываем того же автора снова: «Люди уже достаточно долго обманывались и заблуждались, они должны разбить своих идолов, отказаться от подделок и приступить к работе над собой – нет, одно это маленькое слово означает слишком много и слишком многое, поскольку работающий лишь для себя лучше бы не работал и вообще, так что пусть он работает над собой ради других, ради всех. Ибо каждый цветок любви и милосердия, посаженный им в саду ближнего своего, изгонит отвратительный сорняк из его собственного сада, и так сей сад богов – Человечество – расцветет, как роза. Во всех писаниях, во всех религиях это ясно сказано, но человек исхитряется сначала это истолковать неверно, затем выхолащивает, приземляет и, наконец, доводит до полного абсурда. Нового откровения не нужно. Пусть каждый человек станет откровением для самого себя. Пусть бессмертный дух человека однажды овладеет храмом своего тела, изгнав оттуда менял и всякую нечисть, и его собственная божественная человечность освободит его, ибо став един с самим собой, он узнает и „строителя Храма“».

Спрашивающий. Признаться, это же чистый альтруизм.

Теософ. Да. И если хотя бы один из десяти членов Теософического Общества проводил это на практике, оно было бы действительно собранием избранных. Однако, среди сторонних наблюдателей всегда найдутся те, кто откажется видеть существенную разницу между теософией и Теософическим Обществом, между идеей и её несовершенным воплощением. Такие будут распространять каждый огрех и любой недостаток проводника, человеческой организации, на чистый дух, проливающий на него свой божественный свет. Разве справедливо это по отношению к тому и другому? Они бросают камни в ассоциацию, которая в крайне неблагоприятных условиях старается продвигать свой идеал и работать для его достижения. Некоторые очерняют Теософическое Общество лишь потому, что оно пытается осуществить то, в

чём другие системы – такие как церковь и государственное христианство, прежде всего, – потерпели самую вопиющую неудачу; другие – потому, что хотели бы сохранить существующее положение вещей – это фарисеи и саддукеи на престоле моисеевом и высокопоставленные мытари и грешники, пирующие, как во времена упадка Римской Империи. Здравомыслящие люди во всяком случае должны помнить, что человек, который делает всё, что может, делает столько же, сколько и достигший самого большего в этом мире относительных возможностей. Это простейший трюизм, аксиома, а для верующих можно привести в её поддержку евангельскую притчу о талантах: слуга, который удвоил свои два таланта, был вознаграждён так же, как и другой, который получил пять. Каждому человеку даётся с учётом его способностей.

Спрашивающий. И всё же в этом случае довольно трудно провести демаркационную линию между абстрактным и конкретным, ведь составить своё суждение мы можем лишь на основании последнего.

Теософ. Зачем же тогда делать исключение для Теософического Общества? Справедливость, как и милосердие, должна начинаться дома. Станете ли вы издеваться и насмехаться над «Нагорной проповедью» только потому, что вашим социальным, политическим и даже религиозным законам не удавалось проводить в жизнь её заповеди не только по духу, но даже по мёртвой букве? Отмените клятву в суде, парламенте, армии и повсюду, и поступайте, как квакеры, если вы хотите называть себя христианами. Отмените сами суды, ибо если бы вы следовали заповедям Христа, то вы должны были бы отдать свою одежду тому, кто вас раздевает, и подставить левую щеку хулигану, который ударит по правой. «Не противьтесь злему, любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас», ибо «кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в царстве небесном», «а кто скажет: `безумный', подлежит геенне огненной». Да и зачем вам судить, если и вы, в свою очередь, не хотите быть судимы? Настаивать на том, что между теософией и Теософическим Обществом нет различия, значит сделать систему христианства и саму её суть уязвимой для тех же обвинений, только в более серьёзной форме.

Спрашивающий. Почему в более серьёзной?

Теософ. Потому что в то время как лидеры теософического движения, полностью признавая его недостатки, стараются сделать всё, что могут, чтобы исправиться и искоренить зло, имеющееся в Обществе; и в то время как их уставы и постановления составляются в духе теософии, законодатели государств, национальных церквей и отдельных наций, называющих себя христианами, делают наоборот. Члены нашего Общества, даже худшие среди них, не хуже среднего христианина. Более того, если западные теософы испытывают так много трудностей в ведении истинно теософской жизни, то всё это только потому, что они являются детьми своего поколения. Каждый из них был христианином, вскормленным и воспитанным на софистике своей церкви, своих социальных обычаях и своих парадоксальных законах. Он был таким, прежде чем стать теософом, а вернее, членом Общества, которое носит это название, так как не будет слишком частым напоминание, что между абстрактным идеалом и его носителем есть в высшей степени важная разница.

Абстрактное и конкретное

Спрашивающий. Пожалуйста, поясните эту разницу несколько подробнее.

Теософ. Теософическое Общество является довольно большой группой людей, состоящей из самых разнородных элементов. Теософия, в абстрактном её значении, это Божественная Мудрость, или совокупность знаний и мудрости, лежащих в основе Вселенной – единым вечным БЛАГОМ; в конкретном же смысле это та сумма этой же мудрости, которой наделён от природы человек на этой Земле. Некоторые члены искренне стремятся реализовать теософию на практике, так сказать, предметно воплотив теософию в своей жизни, тогда как другие желают только познать её, не практикуя; иные же могут примкнуть к Обществу просто из любопытства, из-за случайного интереса или, возможно, только потому, что к нему принадлежат их друзья. Как же тогда можно судить обо всей системе по тем, кто присвоил себе это имя безо всяких на то оснований? Можно ли судить о поэзии или её музе лишь по тем, кто хочет стать поэтом, но от чьих произведений лишь вянут уши? Наше Общество можно считать воплощением теософии лишь в плане его абстрактных мотивов, и оно не сможет позволить себе называться её конкретным проводником, пока в его теле представлены все человеческие слабости и несовершенства – иначе оно бы только повторило огромную ошибку и святотатство так называемой Церкви Христовой. Если допустить восточное сравнение, то теософия – это безбрежный океан всеобщей истины, любви и мудрости, отбрасывающий своё сияние на землю, тогда как Теософическое Общество – лишь видимый пузырьёк на поверхности этого отражения. Теософия – это божественная природа, видимая и невидимая, а её Общество – человеческая природа, старающаяся вознестись до своей божественной родительницы. И наконец, теософия – это незыблемое вечное солнце, а её Общество – это мимолетная комета, пытающаяся закрепиться на орбите, чтобы стать планетой, всегда вращающейся в пределах притяжения солнца истины. Оно было образовано, чтобы помочь показать людям, что такая вещь, как теософия, существует, и помочь им приблизиться к ней путем изучения и усвоения её вечных истин.

Спрашивающий. По-моему, вы говорили, что у вас нет собственных догматов или доктрин?

Теософ. Да, больше нет. У Общества нет собственной мудрости, которой оно должно придерживаться и которой могло бы учить. Оно – лишь хранилище всех истин, изречённых великими провидцами, посвящёнными и пророками исторических и даже доисторических времён; по меньшей мере, насколько они нам доступны. Потому оно – просто канал, через который, в большей или меньшей степени, проистекают в мир истины, которые можно найти в совокупности сказанного великими учителями человечества.

Спрашивающий. Но разве недоступны такие истины вне вашего Общества? Не провозглашает ли то же самое любая из церквей?

Теософ. Вовсе нет. Несомненное существование великих посвящённых – истинных «сынов божих» – показывает, что такая мудрость часто достигалась отдельными индивидуальностями, однако здесь никогда не обходилось без начального руководства учителя. Но большинство их последователей, став в свою очередь учителями, принижали всеобщность этих учений до узкого русла собственных сектантских догм. Они следовали лишь избранным заповедям отдельных учителей, отбрасывая все остальные, если следовали вообще – вспомните, как они выполняются в случае с «Нагорной Проповедью». Таким образом, каждая религия – лишь кусочек божественной истины, использованный, как фокус для проектирования обширной панорамы человеческой фантазии, претендующей на то, чтобы представлять и заменять эту истину.

Спрашивающий. Но теософия, как вы говорите, не является религией?

Теософ. Конечно, нет, ибо она – суть всех религий и абсолютной истины, одна капля которой является основой каждого вероучения. Если ещё раз прибегнуть к метафоре, то на земле теософия подобна лучу белого света, а каждая религия – это только один из семи цветов спектра. Игнорируя все остальные, осуждая их как ложные, каждый отдельный цветовой луч, таким образом, провозглашает не только своё первенство, но и претендует на то, что он и есть тот самый белый луч, предавая анафеме даже свои собственные оттенки, от светлых до тёмных, как еретические. Всё же, по мере того, как солнце истины поднимается всё выше и выше над горизонтом человеческого восприятия, каждый цветной луч постепенно блекнет, пока не будет вновь полностью поглощён; человечество освободится от проклятия впадения в крайности и, наконец, обнаружит, что купается в чистом, неокрашенном солнечном свете вечной истины. Это и будет теософия.

Спрашивающий. Значит, вы утверждаете, что все великие религии произошли от теософии, и что именно ассимиляцией их мир будет наконец спасён от проклятия своих великих иллюзий и заблуждений?

Теософ. Именно так. И мы добавим, что Теософическое Общество – лишь скромное зерно, которое, если его поливать и позволить ему жить, в конце концов, произведёт древо познания добра и зла, которое привито на Древе Жизни Вечной. Ведь лишь путём изучения различных великих религий и философий человечества, беспристрастного их сравнения непредубеждённым умом, может человек надеяться достичь истины. В особенности достигается это поиском и выявлением точек совпадения. И не ранее, чем мы достигнем – путем ли изучения или будучи обучаемы кем-то знающим – их внутреннего смысла, мы почти всегда будем обнаруживать, что такая точка выражает какую-либо из великих истин Природы.

Спрашивающий. Мы слышали о золотом веке, который был когда-то, а то, что вы описываете, должно стать золотым веком, который будет осуществлен в будущем. Когда это будет?

Теософ. Не ранее, чем человечество, как целое, ощутит потребность в этом. Персидский афоризм из «Джавидана Хирада» гласит: «Истина бывает двух видов – одна явная и самоочевидная; другая – непрерывно требующая новых доказательств». Когда этот последний вид истины станет для всех настолько очевиден, насколько он сейчас туманен, и потому подвержен искажению софистикой и казуистикой, лишь тогда эти два вида истины снова смогут стать одной, и только тогда все люди будут видеть схоже.

Спрашивающий. Но наверняка те немногие, кто чувствовал потребность в этих истинах, пришли к вере во что-то определённое? Вы говорите мне, что раз у Общества нет собственной доктрины, каждый его член может верить, во что ему хочется и принимать то, что ему нравится. Это выглядит так, как если бы Теософическое Общество склонялось к тому, чтобы возродить смешение языков и верований, какое было в древности при вавилонском столпотворении. Неужели у вас нет общих верований?

Теософ. Под тем, что у Общества нет собственных догматов или доктрин, подразумевается лишь то, что нет особых доктрин или верований, обязательных для его членов; но, конечно, это относится только к организации в целом. Общество, как мы вам уже говорили, состоит из внешней и внутренней части. У принадлежащих к последней, конечно же, есть определенная философия, или, – если вы предпочитаете такое определение, – своя собственная религиозная система.

Спрашивающий. Можете ли вы рассказать нам, в чём же она состоит?

Теософ. Мы не делаем из этого тайны. Она была очерчена несколько лет назад в журнале «Theosophist» и в «Эзотерическом буддизме», и то же самое вы можете найти в более разработанном виде в «Тайной доктрине». Она основана на древнейшей философии мира,

называемой Религией Мудрости или Архаической Доктриной. Если хотите, то можете задавать вопросы и получить по ним разъяснения.

V. Основные учения теософии

Спрашивающий. Верите ли вы в Бога?

Теософ. Смотря что вы подразумеваете под этим термином.

Спрашивающий. Я имею в виду Бога христиан, Отца Иисуса, Творца, короче говоря, моисеева библейского Бога.

Теософ. В такого Бога мы не верим. Мы отвергаем идею личностного, внекосмического и антропоморфного Бога, который – всего лишь гигантская тень человека, да к тому же, человека не в лучших своих проявлениях. Бог теологии, говорим мы, и доказываем это – совокупность противоречий, и невозможен логически. Потому мы не имеем к нему никакого отношения.

Спрашивающий. Будьте добры, приведите ваши аргументы.

Теософ. Их много, и невозможно уделить внимание всем. Но вот некоторые. Этого бога его приверженцы называют бесконечным и абсолютным, не так ли?

Спрашивающий. Думаю, он таков и есть.

Теософ. Тогда, будучи бесконечным, – т. е. не имеющим границ – и, особенно, абсолютным, как может он иметь форму и быть создателем чего-либо? Форма предполагает ограничение, начало, так же как и конец, а чтобы творить, существо должно думать и строить планы. Как же Абсолют может думать, то есть иметь отношение к чему-либо ограниченному, конечному и обусловленному? Это философский и логический абсурд. Даже иудейская каббала отвергает эту идею и потому делает из этого единого и абсолютного Божественного Принципа бесконечное Единство, называемое Эйн-Соф^[16]. Чтобы творить, Создатель должен стать активным, а это невозможно для АБСОЛЮТНОСТИ. И нужно было показать бесконечный принцип так, чтобы он становился причиной эволюции (не творения) непрямым образом – то есть через эманацию сефирот из себя самого (другой абсурд, на этот раз уже благодаря переводчикам каббалы).^[17]

Спрашивающий. А как насчет тех каббалистов, называя себя таковыми, всё же верят в Иегову, или Тетраграмматон?

Теософ. Они вольны верить, во что им угодно, поскольку их вера или неверие вряд ли смогут повлиять на самоочевидный факт. Иезуиты говорят нам, что два плюс два не всегда обязательно четыре, поскольку в воле божией сделать $2+2=5$. Примем ли мы их софистику?

Спрашивающий. Значит, вы атеисты?

Теософ. Не такие, каких вы знаете, или вовсе не атеисты, если конечно эпитет «атеист» не использовать по отношению к тем, кто не верит в антропоморфного Бога. Мы верим во Вселенский Божественный Принцип, корень всего, из которого всё происходит и которым всё будет поглощено в конце великого цикла Бытия.

Спрашивающий. Это старое-старое положение пантеизма. Если вы пантеисты, вы не можете быть деистами, а если вы не деисты, тогда вас следует называть атеистами.

Теософ. Не обязательно. Термин «пантеизм» – это опять же из многих терминов, которым злоупотребляют, извратив слепым предубеждением и односторонним взглядом его первоначальное значение. Если вы принимаете христианскую этимологию этого составного слова и производите его из *pan* «всё» и *qeos* «бог», а затем воображаете и учите, что это означает, что каждый камень и каждое дерево в Природе есть Бог или ЕДИНЫЙ Бог, тогда, конечно, вы будете правы и сделаете из пантеистов фетишистов, в добавок к их законному названию. Но вряд ли вам это удастся, если вы будете определять этимологию слова «пантеизм» эзотерически, как это делаем мы.

Спрашивающий. Тогда каково же ваше определение его?

Теософ. Позвольте мне, в свою очередь, задать вам вопрос. Что вы понимаете под словом

Пан, или Природа?

Спрашивающий. Природа, как я полагаю – это общая сумма вещей, существующих вокруг нас; совокупность причин и следствий в мире материи, мироздании или вселенной.

Теософ. Отсюда Пан – это олицетворенная сумма и порядок известных причин и следствий, сумма всех конечных факторов и сил, совершенно разобщенная с разумным Создателем или создателями, а возможно, «понимаемая как единственная и отдельная сила», как даётся в ваших энциклопедиях.

Спрашивающий. Да, думаю, так.

Теософ. Замечательно. Мы же как раз не рассматриваем эту предметную и материальную природу, которую мы называем кратковременной иллюзией, не подразумеваем мы под словом пан и природу в смысле общепринятого производного от латинского слова natura (происходящего от nasci, быть рожденным). Говоря о Божестве и считая его тождественным Природе, а следовательно и совечным ей, мы подразумеваем вечную и несотворённую Природу, а не вашу совокупность мимолётных теней и вещей конечных и нереальных. Мы оставляем сочинителям гимнов назвать видимые небеса Престолом Господним, а нашу грязную Землю – подставкой для его ног. Наше БОЖЕСТВО – ни в раю, ни в каком-то конкретном дереве, здании или горе: оно везде, в каждом атоме, как видимого, так и невидимого Космоса, внутри, снаружи и вокруг каждого невидимого атома и делимой молекулы, ведь ОНО – таинственная сила эволюции и инволюции, вездесущая, всемогущая и даже всеведущая возможность творения.

Спрашивающий. Постойте, ведь всезнание – это прерогатива чего-то мыслящего, а вы вашей Абсолютности в способности мыслить отказываете.

Теософ. Мы отрицаем её у АБСОЛЮТА, поскольку мысль – это нечто ограниченное и обусловленное. Но вы, очевидно, забываете, что в философии абсолютная бессознательность является также абсолютным сознанием, поскольку иначе оно не было бы абсолютным.

Спрашивающий. Тогда ваш Абсолют думает?

Теософ. Нет, ОН не думает, по той простой причине, что он и есть сама Абсолютная Мысль. По той же причине и не существует, поскольку он – абсолютное существование, Бытийность, а не существо. Прочтите великолепную каббалистическую поэму Соломона Бен Иегуды Гебириля, в Кэтер-Малькут, и вы поймете: – «Ты – Един, корень всех чисел, но не элемент перечисления, ибо единство не допускает умножения, изменения или формы. Ты – един, и перед тайной твоего единства теряются мудрейшие из людей, ибо они не знают её. Ты един, и твоё единство никогда не убывает, не возрастает и не может быть изменено. Ты един, и никакая мысль моя не может установить тебе предела или определить тебя. Ты ЕСТЬ, но не как нечто сущее, ибо понимание и зрение смертных не может ни достичь твоего существования, ни определить для тебя где, как и почему», и т. д. Короче говоря, наше Божество – это вечный, непрестанно развивающийся, но не творящий, строитель вселенной; эта вселенная сама разворачивается из своей собственной сущности, не будучи сотворенной. Символически это сфера без окружности, имеющая лишь один вечно действующий атрибут, охватывающий все прочие существующие или мыслимые атрибуты, – СЕБЯ. Это единый закон, дающий импульс проявляющимся, вечным и непреложным законам внутри этого, никогда не проявляющегося, ибо абсолютный ЗАКОН в своих периодах проявления есть Вечное Становление.

Спрашивающий. Однажды я слышал, как один из ваших членов заметил, что Мировое Божество, будучи везде, как в сосудах достойных, так и недостойных, присутствовало, таким образом, в каждом атоме пепла моей сигары! Это ли не отъявленное богохульство?

Теософ. Я так не думаю, ведь простую логику вряд ли можно считать богохульством. Если мы исключим Вездесущий Принцип из одной единственной математической точки вселенной или из частички материи, занимающей любое мыслимое пространство, сможем ли мы всё ещё

считать его бесконечным?

Необходимо ли молиться?

Спрашивающий. Верите ли вы в молитву и молитесь ли вы?

Теософ. Нет. Вместо того, чтобы говорить, мы действуем.

Спрашивающий. Вы не возносите молитв даже Абсолютному Принципу?

Теософ. Зачем нам это делать? Будучи весьма занятыми людьми, мы вряд ли можем позволить себе тратить время на обращения со словесными молитвами к чистой абстракции. Непознаваемое допускает лишь связи своих частей между собой, но не существует для каких-либо конечных отношений. Видимая вселенная в своем существовании и явлениях зависит от своих взаимодействующих между собой форм и их законов, а не от молитв и молящихся.

Спрашивающий. Вы вообще не верите в действенность молитвы?

Теософ. Мы не верим в молитву заученную, многословную и повторяемую чисто внешне, если под молитвой вы подразумеваете внешнюю просьбу, обращённую к неизвестному Богу, торжественно возведенному на престол иудеями и популяризированному фарисеями.

Спрашивающий. А есть какой-то иной вид молитвы?

Теософ. Несомненно; мы называем её волевой молитвой, и это скорее внутренняя команда, чем прошение.

Спрашивающий. Кому же тогда вы так молитесь?

Теософ. Нашему «Отцу Небесному» – в эзотерическом его понимании.

Спрашивающий. Это нечто отличное от того, что вкладывается в это понятие в богословии?

Теософ. Совершенно. Оккультист или теософ обращается к своему Отцу, который в тайне (прочтите и попытайтесь понять 6 стих VI главы Евангелия от Матфея), а не внекосмическому и потому конечному Богу; и этот «Отец» – в самом человеке.

Спрашивающий. Тогда вы делаете из каждого человека этакое бога?

Теософ. Пожалуйста, говорите «Бога», а не «этакое бога». В нашем понимании внутренний человек и есть тот единственный Бог, которого мы можем познать. И как может быть иначе? Если принять наш постулат, что Бог – это распространённый повсюду бесконечный Принцип, тогда как может человек избежать того, чтобы не быть полностью проникнутым Божеством и быть в нём? Мы называем нашим «Отцом Небесным» ту божественную сущность, которую сознаём внутри себя, в нашем сердце и духовном сознании, и которая не имеет ничего общего с антропоморфной концепцией бога, которую мы можем создать в нашем физическом мозгу или его воображении: «Разве не знаете, что вы – храм Божий и Дух Божий живёт в вас?»^[18] Но пусть никто не антропоморфирует эту пребывающую в нас сущность. Пусть никто из теософов, если он желает держаться божественной истины, а не человеческой, не говорит, что этот «Бог, который в тайне», внимает лишь конкретному человеку, или отличен от конечного человека или же от бесконечной сущности – ибо всё едино. И молитва, как только что отмечалось, – не просьба. Это скорее таинство, оккультный процесс, которым конечные и обусловленные мысли и желания, негодные для восприятия абсолютным духом, который необусловлен, переводятся в духовные повеления и волю; и называется этот процесс «духовной трансмутацией». Сила наших пламенных устремлений превращает молитву в «философский камень» или то, что претворяет свинец в золото. Единственная однородная сущность, наша «волевая молитва» становится активной или творящей силой, по нашей воле производящей следствия.

Спрашивающий. Вы хотите сказать, что молитва – это оккультный процесс, вызывающий физические результаты?

Теософ. Да. Сила воли становится живой силой. Но горе тем оккультистам и теософам, которые вместо истребления желаний низшего личностного эго, или физического человека, и

обращения к своему высшему Духовному Я, погруженного в свет атма-буддхи, «не моя воля, но твоя да будет», будут посылать волны силы воли для эгоистичных или низменных целей! Ведь это – чёрная магия, мерзость и духовное колдовство. К несчастью, всё это является любимым занятием наших христианских государственных деятелей и генералов, особенно когда последние посылают две армии убивать друг друга. Все они, прежде чем взяться за дело, прибегают к такого рода колдовству, вознося молитвы одному тому же Господу, умоляя его помочь им перерезать глотки своих врагов.

Спрашивающий. Давид молился Господу Саваофу, чтобы тот помог ему разбить филистимлян и сразить сириян и моавитян. «И хранил Господь Давида везде, куда он ни ходил». В этом мы лишь следуем тому, что находим в Библии.

Теософ. Конечно. Но раз уж вам нравится называть себя христианами, а не израильтянами или иудеями, насколько нам известно, то почему бы вам лучше не следовать тому, что говорит Христос? А он ясно велит вам не следовать законам, «сказанным древним», то есть Моисеем, но призывает делать так, как он говорит, и предостерегает, что все, взявшие меч, от меча и погибнут. Христос дал вам одну молитву, из которой вы сделали скороговорку и предмет хвастовства, и которой не понимает никто, кроме истинных оккультистов. В ней вы говорите, утратившую для вас смысл и ставшей мёртвой фразу «и оставь нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим», чего вы никогда не делаете. Далее, он учил вас любить врагов ваших и благодотворить ненавидящим вас. И уж точно, что не «кроткий проповедник из Назарета» учил вас молиться вашему «Отцу» об убийстве и даровании победы над врагами! Вот почему мы отвергаем то, что вы называете «молитвами».

Спрашивающий. Но как вы объясните тот повсеместный факт, что все нации и народы молились и почитали Бога или богов? Некоторые поклонялись и старались умилостивить демонов и злых духов, но это лишь доказывает всеобщность веры в действенность молитвы.

Теософ. Это объясняется тем упомянутым уже фактом, что у молитвы есть и некоторые другие значения, помимо тех, что придают ей христиане. Она означает не только мольбу или просьбу, но давние времена значила скорее повеление и призыв. Мантра, или ритмически распеваемая молитва индусов, имеет именно такой смысл, поскольку брахманы считали себя выше обычных дэв или «богов». Молитва может быть призывом или вредоносным заклинанием, и даже проклятием (как в случае двух армий, одновременно молящихся о взаимном уничтожении), так же как и благословением. А поскольку в огромном большинстве своём люди весьма эгоистичны и молятся только о себе, прося о том, чтобы им был дан «хлеб насущный», вместо того, чтобы трудиться для этого, и просят Бога не ввести их во «искушение», но избавить их (только молящихся) от зла, то такая молитва приносит вдвойне вредный результат: а) она убивает в человеке способность полагаться на себя; б) развивает в нем ещё более яростный эгоизм и эгоцентризм, чем присущие ему от природы. Я повторяю, что мы верим в «сообщество» и одновременное действие в согласии с нашим «Отцом, который в тайне», и в редкие моменты экстатического блаженства, в слияние нашей высшей души с вселенской сутью, при котором она привлекается к своему истоку и центру – состояние, называемое при жизни самадхи, а после смерти – нирваной. Мы отказываемся молиться тварным конечным существам – т. е. богам, святым, ангелам, и тому подобным, так как считаем это идолопоклонством. Мы не можем молиться АБСОЛЮТУ по причинам, разъяснённым выше; потому мы стараемся заменить бесплодную и бесполезную молитву достойными и плодотворными делами.

Спрашивающий. Христиане назвали бы это гордыней и богохульством. Они неправы?

Теософ. Совершенно. Это они, напротив, проявляют сатанинскую гордыню в своей уверенности, что Абсолютное или Беспредельное, даже если бы существовала возможность каких-то отношений между обусловленным и необусловленным, снизойдет до того, чтобы

прислушиваться к каждой глупой или эгоистичной молитве. И, опять же, именно они на самом деле богохульствуют, уча, что всезнающий и всемогущий Бог нуждается в изречённых молитвах, чтобы знать, что ему делать! И наша позиция подтверждается и Буддой, и Иисусом, если понимать их эзотерически. Первый говорит: «Ничего не просите от беспомощных богов – не молитесь, но лучше действуйте, ибо тьма сама не рассеется. Не просите ни о чём безмолвие, ибо оно не может ни говорить, ни слушать». А другой – Иисус – советует: «И если чего попросите во имя мое, то сделаю». Конечно, эта цитата, взятая в буквальном смысле, противоречит нашим утверждениям. Но если понимать её эзотерически, с полным знанием смысла слова «Христос», которое представляет атма-буддхи-манас, Высшее Я, то она сведется к следующему: единственный Бог, которого мы должны признавать и которому мы должны молиться (а точнее, действовать в согласии с ним) – это тот Дух Божий, храмом которого является наше тело, где он и пребывает.

Молитва убивает веру в себя

Спрашивающий. Но разве Христос не молился сам и не советовал молиться?

Теософ. Так написано, но эти «молитвы» имели именно характер общения со своим «Отцом, который в тайне». Иначе, если отождествлять Иисуса со Вселенским Божеством, было бы что-то чересчур абсурдно нелогичное в неизбежном заключении, что именно «сам Бог» молился себе самому и отделял волю того Бога от своей!

Спрашивающий. Ещё один аргумент, более того, аргумент часто используемый некоторыми христианами. Они говорят: «Я чувствую, что неспособен преодолеть какие-либо страсти и слабости своими собственными силами. Но когда я молюсь Иисусу Христу, я чувствую, что он даёт мне силы и что в его власти сделать так, чтобы я смог победить их».

Теософ. Ничего удивительного. Если «Иисус Христос» – Бог, причём независимый и отдельный от молящегося, то конечно, для такого всемогущего Бога всё возможно и должно быть возможно. Но тогда в чем заслуга и справедливость такой победы? Почему такой псевдопобедитель должен быть вознаграждён за нечто совершённое, что стоило ему только молитв? Станете ли даже вы, простой смертный, платить своему рабочему за весь день, если вы сделали за него большую часть работы, пока тот всё это время сидел под яблоней и умолял вас сделать это. Эта идея о том, что всю жизнь можно провести в праздности душевной, а всю самую тяжелую работу и долг за нас исполнит кто-то другой – будь то Бог или человек – в высшей степени возмутительна для нас и весьма унижительна для человеческого достоинства.

Спрашивающий. Может быть и так, но именно вера в личностного Спасителя, который поможет и поддержит в жизненной битве, является основополагающей идеей современного христианства. И нет сомнения в том, что субъективно такая вера действительна, то есть верующие действительно чувствуют поддержку и облегчение.

Теософ. Также не в меньшей степени нет сомнения, что некоторые пациенты «христианской науки» и «ментальных учёных» – великих «отрицателей» [\[19\]](#) – также иногда излечиваются; а так же и в том, что гипнотизм и внушение, психология и даже медиумизм столь же часто дают такие же результаты, если не чаще. Вы принимаете во внимание и нанизываете на нить вашей аргументации только успехи. А как насчёт в десять раз большего числа неудач? Вы ведь не решитесь утверждать, что неудачи неизвестны, даже при достатке слепой веры среди фанатичных христиан?

Спрашивающий. Но как же вы объясните случаи, увенчавшиеся полным успехом? Где ищет теософ силу для обуздания своих страстей и эгоизма?

Теософ. В своём Высшем Я, божественном духе, или Боге в нём, и в своей карме. Как долго нам придётся снова и снова повторять, что дерево познаётся по своему плоду, а природа причины – по её следствиям? Вы говорите о подчинении страстей, о том, чтобы стать хорошим через Христа и с его помощью. Но где, спрашиваем мы, вы находите больше добродетельных и безупречных людей, воздерживающихся от греха и преступлений, в христианском мире или буддийском – в христианских странах или в «языческих» землях? Есть статистика, отвечающая на этот вопрос и подтверждающая наши заявления. Согласно последней переписи на Шри Ланке и в Индии в сравнительной таблице преступлений, совершенных христианами, мусульманами, индусами, евразийцами, буддистами и т. д., на два миллиона жителей, взятых наугад из приверженцев каждого вероисповедания, и включающей преступления нескольких лет, количество преступлений, совершенных христианами находятся в отношении 15 на 4 к количеству преступлений, совершенных буддийским населением. (Смотри «Lucifer», апрель 1888, статья «Христианские лекции о буддизме»). Никакой востоковед, историк, или

путешественник по буддийским странам от епископа Биганде и аббата Хука, до сэра Уильяма Хантера и любого непредвзято мыслящего чиновника не может не отдать пальму первенства добродетели именно буддистам, а не христианам. Однако первые (кроме последователей сиамской секты, во всяком случае) не верят ни в Бога, ни в будущее вознаграждение вне этой земли. Они не молятся – ни жрецы, ни миряне. «Молиться!» – воскликнут они в удивлении, – «кому или чему?»

Спрашивающий. Тогда они настоящие атеисты.

Теософ. Это невозможно отрицать, но также они наиболее любящие добродетель и самые добропорядочные люди во всем мире. Буддизм учит: «уважайте религии других людей и будьте верны вашей», а христианская церковь, осуждая всех богов других народов как дьяволов, обрекает каждого нехристя на вечную погибель.

Спрашивающий. Разве буддийское духовенство не делает того же самого?

Теософ. Никогда. Они слишком твердо придерживаются мудрых заповедей из Дхаммапады, чтобы делать так, поскольку знают, что «если какой-либо человек, учёный или нет, считает себя таким великим, что может презирать других людей, он похож на слепого, держащего свечу – слепой сам, он освещает других».

О происхождении человеческой Души

Спрашивающий. Тогда как вы объясните то, что человек наделён духом или душой? Откуда они?

Теософ. От Мировой Души. Конечно, они не дарованы личностным Богом. Откуда у медузы водный элемент? Из окружающего её океана, в котором она живет, дышит и существует и куда она вернется, когда растворится.

Спрашивающий. Так вы отрицаете учение, что душа дана или вдохнута в человека Богом?

Теософ. Мы обязаны это сделать. Душа, о которой говорится в главе II «Бытия» (стих 7), – это, как там сказано, «душа живая» или нэфеш (то есть жизненная или животная душа), которой Бог (мы говорим «природа» или непреложный закон) наделяет человека, так же, как и всякого животного. Это вовсе не мыслящая душа или ум, и менее всего это бессмертный дух.

Спрашивающий. Хорошо, давайте сформулируем иначе: это Бог ли наделяет человека человеческой разумной душой и бессмертным духом?

Теософ. При такой постановке вопроса мы снова должны отрицать это. Раз мы не верим в личностного Бога, как можем мы верить, что он чем-то наделяет человека? Но допуская, ради аргументации, существование Бога, который берёт на себя риск создавать новую душу для каждого вновь рожденного младенца, то всё, что можно сказать – так это то, что такого Бога вряд ли можно считать наделенным хоть какой-либо мудростью или предвидением. А некоторые другие трудности и невозможность примирить это с заявлениями о милосердии, справедливости, беспристрастии и всеведении такого Бога, уж точно являют собой смертоносные рифы, на которых эта богословская догма разбивается ежедневно и ежечасно.

Спрашивающий. Что вы имеете в виду? Какие трудности?

Теософ. Я имею в виду неопровержимый аргумент, однажды предложенный в моём присутствии знаменитым сингальским буддийским проповедником христианскому миссионеру, которого вовсе нельзя было назвать невежественным или неподготовленным к той публичной дискуссии, на которой этот аргумент был выдвинут. Это было недалеко от Коломбо, и миссионер попросил старейшину Мегаттивати привести свои доводы, почему христианский Бог не может быть принят «язычниками». Ну и миссионер занял в этой достопамятной дискуссии почётное второе место, впрочем, как обычно.

Спрашивающий. Хотел бы я знать, каким образом.

Теософ. Очень просто. Буддийский проповедник начал с вопроса к падре, давал ли Бог Моисею заповеди, которых должны были придерживаться только люди, а сам Бог нарушал бы. Миссионер с негодованием отверг это предположение. «Хорошо, – сказал оппонент, – вы говорите, что Бог не делает исключений из этого правила, и что ни одна душа не может родиться без его воли. Но среди прочего Бог запрещает и прелюбодеяние, и всё же вы говорите, что это он создает каждого рождающегося младенца, и он наделяет его душой. Должны ли мы понимать это так, что миллионы детей, рожденных в преступлении и прелюбодеянии, являются делом Бога? И что ваш Бог, запрещая и карая нарушение своих законов, тем не менее, ежедневно и ежечасно творит души как раз для таких детей? Согласно простейшей логике, ваш Бог – соучастник преступления, поскольку без его помощи и вмешательства такие „дети греха“ родиться бы не могли. Где же справедливость, когда не только виновные родители, но и невинный младенец караются за то, что сделано самим Богом, чью полную невинность вы оправдываете?» Миссионер посмотрел на свои часы и вдруг нашёл, что уже слишком поздно для продолжения дискуссии.

Спрашивающий. Вы забываете, что все такие необъяснимые случаи являются таинствами, и

что нашей религией нам запрещено совать нос в таинства Бога.

Теософ. Нет, мы не забываем, а просто отвергаем такие невозможные вещи. Не хотим и вас заставлять верить в то же, что и мы. Мы лишь отвечаем на заданные вами вопросы. У нас, однако, есть другое название для ваших «таинств».

Буддийское учение о Душе

Спрашивающий. Что говорит буддизм о душе?

Теософ. Это зависит от того, имеется ли в виду экзотерический, популярный буддизм, или его эзотерические учения. Учение первого раскрывается в «Буддийском катехизисе» таким образом: «Душа рассматривается как наименование, используемое невеждами для выражения ложного представления. Если всё подвержено изменениям, то не является исключением и человек, и каждая материальная часть его должна меняться. То, что подлежит переменам, непостоянно, так что не может быть бессмертия для переменчивой вещи». Это кажется простым и определенным. Но когда мы подходим к вопросу о том, что новая личность в каждом последующем рождении представляет собой совокупность скандх, или принадлежностей старой личности, и спрашиваем, является ли она новым существом, в котором ничего не осталось от старого, мы читаем: «В одном смысле это – новое существо, в другом – нет. В течение жизни скандхи постоянно изменяются, и тогда как сорокалетний мужчина А. Б. считается тождественен по своей личности восемнадцатилетнему юноше А. Б., всё же в силу постоянного разрушения и восстановления тела и изменения ума и характера, он уже другое существо. Тем не менее, человек в пожилом возрасте справедливо пожинает плоды, награды или страдания, последовавшие из его мыслей и поступков на всех предыдущих стадиях его жизни. Так и новое существо нового воплощения, будучи той же самой индивидуальностью, что и раньше (но не той же личностью), но в изменённой форме, или с новой суммой скандх, справедливо пожинает последствия своих действий и мыслей в прошлом существовании». Это трудная для понимания метафизика, но она, никоим образом, прямо не выражает неверия в душу.

Спрашивающий. Разве не говорится подобного и в «Эзотерическом буддизме»?

Теософ. Говорится, поскольку это учение принадлежит и эзотерическому буддизму или Тайной Мудрости, и экзотерическому буддизму, или религиозной философии Гаутамы Будды.

Спрашивающий. Но нам ясно сказали, что большинство буддистов не верят в бессмертие души?

Теософ. И мы тоже, если под душой вы подразумеваете личное эго, или жизненную душу – нэфеш. Но каждый учёный буддист верит в индивидуальное или божественное Я. Те, кто не верят в него, ошибаются в своих суждениях. Здесь они так же заблуждаются, как и те христиане, которые путают богословские вставки более поздних редакторов Евангелий о преисподней и адском огне, с дословными высказываниями Иисуса. Ни Будда, ни даже «Христос» никогда ничего не писали сами, но оба говорили аллегориями и «притчами», как делали настоящие посвященные и будут делать ещё долго. Оба Писания очень осторожно трактуют эти сложные метафизические вопросы; и буддийские и христианские записи грешат избытком экзотеризма, и в обоих случаях мёртвая буква в своём значении хватается через край.

Спрашивающий. Вы хотите сказать, что ни учение Будды, ни учение Христа до сих пор не были правильно поняты?

Теософ. Именно это я и имею в виду. Оба благовествования, и буддийское и христианское, проповедовались с одной и той же целью. Оба реформатора были горячими филантропами и практическими альтруистами, несомненно проповедовавшими социализм благороднейшего и высочайшего типа, самопожертвование до самого, пусть скорбного, конца. «Пусть грехи всего мира падут на меня, чтобы я мог облегчить беды и страдания человека!» – взывает Будда... «Я не допущу, чтобы плакал кто-либо, кого я мог уберечь!» – восклицает принц-ниций, облачённый в кладбищенские лохмотья отречения. «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас» – таков был призыв к бедным и обездоленным «Человека Скорбей», которому

негде было преклонить голову. Учение обоих составляют безграничная любовь к человечеству, милосердие, прощение обид, забвение себя, сострадание к заблуждающимся массам, оба проявляют одинаковое презрение к богатым и не делают никакого различия между своими и чужими. Их стремлением было, не открывая святых мистерий посвящения всем, дать невежественным и введенным в заблуждение, чье бремя в жизни было слишком тяжелым для них, веру и намёк на истину, достаточные, чтобы поддержать их в тяжелые часы. Но цели обоих реформаторов не были достигнуты из-за избытка рвения их позднейших последователей. Слова Учителей неверно поняты и истолкованы – взгляните на последствия!

Спрашивающий. Но Будда уж точно должен был отрицать бессмертие души, если так говорят все востоковеды и его собственные жрецы!

Теософ. Архаты начали, следуя политике своего Учителя, а большинство последующих священнослужителей не были посвящены, в точности как и в христианстве; и так, мало-помалу, эзотерические истины были почти утрачены. Доказательство этому – то, что из двух существующих шри-ланкийских сект «сиамцы» верят, что смерть – это абсолютное уничтожение индивидуальности и личности, а другие объясняют нирвану так же, как и мы, теософы.

Спрашивающий. Но почему, в таком случае, в вопросе веры в душу буддизм и христианство представляют два противоположных полюса?

Теософ. Потому что условия, в которых они проповедовались, не были одинаковыми. В Индии брахманы, ревнители своего высшего знания и отлучавшие от него все касты, кроме собственной, повергли миллионы людей в идолопоклонство и почти фетишизм. Будда должен был нанести смертельный удар избытку нездоровой фантазии и фанатичных предрассудков, проистекающих из такого невежества, какое редко наблюдалось и до, и после. Для «тех, кто взывает к своим богам, но остаётся неуслышанным или не удостоивается внимания», кто живёт и умирает в умственном отчаянии, уж лучше философский атеизм, чем это невежественное поклонение. Ему первым делом пришлось пресечь этот грязный поток предрассудков и искоренить заблуждения, прежде чем он мог давать истину. А поскольку он не мог дать всего, по той же самой причине, что и Иисус, который напоминал своим ученикам, что Тайны Царствия Небесного – не для необразованных толп, но только для избранных, и потому «говорил с ними притчами» (Матф. XIII, 11), предосторожность заставила Будду сокрыть слишком многое. Он даже отказался сказать монаху Ваччхаготте, есть ли в человеке «я». Принуждаемый к ответу, «Возвышенный хранил молчание».^[20]

Спрашивающий. Это относится к Гаутаме, но каким образом это касается Евангелий?

Теософ. Читайте историю и размышляйте над ней. В те времена, к которым относят евангельские повествования, во всём цивилизованном мире имело место похожее интеллектуальное брожение, но на Востоке и на Западе оно дало противоположные результаты. Старые боги умирали. В то время, как в Палестине цивилизованные классы дрейфовали за неверующими саддукеями к материалистическому отрицанию и мёртвой букве закона Моисея, а в Риме – к моральному разложению, низшие и беднейшие классы бросились в колдовство и устремились за чужими богами, или становились лицемерами и фарисеями. Снова пришло время для духовной реформы. Жестокий, антропоморфный, и ревнивый Бог иудеев со своими кровавыми законами типа «око за око, зуб за зуб», с кровопролитиями и жертвоприношениями животных, должен был быть отодвинут на второе место и заменен милосердным «Отцом, который в тайне». Последнего нужно было показать не как внекосмического Бога, но как божественного Спасителя обычного, плотского человека, скрытого в его собственном сердце и душе – у бедного, как и у богатого. Здесь тайны посвящения могли быть разглашены не более, чем в Индии, дабы не бросать святыни псам и не метать бисер перед свиньями, ибо и Открывающий, и его откровения неизбежно будут попраны ногами. Таким образом,

сдержанность Будды и Иисуса – вне зависимости от того, жил последний в приписываемый ему исторический период, или нет – которые равно воздерживались от раскрытия Таинств Жизни и Смерти – привела в одном случае к полному отрицанию в южном буддизме, а в другом – к трём ссорящимся конфессиям христианской церкви и 300 сектам в одной только протестантской Англии.

VI. Теософические учения о природе и человеке

Спрашивающий. Рассказав о том, чем Бог, душа и человек, по-вашему, не являются, можете ли вы теперь сообщить, что они собой представляют, согласно вашим учениям?

Теософ. В своем происхождении и в вечности эти три, как и сама вселенная и всё, что в ней существует, составляют одно целое с абсолютным Единством, непознаваемой божественной сущностью, о которой я уже говорила выше. Мы верим не в сотворение, а в последовательные и периодические явления вселенной с субъектного на объектный план бытия, происходящие регулярно и охватывающие периоды огромной продолжительности.

Спрашивающий. Не могли бы вы рассказать об этом поподробнее?

Теософ. В качестве первого примера, который поможет вам приблизиться к верному представлению, возьмите солнечный год, а в качестве второго – две половины этого года, которые на Северном полюсе составляют день и ночь продолжительностью по шесть месяцев. А теперь, если можете, вместо солнечного года длиной в 365 дней представьте себе вечность. Пусть солнце в этом примере представляет вселенную, а полярные дни и ночи длиной по 6 месяцев станут символом дней и ночей, длящихся по 182 триллиона или квадрильона лет, а не 182 дня. Как солнце каждое утро восходит на нашем предметном горизонте, возникая из непроявленного (для нас) и противоположного по отношению к нам пространства, так и Вселенная периодически проявляется на объектном плане, возникая из плана субъектного, противоположного первому. Это и есть «Цикл Жизни». Как солнце исчезает с нашего горизонта, так же регулярно исчезает и Вселенная, когда наступает «вселенская ночь». Индусы называют эти чередования «днями и ночами Брамь», или периодами манвантары и пралайи (растворения). Люди запада, если им больше нравится, могут называть их днями и ночами Вселенной. Добавлю, что во время этих ночей Всё пребывает во Всём; каждый атом растворён в единой Однородности.

Спрашивающий. Но кто же всякий раз сотворяет Вселенную?

Теософ. Никто её не сотворяет. Наука назвала бы этот процесс эволюцией; дохристианские философы и востоковеды называли его эманацией; мы же, оккультисты и теософы, видим в нём лишь универсальную и вечную реальность, периодически отражающуюся в бесконечных глубинах пространства. Это отражение, которое вы рассматриваете как предметную материальную вселенную, мы считаем всего лишь временной иллюзией, и ни чем иным. Лишь то, чтоечно, реально.

Спрашивающий. В таком случае, вы и я – тоже иллюзия?

Теософ. Как мимолётные личности, сегодня одни, а завтра другие, – да. Неужели вы назовете внезапные вспышки северного сияния «реальностью», хотя они реальны лишь постольку, поскольку существуют в тот момент, когда вы ими любуетесь? Конечно же, нет; лишь причина, вызывающая их к жизни, если она вечна и неизменна, является единственно реальной, тогда как прочее – лишь преходящая иллюзия.

Спрашивающий. Всё это, однако, не объясняет мне, как возникает эта иллюзия, называемая Вселенной; как то, чему ещё предстоит стать сознательным, проявляется из той бессознательности, которая есть?

Теософ. Это бессознательность лишь для нашего ограниченного сознания. Поистине, перефразируя стих из Евангелия от Иоанна, мы можем сказать: «И (абсолютный) свет (который есть темнота) во тьме (которая есть иллюзорный материальный свет) светит, и тьма не объяла^[21] его». Абсолютный свет – это ещё и абсолютный и неизменный закон. Путём излучения или, если хотите, эманации – нам ни к чему пускаться в терминологические споры – вселенная из однородного субъектного состояния переходит на первый из планов проявления, которых всего семь, как нас учили. С каждым планом она становится все более плотной и материальной, пока наконец не достигает этого нашего плана, на котором науке приблизительно удалось изучить и понять физический состав лишь нашей планетной, или Солнечной, системы – как нам сказано, единственной в своем роде.

Спрашивающий. Что вы хотите сказать этим «в своем роде»?

Теософ. Я хочу сказать, что хотя фундаментальный закон, а также универсальное действие прочих законов Природы единообразны, всё же у нашей Солнечной системы (как и у любой другой среди миллионов таких систем в космосе), и даже у нашей Земли есть своя собственная программа проявления, отличная от программ всех прочих. Говоря об обитателях других планет, мы воображаем, что если они являются людьми (то есть разумными существами), то и выглядеть должны так же, как мы. Фантазия поэтов и художников даже из ангелов всегда делает не иначе, как прекрасное подобие людей, разве что прибавив им крылья. Мы утверждаем, что это ошибка и заблуждение, потому что, если даже на нашей маленькой планете мы сталкиваемся с таким поразительным разнообразием флоры, фауны, да и рода человеческого – от морских водорослей до ливанских кедров, от медузы до слона, наконец, от бушмена до Аполлона Бельведерского – то, стоит изменить планетные и космические условия, как перед нами возникнут совершенно иные флора, фауна и человечество. Одни и те же законы приводят к появлению самых разнообразных вещей и существ даже на нашей Земле, так же, как и на других планетах Солнечной системы. Насколько же должна в таком случае отличаться от нашей внешняя природа в других солнечных системах, и как же глупо судить по себе об иных звёздах, мирах и разумных существах, как делает наша физическая наука!

Спрашивающий. Но на основании каких данных вы это утверждаете?

Теософ. На основании того, что наука в целом никогда не примет в качестве доказательства – совокупности свидетельств, накопленных бесконечным рядом провидцев, подтверждавших этот факт. Их духовные видения, самые настоящие исследования, проводившиеся и при помощи физического и духовного восприятия, которому не препятствовала незрячая плоть, систематически проверялись и тщательно сопоставлялись, и путём отсеивания выявлялась их природа. Всё, что не находило подтверждения в едином коллективном опыте, было отвергнуто, и как установленная истина было записано лишь то, что в различные эпохи и в разных странах, после бесчисленных наблюдений, было признано верным и постоянно получало дальнейшие подтверждения. Методы, используемые нашими учёными и исследователями духовно-психических наук, как видите, не отличаются от методов тех, кто занимается науками естественными и физическими. Только области их исследования находятся на двух различных планах, да и инструменты наши не созданы руками человека – а по этой причине они может быть даже более надежды. Реторты, аккумуляторы и микроскопы химика и натуралиста могут выйти из строя; телескоп и хронометры астронома могут испортиться; наши же исследовательские инструменты неподвластны влиянию ни погоды, ни элементов.

Спрашивающий. И потому вы безоговорочно им верите?

Теософ. Вера – это слово, которого не найти в теософических словарях: мы говорим о знании, основанном на наблюдениях и опыте. Однако же здесь есть и отличие – тогда как наблюдение и опыт в физической науке приводят учёных к тому, что количество «рабочих» гипотез у них равняется количеству умов, способных их создавать, наше знание принимает в свою кладовую лишь те факты, которые стали неопровержимыми и получили полное и безоговорочное подтверждение. У нас нет двух различных верований или гипотез по одному и тому же вопросу.

Спрашивающий. Это на основании таких данных вы и пришли к приятию странных теорий, которые мы находим в «Эзотерическом Буддизме»?

Теософ. Именно так. Эти теории могут быть несколько неточными в своих второстепенных деталях, и даже неверными в изложении светских учеников; тем не менее, в природе это – факты, и они ближе к истине, чем любые научные гипотезы.

О семеричном строении нашей планеты

Спрашивающий. Как я понимаю, вы считаете нашу Землю лишь одним из звеньев планетной цепи?

Теософ. Да, это так. Другие же шесть «земель», или глобусов, не находятся на том же плане предметности, что и наша Земля; потому мы их видеть не можем.

Спрашивающий. Мы их не видим из-за огромного расстояния?

Теософ. Вовсе нет – ведь невооруженным глазом мы видим не только планеты, но и звёзды на неизмеримо б`ольших расстояниях; но глобусов этих мы не видим потому, что они находятся за пределами наших физических средств восприятия, или вне нашего плана бытия. Дело не только в том, что плотность составляющей их материи, их вес или структура совершенно не похожи на структуру нашей Земли и других известных нам планет – они находятся, так сказать, в абсолютно ином (для нас) слое пространства – слое, который не воспринимается нашими физическими чувствами. Когда я говорю о «слоях», не следует воображать себе нечто вроде пластов, лежащих один над другим – это приведет лишь к ещё одному нелепому представлению. Под слоем или планом я имею в виду уровень существования бесконечного пространства, который по своей природе таков, что не может быть в пределах нашего бодрствующего восприятия, будь то умственного или физического, но который существует в природе за пределами нашего обычного рассудка и сознания, вне нашего трёхмерного пространства и привычного для нас деления времени. У каждого из семи основных планов, или слоёв, в пространстве – конечно, взятом в целом, как «чистое пространство» в определении Локка^[22], а не наше ограниченное пространство – есть своя объектная и субъектная сторона, своё пространство и время, своё сознание и набор чувств. Но всё это вряд ли будет понятно тому, кто воспитан в нынешней манере мышления.

Спрашивающий. Что вы имеете в виду под другим набором чувств? Есть ли на нашем собственном плане что-нибудь такое, что вы могли бы привести в качестве иллюстрации, просто чтобы дать более ясное представление о том, что вы имеете в виду под разнообразием чувств, пространств и соответствующих им восприятий?

Теософ. Ничего; разве что один пример, который наука, скорее, приспособит в качестве удобного крючка, чтобы тут же повесить на него свой контр-аргумент. Ведь во сне мы пользуемся совсем иными чувствами – разве не так? Мы чувствуем, говорим, слышим, ощущаем вкус и вообще действуем на ином плане; об изменении состояния нашего сознания свидетельствует и тот факт, что действия и события, длящиеся, как мы полагаем, целые годы, в нашем уме прекрасно проходят за одно мгновение. И эта крайняя быстрота нашей умственной деятельности во сне, а также полная естественность для нас всех прочих производимых в это время действий, показывают нам, что мы находимся на совершенно ином плане. Наша философия учит нас, что в природе есть семь основных сил и семь планов бытия, а значит, и семь состояний сознания, в которых человек может жить, думать, помнить, и вообще быть. Перечислить их здесь невозможно, для этого нужно обратиться к изучению восточной метафизики. Но бывая в этих двух состояниях – бодрствования и сна – любой человек, от ученого философа до неграмотного дикаря – может вполне убедиться в том, что они отличаются.

Спрашивающий. То есть вы не принимаете общеизвестных теорий, которыми объясняют состояние сна биология и физиология?

Теософ. Нет. Мы отвергаем даже гипотезы ваших психологов, предпочитая им учения Восточной Мудрости. Признавая существование семи планов космического бытия и состояний

сознания применительно ко Вселенной или макрокосму, мы всё же останавливаемся на четвёртом плане, находя невозможным вести дальнейшие исследования с какой-либо степенью достоверности. Что же касается микрокосма, или человека, то мы рассуждаем о семи его состояниях и принципах свободно.

Спрашивающий. Как же вы их объясняете?

Теософ. Прежде всего мы обнаруживаем в человеке два различных существа – духовное и физическое: человека мыслящего и человека, регистрирующего столько мыслей первого, сколько он способен усвоить. Таким образом, мы различаем в нём две разные природы: высшее или духовное существо, состоящее из трёх «принципов» (начал), или аспектов, и низшее, или физическую четвёрку, состоящую из четырех – итого их семь.

Семеричная природа человека

Спрашивающий. Это то же, что и деление человека на дух, душу и тело?

Теософ. Нет. Это древнее деление Платона. Платон был посвящённым, а потому не мог вдаваться в запрещенные подробности; но тот, кто знаком с древней доктриной, найдёт семерку в различных платоновских комбинациях души и духа. Платон считал, что человек состоит из двух частей, одна из которых вечна и образована из той же сущности, что и Абсолютность, а другая смертна и подвержена разрушению, получив свои составляющие от меньших, «сотворённых» богов. Как он показывает, человек состоит из 1) смертного тела; 2) бессмертного принципа; и 3) «отдельной смертной разновидности души». Это то, что мы называем, соответственно, физическим человеком, духовной душой или духом, и животной душой (*poiv* и *ysuce*). Это деление было принято и апостолом Павлом, ещё одним посвящённым, который утверждал, что существует тело душевное, посеянное в бренности (астральное тело или животная душа), и тело духовное, восстающее в нетленной субстанции. Даже апостол Иаков утверждает то же самое, когда говорит, что «мудрость» (нашей низшей души) «не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская» (III, 15) (см. греческий текст), тогда как другая есть «мудрость, сходящая свыше». Теперь ясно, что Платон и даже Пифагор, говоря лишь о трёх принципах, наделяли их в разных комбинациях семью отдельными функциями, и если мы сравним это с нашими учениями, всё станет совершенно ясно. Давайте бросим беглый взгляд на эти семь аспектов, начертив таблицу.

Теософическое деление

Санскритские термины – Экзотерическое значение – Пояснения

Низшая четвёрка:

а) Рупа или стхула шарира а) Физическое тело а) Проводник для всех прочих «принципов» в течение жизни.

б) Прана б) Жизнь, или жизненное начало б) Необходима только для а, в, г и функций низшего манаса, охватывающих всё то, что ограничено (физическим) мозгом

в) Линга шарира в) Астральное тело в) Двойник, фантомное тело

г) Кама-рупа г) Вместителище животных желаний и страстей г) Это центр животного человека, где пролегает граница, отделяющая смертного человека от бессмертного существа

Высшая нерушимая триада:

д) Манас, двойственный по своим функциям принцип д) Ум, разумность – высший ум человека, чей свет или излучение в течение жизни связывает МОНАДУ со смертным человеком

д) Будущее состояние и кармический удел человека зависят от того, тяготеет ли манас больше вниз к кама-рупе, вместителищу животных страстей, или выше, к буддхи, Духовному Я. В последнем случае высшее сознание индивидуальных духовных устремлений ума (манаса), просветившегося буддхи, поглощается им и образует то Я, которое отправляется в блаженство дэвачана^[23]

е) Буддхи е) Духовная душа е) Проводник чистого вселенского духа

ж) Атма ж) Дух ж) Единый с Абсолютом как его сияние

Чему же учит Платон? Он говорит о внутреннем человеке как о состоящем из двух частей – одна из них неизменна и всегда та же, состоя из той же субстанции, что и Божество, а другая смертна и подвержена разрушению. Соответствия этим двум частям можно найти в нашей высшей триаде и в низшей четвёрке (смотри таблицу). Он поясняет, что когда душа, психе, «находится в союзе с нусом (божественным духом или субстанцией^[24]), она делает всё правильно и уместно»; но всё выходит иначе, если она привяжется к анойе, (безрассудной, или неразумной животной душой). Тогда мы видим манас (или душу вообще) в двух его аспектах: привязываясь к анойе (названной в «Эзотерическом буддизме» кама-рупой или «животной душой») он движется к полному уничтожению – насколько это касается личного эго; соединяясь же с нусом (атма-буддхи), он сливается с бессмертным, нерушимым Я, и тогда духовное сознание той личности, которая была, становится бессмертным.

Различие между Душой и Духом

Спрашивающий. Действительно ли вы учите об уничтожении всякой личности, в чём вас обвиняют некоторые спиритуалисты и французские спириты?

Теософ. Мы этому не учим, но поскольку этот вопрос о двойственности – индивидуальности Божественного Я и личности человеческого животного – связан также с вопросом о возможности явления истинного бессмертного Я на сеансах в виде «материализовавшегося духа», что мы отрицаем, как объясняли ранее, то наши оппоненты и выдвинули эти нелепые обвинения.

Спрашивающий. Вы только что говорили, что психе, если свяжется с аной, устремится к полному уничтожению. Что под этим имел в виду Платон, и что подразумеваете вы?

Теософ. Думаю, что полное уничтожение личного сознания – исключительный и редкий случай. Слияние личного с индивидуальным или бессмертным сознанием Я, трансформация или божественное преображение, и полное разрушение лишь низшей четверки – это общее и почти непреложное правило. Разве станете вы ожидать, что плотский человек, или временная личность, тень человека, его «астрал», его животные инстинкты и даже физическая жизнь выживут с «духовным Я» и станут вечными? Естественно, всё это прекращает существование в момент смерти тела или вскоре после неё. Со временем всё это распадается и исчезает из виду, переставая существовать как целое.

Спрашивающий. Тогда вы также отрицаете и воскресение во плоти?

Теософ. Самым решительным образом! Почему должны мы, придерживающиеся в архаической эзотерической философии древних, принимать нефилософские спекуляции более позднего христианского богословия, заимствованные из египетских и греческих эзотерических систем гностиков?

Спрашивающий. Египтяне чтили духов природы и обожествляли даже луковицы, ваши индусы до сих пор остаются идолопоклонниками, зороастрийцы поклонялись и всё ещё поклоняются Солнцу, а лучшие греческие философы были либо мечтателями, либо материалистами – свидетельствами этому Платон и Демокрит. Как вы можете сравнивать!

Теософ. Так может значиться в вашем нынешнем христианском и даже научном катехизисе; но для беспристрастных умов это не так. Египтяне чтили «Единое – Только – Единое», как Ноут, и именно от этого слова Анаксагор взял своё обозначение нус, или как он называет его, *νοῦς autokrathῆς*, «ум или дух самодержавный», *αρχθῆς κινήδewῆς*, ведущий и изначальный «двигатель» всего. У него нус был Богом, а логос был человеком, его эманацией. Нус – это дух (будь то в космосе или в человеке), а логос, будь то Вселенная или астральное тело – эманация первого, при этом физическое тело – просто животное. Наши внешние чувства воспринимают лишь феномены; один лишь нус может постичь их нумены. Один лишь логос, или нумен, живёт вечно, поскольку он бессмертен по самой природе и сути своей, и логос в человеке как раз и есть то Вечное Я, которое проходит перевоплощения и сохраняется навсегда. Но как может мимолётная и внешняя тень – временное одеяние божественной эманации, которая возвращается к тому источнику, из которого она вышла – быть тем, что «воскресает в нетленности»?

Спрашивающий. Всё же вам вряд ли удастся избежать обвинений в том, что вы изобрели новое деление человека на духовные и психические составляющие, ведь ни один философ о нём не говорит, хотя вы и считаете, что так говорит Платон.

Теософ. И я подкреплю этот взгляд. Кроме Платона, той же идеи придерживался ещё и Пифагор^[25]. Он описывает душу, как самодвижущуюся единицу (монаду), состоящую из трёх элементов – нус (дух), френ (ум) и тумос (жизнь, дыхание или нэфеш каббалистов),

соответствующих нашим атма-буддхи (высшая духовная душа), манасу (Я) и кама-рупe в соединении с низшим отражением манаса. То, что древнегреческие философы обычно называли душой, мы называем духом или духовной душой; это буддхи, проводник атмы (которая есть верховное божество Платона, Агафон). Тот факт, что Пифагор и другие утверждают, что френ и тумос мы разделяем с животными, доказывает, что под ними подразумевались низшее манасическое отражение (инстинкт) и кама-рупа (страсти животной жизни). Сократ и Платон приняли этот ключевой принцип и следовали ему, и если, взяв эти пять начал, а именно, Агафон (который есть божество или атма), психе (душа в собирательном смысле), нус (дух или разум), френ (физический ум), и тумос (кама-рупа или страсти), мы добавим к ним эйдолон мистерий, тень или человеческого двойника, и физическое тело, будет легко показать, что идеи Пифагора и Платона были тождественны нашим. Даже египтяне придерживались семеричного деления. Они учили, что душа (Я), уходя, должна пройти через семь палат, или принципов, как оставленных ею, так и взятых с собой. Единственная разница была в том, что всегда памятуя о наказании за раскрытие учений мистерий, а это была смерть, они выдавали учение лишь в общих чертах, тогда как мы развиваем и разъясняем его в подробностях. Но хотя мы выдаем миру столько, сколько можно, даже в нашей доктрине не выдаётся более чем одна существенная деталь, и лишь тем, кто изучает эзотерическую философию и дал обет молчания, позволяется знать эти подробности.

Спрашивающий. У нас есть замечательные учёные, знатоки греческого и латыни, санскрита и иврита. Как же это так получается, что в их переводах мы не находим ничего, что намекало бы на то, что вы говорите?

Теософ. Дело в том, что ваши переводчики, несмотря на всю свою учёность, сделали из философов, особенно греческих, авторов туманных, а не мистических.^[26] Возьмем, к примеру, Плутарха и прочтем, что он говорит о началах, или «принципах» человека. То, что он описывает, было принято буквально и отнесено на счёт невежества и метафизических предрассудков. Позвольте мне привести иллюстрацию. Плутарх говорит: «Человек сложен, и ошибаются те, кто думает, что он состоит лишь из двух частей. Воображая, что способность понимания (то есть рассудок мозга) есть часть души (высшей триады), они заблуждаются здесь не меньше, чем те, кто считает душу частью тела (то есть делают триаду частью разрушимой и смертной четвёрки). Ведь разум (нус) настолько превосходит душу, насколько душа лучше и божественнее тела. Это сочетание души (уich) с разумом (nouV) и создает рассудок, а с телом (или qumov, животной душой) – страсть; из них одно является началом или принципом удовольствия и боли, а другое – добродетели и порока. Из этих трех частей, объединенных и вместе взятых, земля дала роду человеческому тело, луна – душу, а солнце – разум».

Это последнее предложение – чисто аллегорическое и будет понятно лишь сведущим в эзотерической науке соответствий и знающим, какая планета с каким принципом соотносится. Плутарх делит последние на три группы, считая тело состоящим из физической оболочки, астральной тени и дыхания, или троичной нижней части, «которая из земли взята и в землю вернется»; вторую часть, полученную от Луны,^[27] через неё, и всегда подверженную её влиянию – из среднего принципа и инстинктивной души; прямой же эманацией Солнца, обозначающего здесь Агафон (высшее божество), он считает самую высшую часть, или духовную душу с её атмическим и манасическим элементами. Это подтверждается тем, что он говорит далее:

«Из смертей, которыми мы умираем, одна делает двух из трех, а другая – одного из двух. Первая находится в области и ведении Деметры, откуда и происходит имя, данное мистериям, telein, напоминающее имя, данное смерти, teleutan. Прежде афиняне также называли умерших посвященными Деметре. Что же касается второй смерти, она происходит на луне или в области Персефоны».

Здесь вы видите нашу доктрину, показывающую человека при жизни семеричным, сразу после смерти, в кама-локе, пятеричным, и тройственным Я – духом-душой и сознанием – в дэвачане. Это разделение, происходящее сначала на «лугах айда», как называет Плутарх кама-локу, а затем в дэвачане, было частью представлений во время священных мистерий, когда кандидаты на посвящение разыгрывали всю драму смерти и воскресения в виде прославленного духа, под которым мы подразумеваем сознание. Вот что имеет в виду Плутарх, когда говорит:

«И как одну, земную, так и другую, небесную, Гермес переживает, пребывая. Первая внезапно и с силой вырывает душу из тела; Персефона же мягко и медленно отделяет познающую способность от души.^[28] По этой причине она называется топоgenes, однородная, или точнее, рождающая одно, ибо будучи отделенной ею, лучшая часть человека остается одна. Так и первая, и вторая происходят, согласно природе. Так назначено Судьбой (фатумом или кармой), что каждая душа, с разумом

или без него, покинув тело, должна некоторое время, хотя и неодинаковое для всех, проблуждать в области, лежащей между землёй и луной (в кама-локе).^[29] Ибо те, кто был несправедливым и распущенным, страдают, неся наказание, причитающееся за их проступки, а благие и добродетельные удерживаются там, пока не очистятся, путём искупления, от всех скверн, которое они могли захватить от болезней тела и нездорового образа жизни, и пребывают в самой мягкой части атмосферы, называемой лугами айда, где они должны оставаться в течение заранее установленного и назначенного времени. А затем, будто возвращаясь из дальнего паломничества или длительного изгнания на родину, они испытывают ощущение радости, такой, какую обычно испытывают те, кто посвящен в Священные Мистерии, смешанной с волнением, восхищением и присущей каждому собственной надеждой».

Это нирваническое блаженство, и никакой теософ не смог бы описать более ясным и, тем не менее, эзотерическим языком ментальные радости дэвачана, где у каждого человека свой собственный рай, окружающий его и воздвигнутый его собственным сознанием. Но нужно остерегаться общей ошибки, в которую впадают слишком многие, даже наши теософы. Не воображайте, что раз человек назван семеричным, а затем пятеричным и триадой, он состоит из семи, пяти или трех существ, или, как хорошо выразился один теософический писатель, из семи шкур, которые можно снимать, подобно шкуркам луковицы. Как уже говорилось, принципы, кроме тела, жизни и астрального эйдолона, все из которых разрушаются после смерти, являются лишь аспектами или состояниями сознания. Есть лишь один истинный человек, проходящий цикл жизни и бессмертный по сути, если не по форме, и это манас – «разум-человек», или воплощённое сознание. Возражения материалистов, отрицающих возможность действия ума и сознания вне материи, в нашем случае ничего не значат. Мы не отрицаем здравости их аргументов, а просто спрашиваем наших оппонентов: «А все ли состояния материи вам известны – вам, которые до настоящего времени знали только три? И откуда вы знаете, не является ли то, что мы считаем АБСОЛЮТНЫМ СОЗНАНИЕМ или Божеством, вечно невидимым и непознаваемым, как раз тем, что, хотя и всегда ускользает от нашего ограниченного понимания, все жё есть универсальная духо-материя или материя-дух в своей абсолютной бесконечности?». И тогда один из самых низших, в своём манвантарическом проявлении, дробных аспектов этой духо-материи, являющийся сознательным Я, как раз и создаёт свой собственный рай – рай дурака, возможно – но, тем не менее, состояние блаженства.

Спрашивающий. Но что же такое дэвачан?

Теософ. Буквально, «земля богов», состояние ментального блаженства. Философски это ментальное состояние аналогично самому яркому сну, но куда более живо и реально. Это посмертное состояние большинства смертных.

VII. О различных посмертных состояниях

Человек физический и духОВНЫЙ

Спрашивающий. Рад слышать, что вы верите в бессмертие души.

Теософ. Не «души», а божественного духа; ещё же точнее – в бессмертие перевоплощающегося Я.

Спрашивающий. В чём же разница?

Теософ. В нашей философии – очень даже большая, но это вопрос, слишком сложный и трудный, чтобы касаться его походя. Нам придётся рассмотреть дух и душу по отдельности, а уже затем – в соединении. Можем начать с духа.

Мы говорим, что Дух («Отец, который в тайне» Иисуса) или Атман – это не индивидуальное свойство какого-либо человека, а божественная суть без тела и формы, невесомая, невидимая и неделимая, которая не существует, но всё же есть, как говорят буддисты о нирване. Он лишь осеняет смертного, входит в него и проникает всё тело, будучи только вездесущими лучами, или светом, сияющим через буддхи, его проводник и прямую эманацию. Вот тайный смысл утверждений почти всех древних философов, говоривших, что «рациональная часть человеческой души»^[30] никогда полностью не входит в человека, а лишь в большей или меньшей степени осеняет его через иррациональную духовную душу или буддхи.^[31]

Спрашивающий. У меня создалось впечатление, что только «животная душа» иррациональна, а не божественная.

Теософ. Вам нужно усвоить разницу между тем, что негативно или пассивно «иррационально», ибо недифференцировано, и тем, что иррационально из-за того, что слишком активно и позитивно. Человек – это соотношение духовных сил, равно как и сил химических и физических, приводимых в действие тем, что мы называем «принципами».

Спрашивающий. Я довольно много читал по этому вопросу, и мне представляется, что взгляды древних философов значительно отличались от взглядов средневековых каббалистов, хотя в некоторых частностях они и совпадают.

Теософ. Наиболее существенная разница между ними и нами такова. Тогда как вместе с неоплатониками и последователями восточных учений мы считаем, что собственно дух (атма) сам никогда не нисходит в живого человека, а лишь в той или иной степени льёт своё сияние на человека внутреннего (психическую и духовную составляющие астрального принципа), каббалисты утверждают, что человеческий дух, отделившись от океана света и Мирового Духа, входит в душу человека, где и остаётся всю жизнь заключённым в астральную капсулу. Все христианские каббалисты пока утверждают то же самое, поскольку не могут высвободиться из своих антропоморфических и библейских доктрин.

Спрашивающий. А что говорите вы?

Теософ. Мы говорим, что лишь допускаем присутствие излучения духа (или атмы) в астральной капсуле, и лишь в той мере, в какой это может быть духовным излучением. Мы говорим, что человек и душа должны завоевать своё бессмертие, поднявшись к единству, с которым, в случае успеха, они в конце концов соединятся и в котором будут так сказать, поглощены. Индивидуализация человека после смерти зависит от духа, а не от его души и тела. Хотя слово «личность» в том смысле, в каком его обычно понимают, абсурдно применять к нашей бессмертной сущности, всё же последняя сама по себе, как и наше индивидуальное Я, является определённым существом, бессмертным и вечным. Лишь у чёрных магов или неисправимых преступников, которые были таковыми на протяжении долгого ряда жизней, сияющая нить, с момента рождения ребенка связывающая дух с личной душой, насильственно разрывается, и развоплощённое существо оказывается лишено личной души, которая

разрушается, не оставив в самой сущности ни малейшего впечатления о себе. Если такой союз между низшим, личным манасом и индивидуальным перевоплощающимся Я не достигается в течение жизни, тогда первому остается разделить участь низших животных, постепенно растворившись в эфире и придя к уничтожению своей личности. Но даже тогда Я остается определённым существом. Это духовное Я лишь теряет одно состояние дэвачана – после такой особенной и в данном случае действительно бесполезной жизни – и после краткого наслаждения свободой в качестве планетарного духа, почти немедленно воплощается.

Спрашивающий. В «Разоблаченной Изиде» утверждается, что такие планетарные духи, или ангелы, «боги язычников или архангелы христиан» никогда не могут стать людьми на нашей планете.

Теософ. Совершенно верно. Но не такие, а некоторые классы высших планетарных духов. Они никогда не будут людьми на этой планете, потому что они – освобожденные духи из предыдущего, более раннего мира и как таковые не могут стать людьми в этом. Тем не менее, все они снова будут жить в следующей, гораздо более высокой махаманвантаре, после того как окончится этот «великий век» и «пралая Брахмы» (небольшой период, измеряемый 16-значной цифрой или около того). Ведь вы, должно быть, конечно же слышали, что восточная философия учит, что человечество состоит из таких «духов», заключенных в человеческих телах? Разница между животными и людьми такова: первые одушевлены «принципами» потенциально, вторые – действительно.^[32] Теперь улавливаете разницу?

Спрашивающий. Да, но эта разница во все века была камнем преткновения метафизики.

Теософ. Была. И весь эзотеризм буддийской философии основывается на этом таинственном учении, понятом очень немногими людьми, и потому совершенно неверно интерпретируемом многими из самых знающих современных ученых. Даже метафизики чересчур склонны путать причину со следствием. Я, добившееся бессмертной жизни в качестве духа, останется тем же внутренним я на протяжении всех своих рождений на земле; но это не обязательно значит, что оно должно либо оставаться мистером Смитом или Брауном, которым оно было на земле, либо утратить свою индивидуальность. Потому астральная душа и земное тело человека, в тёмном посмертном состоянии, могут быть поглощены океаном сублимированных элементов и перестанут ощущать свое последнее личное я (если оно не заслужило того, чтобы подняться выше), а божественное Я всё же останется тем же неизменным существом, хотя этот земной опыт его эманации мог быть полностью стёрт в момент отделения от недостойного носителя.

Спрашивающий. Если «Дух» или божественная часть души извечно предсуществует как отдельное существо, как учили Ориген, Синезий и другие наполовину христианские, а наполовину платонические философы, и если это то же самое, и не более, чем метафизически объективная душа, какой же она может быть, если не вечной? И какое значение имеет в таком случае, ведет ли человек чистую жизнь или животную, если он никогда не может потерять своей индивидуальности, что бы он ни делал?

Теософ. Эта доктрина, как вы сформулировали её, столь же вредна по своим последствиям, как и доктрина искупления грехов кем-то другим. Будь эта догма, заодно с неверной идеей о том, что мы все бессмертны, показана миру в истинном свете, человечество бы улучшилось.

Позвольте мне повторить снова. Пифагор, Платон, Тимей из Локриса и древняя александрийская школа производили душу человека (или его высшие принципы и атрибуты) от универсальной Мировой Души, которая, согласно их учениям, есть Эфир (Отец-Зевс). Поэтому ни один из этих «принципов» не может быть чистой сущностью пифагорейского монаса, или нашего атма-буддхи, ибо anima mundi – лишь следствие, эманация или точнее, излучение первого, как субъекта. И человеческий дух (индивидуальность, перевоплощающееся Духовное

Я), и буддхи (духовная душа), являются предсуществующими. Но тогда как первое существует как конкретное существо, индивидуализация, душа существует как предсуществующее дыхание, несведущая часть разумного целого. Оба изначально образовались из Вечного Океана Света; но, как выразили это философы огня, средневековые теософы, в огне есть как видимый дух, так и невидимый. Они различали *anima bruta* и *anima divina*. Эмпедокл твердо верил, что у всех людей и животных две души; и у Аристотеля мы находим, что одну он называет мыслящей душой, *νοῦς*, а другую – животной душой, *ψυχή*. Согласно этим философам, мыслящая душа исходит изнутри мировой души, животная – извне.

Спрашивающий. Назвали бы вы душу, то есть человеческую мыслящую душу, или то, что вы называете «я» – материей?

Теософ. Не материей, но субстанцией – несомненно. Да и слова «материя», предваренного определением «изначальная», не стоит избегать. Эта материя, говорим мы, совечна духу, и это не наша видимая, осязаемая материя, но её предельно высшая степень, сублимация. Чистый Дух лишь в одном шаге от не-духа, или абсолютного всего. Если вы не допустите, что человек развился из этой изначальной духо-материи и представляет собой регулярную поступательную шкалу «принципов» от мета-духа вниз вплоть до самой грубой материи, как сможем мы прийти к тому, чтобы считать внутреннего человека бессмертным, а одновременно и духовным существом и смертным человеком?

Спрашивающий. Тогда почему бы вам не верить в Бога, как в такое существо?

Теософ. По той причине, что у того, что бесконечно и необусловлено, не может быть формы, и оно не может быть существом, во всяком случае ни в одной восточной философии, достойной этого названия. «Существо» бессмертно, но оно таково лишь в своей предельной сути, а не в своей индивидуальной форме. Когда в последней точке своего цикла оно поглощается своей изначальной природой и становится духом, тогда оно теряет название существа.

Его бессмертие, как формы, ограничено только его жизненным циклом, или махаманвантарой, после которого оно едино с Мировым Духом и тождественно ему, не являясь больше отдельным существом. Что до личной души – под которой мы разумеем искру сознания, сохраняющую в Духовном Я представление о личностном «я» последнего воплощения, то в качестве отдельного и конкретного представления она сохраняется лишь на протяжении периода дэвачана, после которого прибавляется к ряду других бесчисленных воплощений Я, подобно нашему воспоминанию одного из дней года. Станете ли вы связывать бесконечность, провозглашенную вами для вашего Бога, конечными условиями? Бессмертно лишь то, что скреплено атмой до полной нерастворимости – то есть буддхи-манас. Душа человека (личностная) сама по себе не является ни бессмертной, ни вечной, ни божественной. В «Зоаре» (т. III, с. 616) говорится: «Душа, когда посылается на эту землю, чтобы сохранить себя здесь, надевает земное одеяние поверх сияющих одежд, свет которых происходит от Господа Света, чтобы иметь способность без вреда для себя смотреться зеркало». Более того, «Зоар» учит, что душа не может достичь обители блаженства, не получив «святого поцелуя», то есть не воссоединившись с субстанцией, из которой она эманировала, – с духом. Все души двойственны, и тогда как душа является женским принципом, дух является мужским. Пока человек заключён в тело, он тройственен, если его испорченность не такова, чтобы вызвать его разрыв с духом. «Горе той душе, которая предпочтёт своему божественному супругу (духу) земной брак со своим земным телом» – свидетельствует текст «Книги ключей», герметического труда. Воистину горе ей, ибо от этой личности не останется ничего, что могло бы быть записано на нетленных скрижалях памяти Я.

Спрашивающий. Как может не оказаться бессмертным то, что если не вдохнуто Богом в

человека, то хотя бы, как вы сами признаёте, по субстанции тождественно божественному?

Теософ. Каждый атом и частица материи, а не только субстанции, нетленны в своей сути, но не в своём индивидуальном сознании. Бессмертие – это ни что иное, как непрерывное сознание; а личностное сознание едва ли может жить дольше, чем сама личность, не так ли? А это сознание, как я уже говорила вам, сохраняется лишь на протяжении дэвачана, после которого вновь поглощается – сначала индивидуальным, а затем и мировым сознанием. Лучше спросите у своих богословов, как же это они так прискорбно запутались в иудейских писаниях? Прочтите Библию, если хотите получить хорошее доказательство того, что писавшие Пятикнижие, и особенно Бытие, никогда не считали нэфеш, которую Бог вдыхает в Адама (Бытие, гл. II), бессмертной душой. Вот некоторые примеры: «И сотворил Бог... всякую нэфеш^[33] (жизнь), которая движется» (Бытие, I, 21), имея в виду животных. Там также сказано: «И стал человек нэфеш (душою живою)» (Бытие, II, 7), что указывает на то, что слово нэфеш одинаково применялось и к бессмертному человеку и смертному животному. «Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь (нэфеш) ваша, взыщу её от всякого зверя, взыщу также душу (нэфеш) человека от руки человека» (Бытие, IX, 5). «Спасай душу (нэфеш) свою» (спасай свою жизнь – переведено в английской Библии) (Бытие, XIX, 17). «Не убьем его», значит в церковном переводе (Бытие, XXXVII, 21); «Не убьем его нэфеш», – гласит еврейский текст. «Нэфеш за нэфеш» (XVII, 8), – гласит Левит. «Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти», дословно звучит так: «Тот, кто поразит нэфеш человека» (Левит, XXIV, 17); и со стиха 18 и далее написано: «Кто убьет скотину, должен заплатить за неё, скотину за скотину», в то время как в оригинале стоит: «нэфеш за нэфеш». Как можно убить то, что бессмертно? И это также объясняет, почему саддукеи отрицали бессмертие души, как и даёт ещё одно подтверждение тому, что скорей всего моисеевы иудеи – во всяком случае непосвящённые – никогда не верили в сохранение души.

О вечной награде и наказании, а также о Нирване

Спрашивающий. Полагаю, вряд ли необходимо спрашивать вас, верите ли вы в христианские догматы о рае и аде или о будущем вознаграждении и наказании, как учат ортодоксальные церкви?

Теософ. В том виде, в каком они описаны в ваших катехизисах, мы отвергаем их безоговорочно; и менее всего склонны мы согласиться с тем, что они вечны. Но мы твердо верим в то, что называем Законом Воздаяния, а также в абсолютную справедливость и мудрость, которыми руководствуется этот закон, или карму. Вот почему мы решительно отвергаем жестокую и антифилософскую веру в существование вечной награды или вечного наказания. Вместе с Горацием мы заявляем:

*За правило возьмём, чтоб ярость нам сдержать:
Проступок – болью соответственной карать
Но кожу нам сдирать не следует с того,
Кто кнут лишь заслужил, и больше ничего.*

Это правило для всех людей, и правило справедливое. Неужели же мы должны верить в то, что Бог, которого вы делаете воплощением мудрости, любви и милости, в меньшей степени наделён этими качествами, чем простой смертный?

Спрашивающий. А есть ли у вас какие-либо другие основания отвергать этот догмат?

Теософ. Основное из них – существование реинкарнации. Как уже говорилось, мы отвергаем ту идею, что для каждого новорожденного создаётся новая душа. Мы считаем каждое человеческое существо носителем или проводником Я, совечного всякому другому Я, потому что у всех их одна сущность и все они принадлежат к первобытной эманации одного мирового и бесконечного Я. Платон называет его логосом (или вторым проявленным Богом); а мы – проявленным божественным принципом, единым с мировым разумом или душой, но не антропоморфным, внекосмическим и личностным Богом, в которого верят столь многие теисты. Пожалуйста, не путайте.

Спрашивающий. Но раз вы принимаете проявленный принцип, почему бы не поверить, что душа каждого смертного сотворяется этим принципом, как и были созданы все души до этого – в чём тут трудность?

Теософ. В том, что безличное едва ли может творить, планировать и думать, как ему заблагорассудится. Будучи универсальным Законом, непреложным в своих периодических проявлениях, при которых, с началом каждого нового цикла жизни, его сущность периодически излучается и проявляется, вряд ли оно будет создавать человека только для того, чтобы через несколько лет пожалеть об этом. Если уж вообще верить в божественный Принцип, то он должен быть абсолютной гармонией, логикой и справедливостью, равно как и абсолютной любовью, мудростью и беспристрастностью; а Бог, создающий каждую душу на один лишь краткий срок жизни, вне зависимости от того, послал ли он её оживлять тело здорового, счастливого человека или страдающего бедняги, несчастного от рождения до смерти, хотя тот и не сделал ничего, чтобы заслужить такую жестокую судьбу – будет скорее бесчувственным дьяволом, чем Богом (см. ниже, «О награде и наказании Я»). Вот почему даже иудейские философы, верящие в Библию Моисея (эзотерически, конечно) никогда не поддерживали этой идеи, и более того, верили в перевоплощение, как и мы.

Спрашивающий. Можете ли вы в доказательство этого привести какие-нибудь примеры?

Теософ. Разумеется, могу. Филон Иудей говорит (в «De Somniis, с. 455»): «Воздух полон ими (душами), теми, которые ближе всех к Земле, сходящих, чтобы связаться со смертными телами, palindromousi auqiv, вернуться в другие тела, и жаждущих жить в них». В «Зоаре» душа так вымаливает перед Богом свою свободу: «О Господь Вселенной! Я счастлива в этом мире и не хочу идти в другой мир, где буду служанкой и подвергнусь всем видам осквернений». [34] Доктрина фатальной неизбежности, вечного непреложного закона, утверждается в ответе Божества: «Против воли твоей становишься ты зародышем и против воли твоей рождаешься». [35] Нельзя было бы познать свет без тьмы, которая контрастом позволит ему проявиться; добро без зла перестанет быть добром, и бесценная сущность благодеяния не будет видна; да и личные достоинства не смогли бы притязать на звание заслуги, не пройти они через горнило искушения. Ничто не вечно и не неизменно, кроме скрытого Божества. Ничто конечное – по той ли причине, что у него было начало, или по той что у него должен быть конец – не может оставаться постоянным. У него должен быть либо прогресс, либо регресс, а душа, жаждущая воссоединения со своим духом, который один дает ей бессмертие, должна очиститься через циклические перевоплощения, продвигаясь к той единственной земле блаженства и вечного покоя, названной в «Зоаре» «дворцом любви» [image.112]; в индуистской религии – «мокша», у гностиков – «плеромой вечного света», а у буддистов – «нирваной». [36] И все эти состояния временны, не вечны.

Спрашивающий. Но во всех этих отрывках не говорится о перевоплощении.

Теософ. Душа, которая просит позволения остаться там, где она есть, должна быть предсуществующей, а не сотворённой при рождении. В «Зоаре» (т. III), однако, есть еще лучшее доказательство. О перевоплощающихся Я (разумных душах), тех, чья последняя личность должна угаснуть совершенно, там говорится: «Все души, которые на небе избрали отчуждение от Святого Единства – да будет благословенно Имя его – ввергают себя в бездну самим своим существованием, и предчувствуют то время, когда снова сойдут на землю». «Святое Единство» означает здесь, в эзотерическом смысле, атман, или атма-буддхи.

Спрашивающий. Более того, очень странно, что о нирване у вас говорится, как о чём-то синонимичном Царствию Небесному или раю – ведь согласно всем знаменитым востоковедам, нирвана – синоним уничтожения!

Теософ. Если толковать этот термин буквально и лишь применительно к личности и дифференцированной материи, то можно сказать и так, но лишь в данном случае. Этих идей о перевоплощении и триединстве человека придерживались многие Отцы раннего христианства. Это путаница между душой и духом, допущенная переводчиками Нового Завета и древних философских трактатов послужила причиной многих неправильных толкований. Это также было одной из многих причин того, что Будду, Плотина и столь многих других посвященных сейчас обвиняют в том, что они желали полного угасания своих душ – «поглощения Божеством» или «воссоединения с мировой душой», что означает, согласно современным представлениям, уничтожение. Личная душа, конечно, должна распаться на частицы, прежде чем сможет навсегда соединить свою более чистую сущность с бессмертным духом. Но переводчики и «Деяний», и «Посланий апостолов», заложившие основы современных представлений о Царствии Небесном, и современные комментаторы буддийской «Сутры о повороте колеса Дхармы», исказили смысл идей как великих апостолов христианства, так и великого реформатора Индии. Первые затемнили смысл слова usikoV так, что ни одному читателю и в голову не придёт, что оно может иметь какое-то отношение к душе, и из-за этого смешивания души и духа читатели Библии получают лишь извращённое понятие о предмете. С другой стороны, толкователям Будды не удалось понять смысл и цель четырех степеней дхьяны. «Может ли дух, который дает жизнь и движение и причастен природе света, быть сведён к

небытию?» – спрашивают пифагорейцы. «Может ли даже тот чувствительный дух в животных, который осуществляет память, одну из способностей разума, умереть и превратиться в ничто?» – замечают оккультисты. В буддийской философии уничтожение означает лишь рассеяние материи, в какой бы форме или видимости формы она ни была, поскольку всё, что имеет форму – временно и потому на самом деле лишь иллюзия. Ведь в вечности самые длительные периоды времени кажутся мгновением ока. Так и с формой. Прежде чем у нас будет время осознать, что мы её видели, она исчезнет, как вспышка молнии, и уйдёт навсегда. Когда духовное существо насовсем высвобождается из всех частиц материи, субстанции или формы, и снова становится духовным дыханием, лишь тогда оно входит в вечную и неизменную нирвану, длящуюся столь же долго, как и цикл жизни – поистине вечность. И тогда это дыхание, существующее в духе, есть ничто, ибо оно есть всё; как форма, вид, облик, оно полностью уничтожается, но как абсолютный Дух оно всё ещё есть, ведь она стало самой Бытийностью. Само выражение «поглощённая универсальной сущностью», применительно к «душе», о которой говорится как о духе, означает единство с нею. Это никогда не может значить уничтожения, поскольку оно означало бы вечное разделение.

Спрашивающий. Применением таких выражений не открываете ли вы себя для обвинений в проповеди уничтожения? Вы только что говорили о душе человека, возвращающейся к своим изначальным элементам.

Теософ. Но вы забываете, что я пояснила вам разницу между различными значениями слова «душа» и показала, насколько вольно до сих пор переводился термин «дух». Мы говорим о животной, человеческой и духовной душах, и проводим различие между ними. Платон, например, называет «рациональной душой» то, что мы называем буддхи, однако, добавляя к ней определение «духовная»; но то, что мы называем перевоплощающимся Я, манасом, он называет духом (нус), и так далее, в то время как мы применяем термин дух, если он используется лишь один, без всяких определений, только к атме. Пифагор повторяет наше древнее учение, когда утверждает, что Я (нус) вечно с Божеством; и что лишь душа проходит через различные стадии, чтобы достичь божественного превосходства, тогда как тумос возвращается на землю, и даже френ, низший манас, устраняется. Опять же, Платон определяет душу (буддхи) как «движение, способное двигаться само». «Душа, – добавляет он („Законы“, гл. X), – это самая древняя из всех вещей и начало движения», называя, таким образом, атма-буддхи «душой», а манас «духом», чего мы не делаем.

«Душа возникла раньше тела, а тело – позже и является вторичным, в согласии с природой, руководимой правящей душой». «Не следует ли признать, что душа, правящая всем и во всём обитающая, что многообразно движется, управляет также и небом?»

«Душа правит всем, что есть на небе, на земле и на море, с помощью своих собственных движений, названия которым следующие: желание, усмотрение, забота, совет, правильное и ложное мнение, радость и страдание, отвага и страх, любовь и ненависть... Сама будучи богиней, восприняв к тому же поистине вечно божественный ум (нус), она пестует всё и ведет к истине и блаженству. Встретившись же и сойдясь с неразумием (анойей), она ведет всё в противоположном направлении».

На этом языке, как и в буддийских текстах, отрицательное рассматривается как суть существования. Уничтожение имеет сходное толкование. Положительное состояние – это по сути бытие, но не проявление, как таковое. Когда дух, если говорить на языке буддистов,

вступает в нирвану, он утрачивает объектное существование, но сохраняет субъектное бытие. Для умов, ориентированных на объекты – это превращение в абсолютное «ничто», для субъектных же – в ни-что^[37], то есть в ничто из того, что доступно чувствам. Таким образом, нирвана означает несомненность индивидуального бессмертия в духе, но не в душе, которая, хотя и «древнейшая из вещей», всё же – вместе со всеми прочими богами – конечная эманация в формах и индивидуальности, если не в субстанции.

Спрашивающий. Я всё же не совсем схватываю эту идею, и был бы благодарен, если бы вы объяснили мне это на каких-нибудь примерах.

Теософ. Нет сомнения, что это очень сложно для понимания, особенно для тех, кто вырос на ортодоксальных идеях христианской церкви. Более того, я должна сказать вам одну вещь – если вы основательно не изучили особые функции, относящиеся ко всем принципам человека и состояние их всех после смерти, вы едва ли сможете уразуметь нашу восточную философию.

О различных «Принципах» в человеке

Спрашивающий. Я довольно много слышал об этом составе «внутреннего человека», как вы это называете, но так и не смог разобраться, «где голова, а где хвост», как изволил выразиться Габалис.

Теософ. Конечно, правильно понять различные аспекты истинного Я, называемые нами «принципами», и уяснить различие между ними в высшей степени сложно, или как вы говорите, «это может озадачить». И дело ещё более усложняется тем, что в перечислении этих принципов в различных восточных школах есть заметные различия, хотя основы этих учений одни и те же.

Спрашивающий. Вы имеете в виду, например, ведантистов? Разве они не разделяют то, что вы делите на семь «принципов», лишь на пять?

Теософ. Они делают именно так, и хотя я не стала бы спорить об этом с учёным ведантистом, всё же могу сказать, что по моему личному мнению у них есть для этого очевидная причина. У них человеком называется лишь то сложное духовное образование, которое состоит из различных умственных аспектов, а физическое тело, по их воззрениям, – это нечто недостойное даже презрения, просто иллюзия. И веданта – не единственная философия, исчисляющая таким образом. Лао-цзы в «Дао дэ цзин» упоминает только пять принципов, поскольку, подобно ведантистам, он опускает два принципа, а именно дух (атму) и физическое тело, которое он, более того, называет «трупом». Далее, существует школа тарака раджа-йоги. Фактически её учение признаёт лишь три «принципа»; но на самом деле, их стхулопадхи, или физическое тело в своём бодрствующем сознательном состоянии, их сукшмопадхи, тело, действующее в состоянии свапна, то есть сна, и их каранопадхи или «тело причинности» (каузальное), что переходит из одного воплощения в другое, – все двойственны в своих аспектах, таким образом образуя шесть. Добавьте к ним атму, безличный божественный принцип, или бессмертный элемент в человеке, неотличимый от Мирового Духа, и вы снова получаете те же семь. ^[38] Они вольны придерживаться своего деления, а мы придерживаемся своего.

Спрашивающий. Тогда это представляется почти тем же самым делением, что принято и у христианских мистиков: тело, душа и дух?

Теософ. Именно тем же самым. Мы легко могли бы сделать из плотного тела проводник «жизненного двойника»; из последнего – проводник жизни или праны; из камарупы или (животной) души – проводник высшего и низшего ума, и сделать из этого шесть принципов, увенчав целое единым бессмертным духом. В оккультизме каждое качественное изменение в состоянии нашего сознания даёт человеку новый аспект, и если он преобладает и становится частью живущего и действующего Я, ему должно быть дано (и даётся) особое наименование, дабы отличать человека в этом особом состоянии от того человека, которым он же становится, переходя в другое.

Спрашивающий. Вот это-то как раз то, что так трудно понять.

Теософ. Мне это, напротив, представляется очень лёгким – если вы поняли основную идею – что человек действует на том или ином уровне сознания в строгом соответствии со своим умственным и духовным состоянием. Но таков уж материализм нашего века, что чем больше мы объясняем, тем, похоже, меньше люди способны понять то, что мы говорим. Разделяйте земное существо, называемое человеком, на три основных аспекта, если вам угодно, но если вы не хотите сделать из него простое животное, не делите на меньшее количество. Возьмите его предметное тело; затем его мыслящий принцип – который лишь немногим выше, чем инстинктивный элемент животного – то есть жизненную сознающую душу; и то, что ставит его неизмеримо выше животного – его разумную душу или «дух». И если мы возьмем эти три группы

или представляющие их сущности и подразделим их согласно оккультному учению, что же мы получим?

Первым будет Дух (в смысле абсолютного и потому неделимого Всего), или атма. Поскольку в философии он не может быть ни локализован, ни ограничен, будучи просто сущим в Вечности, и которого не может не быть даже в мельчайшей геометрической или математической точке Вселенной, состоящей из материи или субстанции, – его, по правде, вообще нельзя назвать «человеческим» принципом. Лучше всего его охарактеризовать метафизически, как принцип той точки пространства, которую человеческая монада и её проводник – человек – занимают в течение периода каждой жизни. И точка эта, как и сам человек, воображаемая, будучи на самом деле лишь иллюзией, майей; но для себя самих, как и для других личных Я, мы, в течение этого приступа иллюзии, именуемого жизнью, являемся реальностью, и должны принимать себя в расчёт, хотя бы в воображении, если этого не делает никто другой. Чтобы сделать это более понятным для человеческого ума, впервые приступающего к изучению оккультизма и пытающегося разобраться в азбуке тайны человека, оккультизм называет седьмой принцип синтезом шестого и придает ему в качестве проводника духовную душу, буддхи. Она скрывает тайну, которая никогда никому не выдаётся, кроме чел (учеников), давших обеты, или, во всяком случае, тех, кому можно полностью доверять. Конечно, было бы меньше путаницы, будь это позволено рассказать, но поскольку это непосредственно связано со способностью сознательно и по своей воле посылать своего двойника, и подобно «кольцу Гигеса», может оказаться фатальным для человечества вообще и её обладателя в частности, секрет этот тщательно охраняется. Но давайте продолжим с «принципами». Эта божественная душа, или буддхи, таким образом, является проводником духа. В соединении эти два являются одним, безличным и не имеющим атрибутов (конечно, на этом плане), и составляют два духовных «принципа». Если мы перейдём далее к человеческой душе, манасу или мепс, то всякий согласится, что разум человека, по меньшей мере, двойственен – человек высоких мыслей вряд ли может стать низким человеком, и интеллектуально и духовно мыслящего человека от человека неспособного, тупого, с материалистическим, если не животным умом, отделяет пропасть.

Спрашивающий. Но почему бы человеку не быть представленным обоими этими «принципами», или, скорее, аспектами?

Теософ. Эти принципы есть в каждом человеке, причём один из них более активен, чем второй, и в редких случаях этот второй совершенно останавливается в своем росте, или во всех направлениях парализуется силой и превосходством первого аспекта. Они и есть то, что называем двумя принципами или аспектами манаса, высшим и низшим; первый, высший манас, или мыслящее, сознательное Я, тяготеет к духовной душе (буддхи); а второй, инстинктивный принцип, притягивается к каме, логову животных желаний и страстей в человеке. Таким образом, мы обосновали четыре принципа, а последние же три – это: 1) «двойник», который мы согласились называть «протейной» – изменчивой или пластичной душой, проводник 2) жизненного принципа и 3) физическое тело. Конечно, ни один физиолог и биолог не примет эти принципы, да и не сможет разобраться, где тут голова, а где хвост. И вероятно, именно поэтому никто из них по сей день не смог понять ни функцию селезенки, физического проводника изменчивого двойника,^[39] ни функцию некоторого органа на правой стороне человека, вместилища вышеупомянутых желаний. Неизвестно им ничего и о шишковидной железе, которую они описывают как мозолевидную железу с малым количеством песка внутри, и которая в действительности является местопребыванием самого высшего и божественного сознания в человеке, его всезнающего, духовного и всеохватывающего ума. И это ещё более наглядно показывает, что мы не выдумали эти семь принципов, равно как и то, что они не

являются новостью в мире философии, как мы легко можем доказать.

Спрашивающий. Но что же, по-вашему, перевоплощается?

Теософ. Духовное мыслящее Я, постоянный принцип в человеке, или то, что является вместилищем манаса. Это не атма, и даже не атма-буддхи, рассматриваемые как двойная монада, которая есть индивидуальность или божественный человек, но манас; поскольку Атман – это универсальное ВСЁ, и становится Высшим Я человека лишь в соединении с буддхи, своим проводником, связывающим его с индивидуальностью (или божественным человеком). Ведь именно буддхи-манас, именуемый каузальным телом (объединённые пятый и шестой принципы), который есть сознание, соединяет его со всякой личностью, которую он населяет на земле. Потому «душа» – название общее, и в человеке есть три аспекта души – земная, или животная; человеческая душа; и духовная душа; строго говоря, это одна душа в трёх её аспектах. От первого аспекта после смерти ничего не остаётся, от второго (нуса или манаса) выживает только его божественная сущность, если остаётся незапятнанной, тогда как третья, помимо того, что бессмертна, становится сознательно божественной путём усвоения высшего манаса. Но, чтобы сделать это понятным, мы прежде всего должны сказать несколько слов о перевоплощении.

Спрашивающий. Это было бы неплохо, поскольку именно против этого учения особенно яростно борются ваши враги.

Теософ. Вы имеете в виду спиритуалистов? Я знаю; и многочисленны абсурдные возражения, трудолюбиво рассеиваемые ими по страницам журнала «Light». Некоторые из них столь тупы и злобны, что не останутся ни перед чем. Один из них, в двух утверждениях, вырванных из лекций мистера Синнетта, недавно нашел противоречие, которое он серьезно обсуждает в письме в журнал. Это важное противоречие он обнаружил в следующих двух предложениях: «Преждевременные возвращения к земной жизни, если они случаются, могут зависеть от осложнений кармы...», и «нет случайности в высшем акте божественной справедливости, ведущей эволюцию». Столь глубокий мыслитель, несомненно, увидит противоречие с закону тяготения в том случае, если человек протянет руку, чтобы не дать падающему камню разбить голову ребёнка!

VIII. О перевоплощении или повторных рождениях

Что такое память согласно теософическому учению?

Спрашивающий. Самым трудным для вас будет как раз объяснить идею перевоплощения и дать разумное обоснование веры в него. Ещё ни одному теософу пока что не удалось выдвинуть хотя бы одно стоящее доказательство, чтобы поколебать мой скептицизм. Прежде всего, против теории реинкарнации говорит тот факт, что до сих пор не найдено ни одного человека, который бы помнил, что он жил ранее, и тем более – кем он был в своей прошлой жизни.

Теософ. Ваш аргумент, как я понимаю, сводится к старому возражению, касающемуся потери каждым из нас памяти о своем предыдущем воплощении. Вы думаете, что он подрывает наше учение? Мой ответ – вовсе нет, во всяком случае, такого рода возражение не может стать последним словом.

Спрашивающий. Хотелось бы услышать ваши доводы.

Теософ. Они весьма кратки и немногочисленны. Но если вы примете к сведению: а) полную неспособность лучших современных психологов объяснить миру природу ума; и б) их полное невежество относительно его потенциальных возможностей и высших состояний, вам придётся признать, что это возражение основано на априорном заключении, основанном из поверхностных наблюдениях и частных примерах более, нежели на чем-либо другом. Что такое, по-вашему, память? Скажите на милость.

Спрашивающий. Общепринятый смысл этого слова – «способность нашего ума запоминать и сохранять знание о предшествующих мыслях, делах и событиях».

Теософ. Пожалуйста добавьте к этому, что между этими тремя общепринятыми видами памяти есть огромная разница. Помимо памяти как таковой, существуют также воспоминание, мысленное воспроизведение (припоминание) и реминисценция, не так ли? Вы никогда не задумывались об этой разнице? Помните, что «память» – это общее понятие.

Спрашивающий. Однако, всё это только синонимы.

Теософ. На самом деле, нет – во всяком случае, в философии. Память – это просто присущая мыслящим существам и даже животным врожденная способность к воспроизведению прошлых впечатлений по ассоциации с идеями, возникающими под влиянием объективных предметов или же в результате тех или иных действий наших внешних органов чувств. Память – это способность, всецело зависящая от более или менее нормального и здорового функционирования нашего физического мозга; а воспоминание и припоминание суть атрибуты и «слуги» этой памяти. Но реминисценция – совсем другая вещь. Современными психологами она определяется как нечто промежуточное между воспоминанием и припоминанием, «сознательный процесс припоминания прошлых событий, но без того полного и разнообразного рассмотрения конкретных вещей, которое характеризует припоминание». Локк, рассуждая о воспоминании и припоминании, пишет: «Когда идея возвращается без воздействия сходного объекта на органы внешнего восприятия, это воспоминание; когда же ум ищет её, с трудом и усилием находит и вновь рассматривает – это припоминание». Но даже он оставляет реминисценцию без сколько-нибудь отчетливого определения, поскольку она – не способность или качество нашей физической памяти, а интуитивное восприятие, происходящее помимо и вне нашего физического мозга. Оно, вызываясь к действию вечно сущим знанием духовного Я, является причиной всех видений, считающихся обычно аномальными – начиная от картин, возникающих перед мысленным взором гения, и кончая бредом, возникающим при лихорадке и даже при безумии – видений, которые наука считает не существующими нигде, кроме как в воображении. Оккультизм и теософия, однако, рассматривают реминисценцию в совершенно

ином свете. Для нас память – это нечто физическое и преходящее, зависящее от физиологических условий работы мозга (это фундаментальное положение всех учителей мнемоники, подтверждаемое исследованиями современных психологов), а реминисценцией мы называем память души. Именно эта память предоставляет почти каждому человеку (понимает он это или нет) убедительное свидетельство того, что он уже жил прежде и должен будет жить вновь. Действительно, как сказал Вордсворт:^[40]

*Рожденье наше – сон, забвеньё;
Душа, в нас спящая, – звезда —
Гостившая в иных владеньях
Издалека пришла сюда*

Спрашивающий. Если вы основываете своё учение лишь на такого рода памяти – поэзии и ненормальных фантазиях, как вы сами признали, – боюсь, вам удастся убедить очень немногих.

Теософ. Я вовсе не «признавала», что это фантазии. Я просто сказала, что физиологи и учёные, как правило, считают реминисценции такого рода галлюцинациями и фантазиями, и они, конечно, вольны сделать такой учёный вывод. Мы не отрицаем, что подобные видения прошлого и прозрения, уходящие далеко в глубины веков, ненормальны, если сопоставить их с данными нашего будничного житейского опыта и физической памяти. Но мы вместе с профессором У. Найтом утверждаем, что «отсутствие воспоминания о каком-либо действии, которое было совершенно в состоянии, предшествующем теперешнему, не является убедительным аргументом против того, что мы его пережили». И любому беспристрастному оппоненту придётся согласиться с тем, что сказано в «Лекциях о платонической философии» Батлера, – «что тайный источник этого ощущения странности и фантастичности, поражающего нас в связи с этой идеей (предсуществования) – в материалистических и полуматериалистических предрассудках». Кроме того, мы утверждаем, что память, как назвал её Олимпиодор, есть просто фантазия и самая ненадежная вещь в нас^[41]. Аммоний Сакк утверждал, что единственным свойством человека, прямо противоположным предвидению или взгляду в будущее, является память. Более того, помните, что память – это одно, а ум или мысль – другое; первое – это записывающая машина, регистратор, который очень легко выходит из строя; второе (мысли) – вечно и нерушимо. Откажетесь ли вы верить в существование определённых вещей или людей только потому, что ваши физические глаза не видели их? Разве коллективное свидетельство прошлых поколений, видевших Юлия Цезаря, не является достаточной гарантией того, что он когда-то жил? Почему же тогда не принять к рассмотрению такое же свидетельство множества людей о психических чувствах?

Спрашивающий. Но не думается ли вам, что различия эти слишком тонки для большинства смертных?

Теософ. Точнее, для большинства материалистов. А им мы можем ответить – взгляните: даже в краткий срок нашего земного существования память оказывается слишком слаба, чтобы запечатлеть все события жизни. Как часто даже важнейшие из них дремлют в ней до тех пор, пока их не пробудит какая-то ассоциация или не вызовет к действию какая-либо иная связь. Особенно так бывает у людей пожилых, которые всегда страдают от ослабленной способности припоминания. Так что, принимая во внимание всё, что нам известно о физических и духовных принципах в человеке, мы не должны были бы удивляться тому, что нашей памяти не удаётся сохранить воспоминания о предшествующих жизнях – напротив, удивительно было бы, если бы это получалось.

Почему мы не помним наши прошлые жизни?

Спрашивающий. Вы дали мне обзор семи принципов с высоты птичьего полёта, а теперь скажите, как это объясняет полное отсутствие у нас каких-либо воспоминаний о том, что мы жили и ранее?

Теософ. Очень просто. Поскольку те принципы, которые мы называем физическими, и ни один из которых не отрицается наукой, хотя она и называет их иначе, [\[42\]](#) разрушаются после смерти на составные элементы, причем память исчезает вместе со своим мозгом, эта исчезнувшая память исчезнувшей личности не может ни помнить, ни фиксировать что-либо в последующем воплощении Я. Реинкарнация подразумевает, что Я при каждом воплощении получает новое тело, новый мозг и новую память. Так что ожидать от этой новой памяти, чтобы она хранила то, чего никогда не запечатлевала, было бы столь же нелепо, как выискивать под микроскопом следы крови на рубашке, которой никогда не носил убийца. Исследовать нужно не чистую рубашку, а ту, которая была на убийце в момент совершения преступления, но если она сожжена и уничтожена, то как вы их найдёте?

Спрашивающий. Вот именно! Как можно удостовериться, что преступление вообще было когда-либо совершено или что «человек в чистой рубашке» вообще жил когда-либо ранее?

Теософ. Конечно же не физическими процессами, и не полагаясь на свидетельство того, кто больше не существует. Но есть такая вещь, как косвенное свидетельство, раз уж наши мудрые законы допускают это понятие – возможно, даже более, чем следовало бы. Чтобы убедиться в факте перевоплощения и прошлых жизней, нужно войти в раппорт со своим истинным бессмертным Я, а не с недолговечной памятью.

Спрашивающий. Но как могут люди поверить в существование того, чего они не знают и никогда не видели, не говоря уже о том, чтобы войти в ним в сознательный контакт?

Теософ. Если одни люди – и, надо заметить, весьма учёные – верят в «тяготение», «эфир», «силу» и прочие вещи того же рода, являющиеся принадлежностью науки, абстракций и рабочих гипотез, которых они никогда не видели, не трогали, не нюхали, не слышали и не пробовали на вкус, то почему бы другим, руководствуясь тем же принципом, не верить в существование постоянного Я, принимая тем самым гипотезу гораздо более важную и логичную, чем всякая другая?

Спрашивающий. Но что же это, наконец, за таинственный вечный принцип? Можете ли вы объяснить его природу так, чтобы это стало понятно всем?

Теософ. То Я, которое перевоплощается – это индивидуальное и бессмертное, а не личностное «я», проводник атма-буддхической монады; то, которое получает награду в дэвачане и наказание на земле, и к которому при каждом воплощении присоединяется отражение из скандх, или свойств. [\[43\]](#)

Спрашивающий. Но что же вы подразумеваете под скандхами?

Теософ. Именно то, что было только что сказано – «атрибуты», или свойства (среди которых и память), всем из которых предстоит исчезнуть, подобно цветам, оставив после себя лишь слабый аромат. В «Буддийском катехизисе» Х. С. Олкотта [\[44\]](#) есть ещё один абзац, имеющий прямое отношение к нашему вопросу. Он трактует его так:

«Пожилой человек помнит события своей юности, несмотря на то, что с тех пор сам изменился и в физическом, и в умственном отношении. Почему же в нашем нынешнем рождении мы не сохраняем воспоминаний о прошлых жизнях и не приносим их с собой из предыдущего воплощения? Потому что память – одна из

скандх, а они переменялись с этим новым рождением, и развивается новая память – этого конкретного существования. Но летопись, или отражение, всех предыдущих жизней, всё же сохраняется, поскольку, когда принц Сиддхартха стал Буддой, все предшествующие его рождения предстали перед ним в своей последовательности... И каждый, кто достигнет состояния джняны, сможет так же проследить всю цепочку своих жизней».

Это подтверждает, что, тогда как неумиряющие качества личности – такие как любовь, доброта, милосердие, – присоединяются к вечному Я, запечатлевая на нем, так сказать, непреходящий образ божественного аспекта человека, жившего прежде, его материальные скандхи (дающие самые заметные кармические следствия) столь же мимолётны, как вспышка молнии, и не могут сохраниться в новом мозгу новой личности в виде впечатлений, что вовсе не нарушает тождественности воплощающегося Я.

Спрашивающий. Не хотите ли вы сказать, что сохраняется лишь «память души», как вы её называете, и что душа (или Я) остаётся одной и той же, тогда как от личности ничего не остаётся?

Теософ. Не совсем; что-то от каждой личности непременно остаётся, если конечно она не была абсолютно материалистичной, и не имела в своей природе хотя бы щёлки, способной пропустить в неё духовный луч, поскольку все они накладывают свой вечный отпечаток на воплощающееся непреходящее духовное Я. ^[45] (См. «О посмертном и послеродовом сознании»). Личность же со своими скандхами сменяется с каждым новым рождением. Это, как мы уже говорили, лишь роль, исполняемая актёром (истинным Я) на протяжении одного спектакля. Вот почему на физическом плане мы не сохраняем воспоминаний о наших прошлых жизнях, хотя истинное Я прожило их все и все их знает.

Спрашивающий. Как же тогда получается, что истинный или духовный человек не впечатляет своим знанием новое личное «я»?

Теософ. А как получается, что девочки-служанки на бедной ферме, находясь в трансе или сомнамбулическом состоянии, могли говорить на иврите и играть на скрипке, но не знали ничего такого в нормальном состоянии? Потому что, как скажет вам всякий настоящий психолог старой, а не вашей современной школы, Духовное Я может действовать лишь когда личностное я парализовано. Духовное Я в человеке всеведуще и ему присуще всякое знание; тогда как личное «я» – продукт окружения и раб физической памяти. Если бы первое могло проявлять себя непрерывно и беспрепятственно, на Земле не было бы больше людей, а все мы были бы богами.

Спрашивающий. Но должны же быть исключения из этого правила, и кто-то должен помнить прошлые жизни?

Теософ. Такие люди есть. Но кто им поверит? Современные материалисты, как правило, считают таких сенситивов истериками, страдающими галлюцинациями, или свихнувшимися энтузиастами, или обманщиками. Однако им полезно было бы прочесть те труды, в которых исследуется эта проблема – прежде всего книгу члена Теософического Общества С. Д. Уолкера «Реинкарнация – исследование забытой истины», где они могли бы встретить массу доказательств, приводимых талантливым автором по этому животрепещущему вопросу. Стоит вам заговорить с людьми о душе, и некоторые тут же спросят вас: «Что такое душа? Разве её существование доказано?» Конечно, с материалистами спорить бесполезно. Но даже им я хотела бы задать такой вопрос: «Помните ли вы, какими вы были и что делали во младенчестве? Сохранили ли вы хоть малейшее воспоминание о вашей тогдашней жизни, мыслях и делах, или хотя бы о том, что вы вообще жили в течение первых полутора-двух лет вашего существования?»

Так почему бы на этом же основании не подвергнуть сомнению тот факт, что вы когда-то были младенцем?» Когда ко всему этому мы добавим, что перевоплощающееся Я, или индивидуальность, во время своего пребывания в дэвачане сохраняет лишь суть опыта последней земной жизни, или личности, то есть сохраняет весь физический опыт свёрнутым в потенциальность, или переводит его в духовное выражение; и когда мы вспомним затем, что между двумя рожденьями может пройти от десяти до пятнадцати веков, в течение которых физическое сознание пребывает в абсолютном бездействии, не имея органов, через которые оно могло бы функционировать, а следовательно, и не существуя, причина полного отсутствия в чисто физической памяти такого рода воспоминаний станет очевидной.

Спрашивающий. Вы только что сказали, что Духовное Я всеведуще. Где же тогда это хвалёное всезнание во время жизни в дэвачане, как вы его называете?

Теософ. В течение этого времени оно является скрытым и потенциальным, поскольку, во-первых, духовное Я, или эго (буддхи-манас) не является Высшим Я, единым с Мировой Душой или Разумом, которое лишь одно всезнающе; а, во-вторых, потому что дэвачан – идеализированное продолжение земной жизни, только что оставленной позади, период возмездия для исправления и награды за незаслуженные невзгоды, перенесенные в этой конкретной жизни. В дэвачане Я лишь потенциально всезнающе, фактически же оно всезнающе лишь в нирване, когда воссоединяется с Мировым Разумом-Душой. Тем не менее, оно вновь становится как бы всезнающим в течение тех часов на земле, когда некоторые необычные условия и физиологические изменения в теле освобождают Я от оков материи. Таким образом, вышеприведенные примеры сомнамбул – бедной служанки, говорившей на иврите, и другой, играющей на скрипке, – дают вам иллюстрацию как раз такого случая. Однако, это не значит, что в объяснении этих двух фактов, предложенных нам медициной, нет и доли правды, поскольку одна девочка за несколько лет до этого слышала, как её хозяин, священник, читал вслух тексты на иврите, а другая слышала, как на их ферме артист играл на скрипке. Но ни одна не могла бы сделать этого столь совершенно, не будь она вдохновлена Тем, который, благодаря тождеству его природы с Мировым Разумом, всезнающ. Здесь высший принцип действовал на скандхи и двигал ими; в другом случае, когда личность была парализована, проявилась индивидуальность. Прошу вас не путать эти два случая.

Спрашивающий. Но в чём же разница между ними? Признаюсь, что до сих пор это для меня тёмный вопрос. Это та самая разница, которую вам никак не удаётся донести до наших умов.

Теософ. Я постараюсь это сделать, но увы, с некоторыми это сложнее, чем заставить их испытывать почтение к детским небылицам, в которые они верят, лишь потому, что сказки эти ортодоксальны, а ортодоксальность респектабельна. Чтобы хорошо понять эту идею, вам сначала следует изучить два набора «принципов»: духовных, или принадлежащих к бессмертному Я; и материальных, составляющих вечно меняющиеся тела или ряд личностей этого Я. Давайте присвоим им постоянные названия, и скажем, что:

I. Атма, «Высшее Я», – это дух не мой и не ваш, но подобный солнечному свету, сияющему для всех. Это повсюду распространённое «божественное начало», неотделимое от единого и абсолютного Мета-духа, подобно тому, как луч неотделим от света.

II. Буддхи (духовная душа) – лишь проводник атмы. Ни по отдельности, ни вместе они не более полезны для тела человека, чем солнечный свет и его лучи для массы гранита, погребённого в земле, если божественная Дуада не будет усвоена неким сознанием, отразившись в нём. Ни атма, ни буддхи недостижимы для кармы, поскольку атма – сама высший аспект кармы, в некотором смысле её рабочий агент, а буддхи на этом плане не обладает сознанием. Это сознание, или ум —

III. Манас ^[47], производное или продукт в отраженной форме ахамкары, «представлении о я», или самости. Таким образом, он, будучи неотделимо связан с первыми двумя, называется Духовным Я и тайджаси (сияющим). Это и есть настоящая индивидуальность, или божественный человек. Именно это Я, первоначально воплотившись в неразумную человеческую форму, одушевленную двойственной монадой, но не сознававшую её присутствия в себе (поскольку у неё не было сознания), сделало из этой человекоподобной формы настоящего человека. Это – то «эго», то «тело причинности» (каузальное), которое осеняет каждую личность, в которую карма заставляет его воплотиться; и именно оно отвечает за все грехи, совершенные посредством тела в каждом новом теле или личности – в мимолетных масках, скрывающих на протяжении долгой последовательности жизней истинную индивидуальность.

Спрашивающий. Но справедливо ли это? Почему это Я должно получать наказание, являющееся результатом тех деяний, о которых оно уже забыло?

Теософ. Оно их не забыло; напротив, оно знает и помнит все свои ошибки так же, как вы помните то, что делали вчера. Не вообразили ли вы, что Я забыло о них, лишь на основании того, что память, принадлежащая сложной совокупности физических соединений, которую мы называем «телом», не сохранила никаких воспоминаний о том, что сделал его предшественник, бывшая личность? Точно также назовите несправедливостью то, что новым ботинкам на ногах мальчишки, которого порют за воровство яблок, приходится терпеть наказание за то, о чём они ничего не знают.

Спрашивающий. Но разве не существует никаких способов сообщения между духовным и человеческим сознанием, или памятью?

Теософ. Конечно, таковые имеются; но ваши современные психологи их никогда не признавали. Чему можно приписать интуицию, «голос совести», предчувствия, смутные и неопределённые воспоминания и тому подобное, если не таким вот связям? Если бы большинства людей, хотя бы образованных, была тонкая духовная восприимчивость Колриджа, отдельные замечания которого показывают, сколько в нём было интуиции! Посмотрите, с каким

уважением говорит он о вероятности того, что «все мысли сами по себе неуничтожимы»: «Если бы нужно было сделать эту способность нашего разума (внезапные прояснения памяти) более полной, потребовалась бы лишь иная, подходящая организация: тело небесное вместо тела земного – для того, чтобы перед каждой душой человеческой предстал во всей полноте совокупный опыт её предшествующего существования (а точнее – существований)». И это тело небесное и есть наше манасическое Я.

О награде и наказании Я

Спрашивающий. Вы говорили, что Я – какова бы ни была жизнь той личности, в которую оно воплощалось на земле – никогда не бывает наказуемо после смерти.

Теософ. Никогда, разве что в тех исключительных и редких случаях, о которых мы здесь говорить не будем, поскольку природа этого «наказания» не имеет совершенно ничего общего с вашими богословскими представлениями о вечных муках.

Спрашивающий. Но если в этой жизни оно наказывается за злодеяния, совершённые в прошлой жизни, тогда именно это Я должно получать и награду – либо здесь, на Земле, либо в развоплощённом состоянии.

Теософ. Так оно и есть. И если мы не признаём какого-либо наказания вне этой земли, то лишь потому, что единственное состояние, которое знакомо Духовному Я в последующем бытии – это состояние чистого, ничем не омраченного блаженства.

Спрашивающий. Что вы имеете в виду?

Теософ. А вот что: преступления и грехи, совершённые на плане предметности, в материальном мире объектов, не могут быть наказуемы в мире чистой субъектности. Мы не верим в ад и рай, как в какие-то места, как не верим мы в объективное существование ни вечного адского пламени, ни бессмертных червей, ни Иерусалимов с улицами, вымощенными сапфирами и алмазами. Во что мы верим – так это в посмертное существование или умственное состояние, подобное испытываемому нами, когда мы видим какой-нибудь живой и яркий сон. Мы верим в неизменный закон абсолютной Любви, Справедливости и Милосердия. И, веря в него, мы утверждаем: Каков бы ни был грех и каковы бы ни были ужасные результаты исходного кармического проступка воплощающихся теперь Я, ^[48] ни один человек (или же внешняя материальная и периодически появляющаяся форма, заключающая в себе духовное существо) по справедливости не может быть признан ответственным за последствия своего рождения. Он не просил, чтобы его родили, и не имел возможности выбрать родителей, давших ему жизнь. Во всех отношениях он жертва своего окружения, дитя обстоятельств, над которыми не властен; и если мы беспристрастно исследуем каждый совершённый им проступок, то окажется, что в девяти случаях из десяти он был не грешником, а скорее жертвой греха. Жизнь – в лучшем случае жестокая игра, бурное море, которое надо переплыть, и тяжкий груз, нести который часто не под силу. Величайшие философы тщетно пытались доискаться до смысла жизни, и все они – за исключением тех, у кого был ней ключ, а именно, восточных мудрецов – потерпели неудачу. Жизнь, как описывает её Шекспир:

...лишь тень ходячая – актер дешёвый:

По сцене он вышагивает важно,

Кричит – и вот уж скрылся без следа.

Она – рассказ, поведанный безумцем:

В нём много шума, ярости и гнева,

Но смысла в нём не сыщешь ни на грош.

Смысла нет в отдельных частях – но великий смысл есть в совокупности, или последовательности жизней. Как бы то ни было, а отдельная жизнь почти каждого человека на зрелом её этапе горестна и скорбна. И должны ли мы верить в то, что бедный, беспомощный человек, после того, как его швыряло, словно ломаную деревяшку, в яростном море жизни, будет подвергнут вечному осуждению или даже временному наказанию за то, что оказался слишком

слаб, чтобы вынести эти испытания? Да никогда! В тот миг, когда великий или же заурядный грешник, добряк и злодей, виновный и невинный избавляется от бремени физической жизни, усталое и измождённое ману (мыслящее Я), получает, наконец, право на какой-то период абсолютного покоя и блаженства. Тот же, скорее непогрешимо мудрый и справедливый, чем просто милосердный, Закон, налагающий на воплощённое Я кармическое наказание за каждый грех прошлой земной жизни, предоставляет уже лишённому тела существу долгий отдых и позволяет ему забыть все печальные события, вплоть до малейшей неприятной мысли, имевшей место в его последней жизни в качестве личности, оставляя в «памяти души» лишь воспоминания прошлого блаженства и счастья. Плотин, который говорил, что наше тело и есть настоящая Лета, поскольку «души, погруженные в него, забывают всё», подразумевал под этим гораздо больше. Ведь если наше земное тело подобно Лете, то без сомнения таково же и наше небесное тело в дэвачане, и в значительно большей степени.

Спрашивающий. Должен ли я понимать это так, что убийца, человек, так или иначе преступивший закон божественный и человеческий, будет оставлен без наказания?

Теософ. Да кто же когда-либо утверждал такое?! Доктрина наказания в нашей философии по своей строгости и жесткости не уступает кальвинистской – она лишь гораздо более философична и согласуется с принципом абсолютной справедливости. Ни одно дело и даже ни одна греховная мысль не пройдут безнаказанными; и за последние наказание даже строже, чем за первые, поскольку мысль способна сотворить гораздо больше зла, чем действие. ^[49] Мы верим в безошибочный закон воздаяния, именуемый кармой, который проявляется в естественной связи причин с их неизбежными следствиями.

Спрашивающий. Как же и где он действует?

Теософ. «Трудящийся достоин пропитания», – гласит евангельская мудрость; «всякое действие, злое или доброе – плодовитый родитель», – гласит мудрость веков. Соедините два этих изречения, и вы получите ответ на вопрос «почему». Предоставив душе, вырвавшейся наконец из когтей личностной жизни, достаточную, даже стократную компенсацию, карма с целым полчищем скандх ожидает её на пороге дэвачана, откуда Я вновь появляется, чтобы принять новое воплощение. Именно в этот момент будущая судьба отдохнувшего Я колеблется на весах справедливого воздаяния – ведь теперь оно вновь подпадает под власть действующего кармического закона. Именно в этом ожидающем его рождении, в рождении, избранном и уготованном для него загадочным, неумолимым, но, по справедливости и мудрости приговоров, непогрешимым Законом, наказуются грехи, совершенные этим Я в предыдущей жизни. Только отправляется оно не в воображаемый ад с театральным пламенем и смехотворными рогами и хвостатыми чертями, а именно на эту землю – на план и место свершения его грехов, где ему придётся искупать всякую дурную мысль и плохое деяние. Что посеяло оно, то и пожнёт. Реинкарнация соберет вокруг него все те Я, которые прямо или косвенно пострадали от рук прошлой личности или даже при неосознанном её содействии. Немезида поставит их на пути нового человека, скрывающего в себе прежнее, вечное Я, и...

Спрашивающий. Но где же тут справедливость, о которой вы говорите, если новые личности даже не знают, что они согрешили или стали жертвами чужого греха?

Теософ. Если человек, которого ограбили, узнал свое пальто на плечах вора и, срывая его с похитителя, порвал, то можем ли мы сказать, что с этим пальто обошлись справедливо? Новая личность ничем в данном случае не отличается от новой одежды с её специфическими характеристиками, цветом, формой и качествами; но истинный человек, который её носит, – всё тот же преступник, как и в старину. Это индивидуальность страдает через посредство своей личности. Так, и только так можно объяснить страшную, но кажущуюся несправедливость в распределении различных уделов в жизни между людьми. Когда вашим современным

философам удастся указать убедительную причину того, почему столько по всей видимости безвинных и добрых людей рождены лишь для страданий на протяжении всей жизни; почему столь многие появляются на свет в голодной нищете, в трущобах больших городов, покинутые судьбой и людьми; почему, в то время как они родились на дне, другие увидели свет во дворцах; почему высокое рождение и счастье, похоже, часто достаются худшим из людей и лишь редко выпадают на долю достойных; почему есть нищие, чьи внутренние я не уступают «я» высших и благороднейших людей – когда всё это, и не только это, будет удовлетворительно объяснено вашими философами и богословами, тогда и только тогда вы получите право отвергать теорию реинкарнации. Лучшие и величайшие поэты смутно чувствовали эту истину из истин. В неё верил Шелли, и должно быть, думал о ней и Шекспир, когда писал о никчёмности рождения. Вспомните его слова:

*Зачем, скажи, рожденье обуздало
Мой дух, когда к высотам он стремился?
Не все ли в мире времени подвластны?
Есть легионы нищих на земле,
Чьи предки были раньше королями,
И сотни королей, отцы которых
Позором были века своего.*

Вместо слова «предки» подставьте «Я» – и вы получите истину.

О судьбе низших «Принципов»

Спрашивающий. Вы говорили о кама-локе – что это такое?

Теософ. Когда человек умирает, три его низших принципа, то есть тело, жизнь и её проводник – астральное тело или двойник живого человека – покидают его навсегда. Затем же его четвертый (центральный и средний) принцип – животная душа или кама-рупа, вместе с тем, что ей удалось усвоить из низшего манаса, и высшая триада оказываются в кама-локе. Это астральное местопребывание, *limbus* схоластической теологии, айд древних и, строго говоря, она является местом лишь в переносном смысле. У неё нет ни определенной площади, ни определенных границ, а существует она внутри субъектного пространства, то есть за пределами нашего чувственного восприятия. И всё же кама-лока существует, и именно там астральные эйдоны всех живших существ, включая и животных, ожидают своей второй смерти. К животным она приходит с распадом и полным затуханием их астральных частиц, всех до последней. Для человеческого эйдолона она начинается тогда, когда триада (атма-буддхи-манас) «отделяется» от своих низших принципов, или отражения бывшей личности, погружаясь в состояние дэвачана.

Спрашивающий. А что происходит после этого?

Теософ. Потом кама-рупа, которая есть фантом, лишенный наполнявшего её мыслящего принципа, высшего манаса, а затем и низшего аспекта манаса, животного разума, больше не получающего света от высшего ума, и не имеющего больше физического мозга, через который можно было бы действовать, разрушается.

Спрашивающий. Каким образом?

Теософ. Ну, она оказывается в состоянии лягушки, которой вивисектор удалил некоторые части мозга. Она не может больше думать – даже на низшем животном уровне. Отныне это даже не низший манас, поскольку этот «низший» – ничто без «высшего».

Спрашивающий. А не эта ли нежить материализуется на сеансах у медиумов?

Теософ. Именно она. Однако она не является существом лишь в части способностей мыслить и рассуждать, но всё же это – существо, хотя и астральное и флюидическое, что и продемонстрировалось в некоторых случаях, когда магнетически и несознательно притянувшись к медиуму, она временно оживлялась и жило в нём, подобно временному заместителю. Это «привидение» или кама-рупу можно сравнить с медузой, которая, находясь в своей водной стихии (которую мы сравниваем со специфической аурой медиума), имеет эфирный, студенистый вид, но которая, будучи выброшена из неё, тут же растворяется в руках или на песке, особенно на солнце. В ауре медиума она живёт как бы за другого, а рассуждает и говорит через мозг либо медиума, либо кого-нибудь из других присутствующих. Но это заведет нас слишком далеко, в чужие области, в которые у меня нет желания вторгаться. Давайте придерживаться темы перевоплощения.

Спрашивающий. Так что же с ней? Сколь долго воплощающееся Я остаётся в состоянии дэвачана?

Теософ. Нас учат, что это зависит от степени духовности, а также от заслуг и упущений предыдущего воплощения. В среднем – от десяти до пятнадцати столетий, как я уже вам говорила.

Спрашивающий. Но почему это Я не может проявляться и общаться со смертными, как хотят представить это спириты? Что может удержать мать от общения с ребенком, которого она оставила на земле, или мужа от общения с женой и так далее? Это весьма утешительное верование, я должен признать, и неудивительно, что люди не хотят его оставлять.

Теософ. Их и не принуждают к этому, если конечно они сами не предпочтут правду вымыслу, каким бы «утешительным» он ни был. Наши доктрины могут быть не близки спиритуалистам, однако ничто из того, во что мы верим и чему учим, не является и в половину таким эгоистичным и жестоким, как то, что проповедуют они.

Спрашивающий. Я вас не понимаю. Что эгоистично?

Теософ. Их доктрина о возвращении духов, подлинных «личностей», как они говорят; и я вам скажу почему. Если дэвачан – зовите его «раем», если хотите, или «местом наивысшего счастья и блаженства», – и есть именно такое место (или, скажем, состояние), то логика подсказывает нам, что в нём не может быть ни печали, ни малейшего страдания. «Бог утрет слезы» тем, кто в раю, читаем мы в книге многих обещаний. А если «духам мертвых» позволить возвращаться и видеть всё происходящее на земле, а в особенности – в их домах, какое же блаженство может быть им уготовано?

Почему теософы не верят в возвращение чистых «Духов»

Спрашивающий. Что вы имеете в виду? Почему это должно мешать их блаженству?

Теософ. Это достаточно просто; давайте рассмотрим такой пример. Мать умирает, оставляя после себя маленьких беспомощных детей, которых она обожает так же, как и, предположим, своего любимого мужа. Мы говорим, что её «дух» или Я – та индивидуальность, которая ныне в течение всего дэвачанического периода всецело наполнена благороднейшими чувствами, присутствовавшими в её последней личности – любовью к своим детям, жалостью к тем, кто страдает, и так далее – теперь полностью отделено от «юдоли слез», и его будущее блаженство состоит в счастливом неведении обо всём оставленном позади горе. Спиритуалисты, наоборот, говорят, что оно сознаёт его отчетливо и даже сильнее, чем прежде, поскольку «духи видят больше, нежели смертные во плоти». Мы говорим, что блаженство дэвачани^[50] заключается в его совершенной уверенности, что он никогда не покидал землю и что смерти вообще не существует; что посмертное духовное сознание матери заставит её считать, что она живет в окружении своих детей и всех тех, кого любила; что всё будет учтено и ни одного звена не будет упущено, дабы сделать её развоплощённое состояние наиболее совершенным и абсолютно счастливым. Спиритуалисты категорически отрицают это. Согласно их учению, даже смерть не освобождает несчастного человека от горестей этой жизни. И поскольку теперь он видит всё, ни одна капля из чаши страдания и горя не минует его губ, и волей-неволей он будет пить её до самого дна. Таким образом, любящая жена, которая всем сердцем желала избавить мужа от горестей земной жизни, ныне вынуждена в полнейшей беспомощности наблюдать его отчаяние и замечать каждую горькую слезу, пролитую им по её утрате. Хуже того, она может увидеть, что слезы высохли слишком быстро и облик иной возлюбленной улыбается отцу её детей; убедиться, что в его сердце её заменила другая женщина; обречена услышать, как её дети-сиротки называют святым именем «мама» безразличную к ним женщину, и увидеть, что её детям уделяют мало внимания, или вообще плохо с ними обращаются. Если так, то «мягкий перелёт в бессмертную жизнь» без промедления ведет на путь новых душевных страданий. И в то же время страницы «Banner of Light», журнала-ветерана американских спиритуалистов, полны посланий умерших, «наших дорогих усопших», которые пишут, как все они счастливы! Да разве подобное состояние осведомлённости совместимо с блаженством? В таком случае «блаженство» означает величайшее проклятие, и вечные муки, обещаемые ортодоксами, должны быть утешением в сравнении с ним!

Спрашивающий. Но как удастся избежать этого в вашей теории? Как вы можете согласовать теорию всеведения души и её слепоту к тому, что происходит на земле?

Теософ. Потому что таков закон любви и милосердия. В течение каждого дэвачанического периода всеведущее само по себе Я облачается, так сказать, в отражение прошлой личности. Я только что говорила вам, что в своем идеальном расцвете все абстрактные, а значит, бессмертные качества и атрибуты, – такие как любовь и милосердие, приверженность к благову, истинному и прекрасному, – когда-либо отзывавшиеся в сердце жившей личности, после смерти привлекаются к Я, а значит, следуют за ним в дэвачан. Следовательно, на какое-то время Я становится идеальным отражением того человеческого существа, каким оно было на земле, а в таком виде оно не всезнающее. Будь оно таковым, оно никогда бы не оказалось в состоянии, называемом нами дэвачаном.

Спрашивающий. Но какие есть у вас основания заявлять так?

Теософ. Если вам нужен ответ, строго следующий нашей философии, то я могу сказать, что это так, поскольку всё вне вечной истины, у которой нет ни формы, ни цвета, ни предела, есть

иллюзия (майя). Вступивший за завесу майи – а таковы высшие адепты и посвященные – может не переживать дэвачан. Что же до простого смертного, его блаженство в дэвачане совершенно. Это абсолютное забвение всего, что причиняло боль и страдание в прошлом воплощении, и более того, забвение, что такие вещи, как боль и страдание вообще существуют. В промежуточном цикле между двумя воплощениями дэвачани находится в окружении всего, к чему он тщетно стремился на земле, и в компании со всеми, кого он любил. Он достигает исполнения всех желаний своей души. И поэтому долгие века он живет жизнью безоблачного счастья, которое и есть награда за его страдания в земной жизни. Короче говоря, он купается в море нескончаемого блаженства, прерываемого лишь событиями еще более высокой степени счастья. [\[51\]](#)

Спрашивающий. Но это больше, чем простое заблуждение – это существование среди безумных галлюцинаций!

Теософ. С вашей точки зрения – может быть, но не с точки зрения философии. Кроме того, разве вся наша земная жизнь не наполнена такого рода иллюзиями? Вы никогда не встречали мужчин и женщин, годами живущих в призрачном счастье, в раю дураков? И если бы вам случилось узнать, что муж, которого обожает жена, полагающая в свою очередь, что так же любима мужем, неверен ей, пошли бы вы на то, чтобы разбить её сердце, отняв у неё прекрасную мечту и грубо пробудив её к реальности? Мне думается, что нет. Я опять говорю, что подобное забвение или галлюцинация, если уж вы так это называете, – это лишь милосердный закон природы и строгая справедливость. В любом случае это гораздо более привлекательная перспектива, чем ортодоксальная золотая арфа с парой крыльев. Убежденность, что «живущая душа часто возносится и как ни в чем не бывало бегаёт по улицам небесного Иерусалима, посещая патриархов и пророков, приветствуя апостолов и восхищаясь армией мучеников» может показаться некоторым более благочестивой. Тем не менее, это галлюцинация еще более обманчивого характера, поскольку матери любят своих детей бессмертной любовью, как всем нам известно, тогда как персонажи «небесного Иерусалима» имеют более сомнительную природу. Однако, я бы скорее приняла «небесный Иерусалим», с его улицами, вымощенными как витрины ювелирных магазинов, чем нашла бы утешение в бессердечной доктрине спиритуалистов. Одна лишь идея, что разумные и сознательные души чьих-то отца, матери, дочери или брата найдут блаженство в «стране лета» – лишь немногим более естественна, но столь же смехотворна, как и «Новый Иерусалим», и достаточна, чтобы заставить человека потерять всякое уважение к своим «усопшим». Верить, что чистый дух может быть счастлив, если он вынужден наблюдать грехи, ошибки, предательство и, главное, страдания тех, с кем его разлучила смерть и кого он сильнее всего любит, будучи не в состоянии помочь им, – было бы безумием.

Спрашивающий. В ваших аргументах что-то есть. Признаюсь, я никогда не рассматривал это в таком свете.

Теософ. Вот именно; и нужно быть насквозь эгоистом, полностью лишённым чувства справедливости, чтобы даже вообразить что-либо подобное. Мы всё ещё вместе с теми, кого потеряли в материальной форме, причем гораздо ближе к ним сейчас, чем когда они были живы. И так не только в фантазиях дэвачани, как могут вообразить некоторые, но в реальности. Ведь чистая божественная любовь – не только лишь цветок человеческого сердца; её корни – в вечности. Святая духовная любовь бессмертна, и рано или поздно все те, кто любил друг друга подобной духовной любовью, будут вновь приведены кармой к воплощению в одной и той же семье. И мы вновь говорим, что у любви по ту сторону могилы, хотя вы можете называть её иллюзией, есть божественная и волшебная сила, действующая на живущих. Любовь, которой наполнено Я матери, воображающей своих детей рядом с собою живущими жизнью полного

счастья, и столь же реальная, как она была и на земле, всегда будет ощущаться этими детьми, живущими в воплощении. Она будет проявляться в их снах, а зачастую и при различных событиях – в защите и спасении, ниспосланными «провидением», так как любовь – это мощный щит, не ограниченный пространством или временем. Пример с матерью в дэвачане распространяется и на остальные человеческие отношения и привязанности, за исключением чисто эгоистических и материальных. На остальное вам наметит аналогия.

Спрашивающий. Значит, вы ни в коем случае не допускаете возможность общения живущих с развоплощённым духом?

Теософ. Как правило, это так, но из этого правила есть два исключения. Первое такое исключение относится к нескольким дням, сразу после смерти человека, прежде чем его Я перейдёт в дэвачан. Другой вопрос, получал ли кто-либо из живущих ощутимую пользу от возвращения духа на предметный план – кроме как в тех исключительных случаях, когда сила желания умирающего возвратиться для определённой цели заставляла высшее сознание оставаться бодрствующим, и поэтому сообщавшийся «дух» действительно был индивидуальностью. Но в основном дух после смерти бывает как бы ошеломлён и очень быстро впадает в то, что мы называем «преддэвачаническим состоянием бессознательности». Второе исключение – это нирманакайи.

Спрашивающий. Кто это, и что этот термин у вас означает?

Теософ. Это наименование дано тем, кто заслужив право на нирвану и циклический отдых – (не дэвачан, ибо последний – иллюзия нашего сознания, счастливый сон, а те, кто готов к нирване, должны уже полностью лишиться всяких желаний или возможности мирских иллюзий) – тем не менее из сострадания к человечеству остаётся на земле, отказавшись от нирваны. Такой адепт, или святой, как бы вы его ни называли, считая эгоизмом отдыхать в блаженстве, в то время как человечество стонет под тяжестью страданий, происходящих от неведения, отказывается от нирваны и решает остаться этой земле в духе, невидимым. У нирманакай нет материального тела, так как они его отбросили; но со всеми своими принципами они остаются в сфере нашей жизни – даже в астральной её области. И они действительно могут общаться с немногими избранными, но, конечно, не с обыкновенными медиумами.

Спрашивающий. Я задал вам вопрос о нирманакаях, так как читал в немецких и других трудах, что в учениях северного буддизма это наименование давалось земным воплощениям или телам, принимаемым буддами.^[52]

Теософ. Да, это так, только востоковеды неправильно представляли себе это земное тело, считая его предметным и физическим, а не чисто астральным и субъектным.

Спрашивающий. А какую пользу они могут принести на земле?

Теософ. Отдельным людям – немного, поскольку они не имеют права вмешиваться в карму, и могут лишь советовать смертным и вдохновлять их на действия ради общего блага. И всё же, они совершают больше благодеяний, чем вы себе представляете.

Спрашивающий. С этим наука никогда не согласится, даже современная психология. Её приверженцы уверены, что никакая часть разума не может пережить физического мозга. Что бы вы им ответили?

Теософ. Я бы даже не стала утруждать себя ответом, а просто сказала бы словами, принадлежащими М. А. Оксону: «Разум после смерти тела сохраняется. Ведь это вопрос не только мозга... На основании того, что нам известно, разумно выдвинуть предположение о нерушимости человеческого духа („Тожественность духа“».^[53]

Спрашивающий. Но ведь Оксон спиритуалист?

Теософ. Совершенно верно, причём единственный истинный спиритуалист, которого я знаю, хотя мы можем всё ещё не соглашаться с ним по многим второстепенным вопросам. Если

не считать их, то ни один спиритуалист не приближался так близко к оккультным истинам, как он. Подобно любому из нас, он непрестанно говорит «об опасностях, сразу же подстерегающих неподготовленного и поверхностного человека, который станет манипулировать оккультным, перейдя его порог и не рассчитав цену, которую придётся за это заплатить».^[54] У нас остается только одно разногласие в вопросе о «подлинности духа». В других отношениях я, со своей стороны, почти полностью согласна с ним и принимаю те три положения, которые он выразил в своем обращении в июле 1884 года. Скорее, этот выдающийся спиритуалист спорит с нами, чем мы с ним.

Спрашивающий. Что же это за положения?

Теософ. 1. Есть жизнь, сопутствующая физической жизни тела и независимая от неё.

2. Как непереносимое следствие, эта жизнь простирается за пределы жизни тела. (Мы говорим, что она простирается через весь дэвачан.)

3. Существует сообщение между обитателями этого состояния существования и обитателями мира, в котором мы живём сейчас.

Всё зависит, как видите, от меньших и второстепенных аспектов этих основных положений, от принимаемых нами взглядов на дух и на душу, или на индивидуальность и на личность. Спиритуалисты смешивают их «в одно»; мы же разделяем их и говорим, что за исключением означенного выше, ни один дух не посещает землю вновь, хотя животная душа и может это сделать. Но давайте снова вернемся к нашему основному предмету – к скандхам.

Спрашивающий. Сейчас я начинаю понимать лучше. Дух тех скандх, которые, так сказать, наиболее благородны, соединившись с воплощающимся Я, сохраняется и добавляется к запасу его «ангельского» опыта. А атрибуты, соединенные с материальными скандхами эгоистическими и личными мотивами, исчезают из поля деятельности между двумя воплощениями и появляются вновь в последующем воплощении, как кармические результаты, требующие искупления. И по этой-то причине дух не может сам покинуть дэвачан. Это так?

Теософ. Это очень близко. А если вы к этому добавите, что закон воздаяния, или карма, вознаграждающая всё возвышенное и наиболее духовное в дэвачане, никогда не упустит возможности вознаградить их вновь на земле, обеспечив им дальнейшее развитие и соответствующее для этого тело, – тогда вы будете вполне точны.

Несколько слов о Скандхах

Спрашивающий. А что происходит с низшими скандхами личности после смерти тела? Они уничтожаются совсем?

Теософ. И да, и нет – вот новая метафизическая и оккультная загадка для вас. Они уничтожаются как проводник действий личности, но сохраняются как кармические следствия, зародыши, взвешенные в атмосфере земного плана, готовые мстительными врагами вернуться к жизни и соединить себя с новой личностью, когда Я воплотится вновь.

Спрашивающий. Это настолько трудно, что выше моего понимания.

Теософ. Только до тех пор, пока вы не усвоите все подробности. Потому что тогда вы увидите, что по логике, последовательности, глубокой философии, божественному милосердию и справедливости, учение о перевоплощении не имеет равных на земле. Это вера в непрерывный прогресс каждого воплощающегося Я, или божественной души, которая в эволюции от внешнего к внутреннему, от материального к духовному достигает в конце каждой стадии абсолютного единства с божественным принципом. Укрепляясь и усиливаясь, переходя от красоты и совершенства одного плана к ещё более высокой красоте и совершенству другого, восходя в каждом цикле к новому великолепию, знанию и силе, всякое Я таким образом становится своим собственным спасителем в каждом мире и воплощении – таково его предназначение.

Спрашивающий. Но христианство учит тому же самому. Оно также проповедует совершенствование.

Теософ. Да, только добавляя кое-что ещё. Оно говорит нам о невозможности достичь спасения без помощи чудотворного спасителя и потому осуждает на вечную смерть всех тех, кто не примет эту догму. Именно в этом и состоит различие между теологией христианства и теософией. Первая акцентирует веру в нисхождение духовного Я в низшее я; вторая же внушает необходимость усилий для того, чтобы подняться к Христу, или в состояние буддхи.

Спрашивающий. Но говоря об уничтожении сознания в случае неудачи, не думаете ли вы, что, с точки зрения неметафизической, это равнозначно уничтожению Я?

Теософ. С точки зрения тех, кто буквально верит в воскресение тела и настаивает на том, что каждая косточка, каждый сосуд и атом воскреснет в Судный День во плоти – конечно, да. Если вы по-прежнему настаиваете на том, что тленная оболочка с добавлением каких-то ограниченных качеств может дать бессмертного человека, нам будет трудно понять друг друга. А если вы не понимаете, что ограничивая существование каждого Я одной земной жизнью, вы делаете из Божества вечно пьяного Индру (как по мёртвой букве Пуран), безжалостного Молоха, бога, создавшего на земле полную неразбериху и еще требующего благодарности за это, – в таком случае, чем быстрее мы оставим этот разговор, тем лучше.

Спрашивающий. Ну ладно, разделившись с темой скандх, давайте вернемся к вопросу о сознании, сохраняющемся после смерти. Вот что интересует большинство людей. Обладаем ли мы в дэвачане знанием большим, чем во время земной жизни?

Теософ. В некотором смысле мы можем приобрести большее знание; то есть мы можем развить любую способность, которую хотели и старались развить в течение жизни, при условии, что это касается абстрактного и идеального, например, музыки, живописи, поэзии и тому подобного, ибо дэвачан – это лишь идеализированное и субъективное продолжение земной жизни.

Спрашивающий. Но если в дэвачане дух свободен от материи, то почему бы ему не обладать полным знанием?

Теософ. Потому что, как я уже сказала, Я «обручено», с памятью своего последнего

воплощения, если можно так выразиться. Поэтому, если вы поразмыслите над тем, что я говорила, и свяжете все факты воедино, вы поймете, что дэвачаническое состояние – это не состояние всезнания, а трансцендентальное продолжение только что окончившейся жизни личности. Это отдых души от тягот жизни.

Спрашивающий. Но учёные-материалисты утверждают, что после смерти от человека ничего не остаётся, что человеческое тело просто распадается на составные элементы, и то, что мы называем душой, есть только временное самосознание, являющееся побочным продуктом органических процессов, который исчезнет подобно пару. Не кажется ли вам их позиция странной?

Теософ. Вовсе нет, как я понимаю. Когда они говорят, что самосознание исчезает вместе с телом, они просто высказывают неосознанное пророчество в отношении самих себя, ведь раз они твёрдо убеждены в том, что заявляют, никакая сознательная жизнь после смерти для них невозможна. Но в каждом правиле есть исключения.

Спрашивающий. Но если сохранение человеческого самосознания после смерти является правилом, почему должны быть исключения?

Теософ. В основных правилах духовного мира исключений не может быть, но есть правила для тех, кто видит, и для тех, кто предпочитает оставаться слепым.

Спрашивающий. Это я понимаю; но в таком случае это «полное и окончательное исчезновение самосознания» не более, как заблуждение слепого, который, не видя солнца, отрицает его, но узрит его духовными глазами после смерти...

Теософ. Ничто не заставит его увидеть, и ничего он не узрит. Упорно отрицая в течение жизни продолжение существования после смерти, он не сможет его увидеть, поскольку его духовные способности, будучи неразвиты и подавляемы при жизни, не смогут развиваться и после смерти, и он останется слепым. Утверждая, что он должен увидеть, вы очевидно имеете в виду одно, а я другое. Вы говорите о «духе духа», о пламени от пламени, – то есть об атмане, и смешиваете его с человеческой душой – манасом... Вы меня не понимаете, и позвольте мне попробовать объяснить это. Вся суть вашего вопроса – в том, чтобы понять, как это возможна в случае закоренелого материалиста полная утрата самосознания и самовосприятия после смерти? Не так ли? Я говорю – это возможно. Ибо, твёрдо веря в наше эзотерическое учение, которое называет посмертный период, то есть промежуточное время между двумя жизнями, лишь временным состоянием, я отвечаю утвердительно и говорю: один ли год или миллион лет продолжается этот антракт между двумя действиями иллюзии жизни, загробное состояние может безо всякого нарушения правил оказаться совершенно тем состоянием, в каком находится человек во время глубокого обморока.

Спрашивающий. Но если вы сказали сейчас, что фундаментальные законы посмертного состояния не допускают исключений, как же это может быть?

Теософ. Я и не говорила, что исключение возможно. Но духовный закон продолжения приложим только к тем вещам, которые действительно существуют. Для того, кто прочитал и понял Мундака Упанишаду и Ведантасару, всё это станет ясно. Я скажу больше: чтобы приобрести ясное понимание того, почему материалист может и не сохранить самосознание после смерти, достаточно понять, что мы подразумеваем под буддхи и двойственностью манаса. Ведь манас, в низшем своём аспекте, является местопребыванием земного ума, а потому может предоставить лишь то восприятие Вселенной, которое основывается на свидетельстве этого ума, а духовного видения он дать не может. В нашей восточной школе говорят, что между буддхи и манасом (Я), или Ишварой и праджней^[56] на самом деле не больше разницы, чем между лесом и его деревьями, озером и его водами, как учит Мундака. Одно или даже сотня засохших от потери жизненного сока или вырванных с корнями деревьев не могут помешать лесу оставаться тем же лесом.

Спрашивающий. Так... но ведь буддхи представляет в этом сравнении лес, а манас-тайджаси – деревья. И если буддхи бессмертно, то как же, будучи тем же, что и буддхи, может манас-тайджаси,^[57] полностью потерять сознание до своего нового воплощения? Это-то и затрудняет меня.

Теософ. Напрасно, поскольку вы смешиваете абстрактное представление целого с его случайными видоизменениями. Помните, что если о буддхи-манасе можно сказать, что он безусловно бессмертен, то о низшем манасе, и ещё в меньшей степени о тайджаси (который лишь – свойство) такого сказать нельзя. Ни то, ни другое, не может существовать отдельно от буддхи, божественной души, поскольку первый (манас) в своем низшем аспекте есть

качественная принадлежность земной личности, а второй (тайджаси) – то же, что и первое, только с отражением в себе буддхи. В свою очередь, буддхи оставалось бы только безличным духом без этого в себе элемента, заимствованного им от от человеческой души, и который обуславливает и делает из него нечто как бы отдельное от мировой души на всё время цикла человеческих воплощений. Вернее было бы сказать, что буддхи-манас не может ни умереть, ни утратить своё составное самосознание в Вечности или воспоминание о своих предыдущих воплощениях, в которых оба – то есть духовная и человеческая души, были тесно связаны друг с другом. Однако, это не так в случае материалиста, чья человеческая душа не только ничего не получает от божественной души, но даже отказывается признавать её существование. Но применять эту аксиому к атрибутам и качествам характерным чертам человеческой души – это всё равно, что настаивать, что так как ваша божественная душа бессмертна, то значит румянец на ваших щеках тоже должен быть бессмертен; хотя он, как и тайджаси – просто преходящее явление.

Спрашивающий. Правильно ли я понял ваши слова, что мы не должны смешивать в наших умах сущность с явлением, причину со следствием?

Теософ. Я говорю так и повторяю, что, будучи ограничена манасом или человеческой душой, светозарность самой тайджаси делается вопросом времени; потому что бессмертие и сознание после смерти для земной личности человека становятся просто обусловленными атрибутами, так как всецело зависят от условий и верований, создаваемых самой человеческой душой ещё при жизни её тела. Карма действует непрерывно, и мы пожинаем в мире загробном плоды лишь того, что сами посеяли в этой жизни.

Спрашивающий. Но если мое Я может очутиться после разрушения моего тела в состоянии полной бессознательности, то какое же может быть для меня в этом наказание за грехи моей жизни?

Теософ. Наша философия учит, что кармическое наказание постигает Я только в будущем воплощении, а непосредственно за гробом нас ожидают только награды за понесённые и незаслуженные страдания в земной жизни.^[58] Таким образом, всё посмертное наказание, даже для материалиста, состоит в отсутствии награды, в полной потере сознания своего счастья и покоя. Карма – порождение земного Я, плод деятельности того дерева, которое является видимой для всех предметной личностью, равно как и плод всех помышлений и даже намерений духовного я; но она также и нежная мать, которая залечивает нанесенные ею в прошедшей жизни раны, прежде чем станет снова бичевать это Я, нанося ему новые. Можно сказать, что нет в жизни человека душевного или физического страдания, которое не было бы плодом и прямым последствием некоего греха в его предыдущем существовании; с другой стороны, поскольку человек не сохраняет о том ни малейшего воспоминания в настоящей жизни, и потому чувствует себя не заслуживающим такой кары и поэтому страдающим безвинно, вследствие уже одного этого он достоин утешения и полного отдыха и покоя в жизни загробной. Для нашего духовного Я смерть является всегда избавительницей и другом. Для материалиста, который, несмотря на свой материализм, не был плохим человеком, промежуток между двумя жизнями будет подобен крепкому и безмятежному сну младенца – либо совсем без сновидений, либо наполненному картинками, для которых у него не будет чёткого восприятия; в то время, как для обычного смертного это будет сон, полный реального блаженства и видений, столь же яркий, как и сама жизнь.

Спрашивающий. Значит, личностный человек должен всегда слепо претерпевать кармические наказания, навлеченные его Я?

Теософ. Не совсем так. В торжественный момент смерти, даже внезапной, каждый человек видит всю свою прошедшую жизнь, предстающую перед ним в определённом порядке и в

мельчайших подробностях. На один краткий миг личностное становится едино с индивидуальным и всеведущим Я. Но этого мгновения достаточно, чтобы показать человеку всю цепь причин, которые были задействованы во время его жизни. Теперь он видит и воспринимает себя таким, каков он есть, без прикрас лести и самообмана. Он читает свою жизнь, оставаясь как бы зрителем, наблюдающим с высоты покидаемую им арену; он чувствует и знает справедливость всего перенесённого им страдания.^[59]

Спрашивающий. Это происходит со каждым?

Теософ. Без всякого исключения. Святые и праведные люди, как нас учат, видят не только свою прошедшую жизнь, но даже некоторые предшествовавшие жизни, в которых были заложены причины, сделавшие их теми, кем они были, в той жизни, которую покидают сейчас. Они познают закон кармы во всём его величии и справедливости.

Спрашивающий. А перед новым рождением бывает что-нибудь, соответствующее этому?

Теософ. Да. Так же, как человек в момент смерти бросает ретроспективный взгляд на проведённую им жизнь, так и в момент своего нового рождения на земле Я, пробуждающееся от состояния дэвачана, получает видение перспективы ожидающей его жизни и осознаёт все причины, что к ней привели. Оно осознаёт их и видит свою будущность, потому что именно между дэвачаном и новым рождением оно вновь обретает полное манасическое сознание и на короткое время опять становится богом, которым было, перед тем как в соответствии с кармическим законом впервые снизошло в материю и воплотилось в первом человеке из плоти. «Золотая нить» видит все свои «жемчужины», не упуская ни одной из них.

Что в действительности имеется в виду под уничтожением

Спрашивающий. Я слышал, как некоторые теософы говорят о золотой нити, на которую нанизаны их жизни. Что они подразумевают под этим?

Теософ. В индуских священных книгах сказано, что то, что проходит периодические воплощения – это сутратма, что буквально означает «нить души». Это синоним перевоплощающегося Я (манаса в соединении с буддхи), впитывающего манасические воспоминания манаса обо всех наших прошлых жизнях. Она названа так, потому что последовательность всех жизней человека подобна жемчужинам, нанизанным на одну нить. В одной из Упанишад эти повторяющиеся рожденья уподобляются земной жизни, проходящей поочередно между сном и бдением.

Спрашивающий. Должен сказать, что это не представляется достаточно ясным, и вот почему. После сна для человека начинается другой день, но человек душой, как и телом – всё тот же самый, что был и накануне; тогда как при каждом новом воплощении меняются не только его наружная оболочка, пол и самая личность, но, по-видимому, и все его умственные и духовные качества. Да и как же это сравнение может быть верным ввиду того, что люди, восстав ото сна, хорошо помнят не только то, что они делали вчера, но и за многие дни, месяцы и даже годы назад, а между тем в своей настоящей жизни они не сохраняют ни малейшего воспоминания о какой-либо прошлой своей жизни, или о каком-либо относящемся к ней факте или событии... Ведь проснувшийся человек может, пожалуй, забыть то, что он видел во сне, но он всё-таки знает, что он спал и что во время сна он жил... О прошлой же жизни мы даже и этого не знаем. Как же так?

Теософ. Некоторые люди и при жизни вспоминают свои прошлые воплощения; но это будды и посвящённые. Это то, что йоги называют самма-самбуддха, или знание всей последовательности своих прошлых воплощений.

Спрашивающий. Быть может, и есть такие, только это не мы, грешные. Поэтому как же нам, не достигшим ещё до самма-самбуддхи понимать это сравнение?

Теософ. Изучая его и поняв правильнее характеристику и три рода того, что мы называем сном. Сон есть общее и неизменное правило как для человека, так и для всякой земной твари. Но есть разные сны и ещё более разные сновидения...

Спрашивающий. Но это уводит нас к другой теме. Давайте вернемся к материалисту, который, хотя и не отрицает снов, – так как он едва ли может сделать это, – всё-таки отрицает бессмертие вообще и сохранение своей индивидуальности в частности.

Теософ. И материалист здесь бессознательно оказывается прав. Без предварительного внутреннего сознания и веры в бессмертие души ей не сделаться буддхи-тайджаси, она останется манасом; а для одного манаса бессмертия быть не может. Дабы жить жизнью сознательной в загробном мире, следует сперва уверовать в тот мир в земной жизни. На этих двух афоризмах тайной науки построена вся наша философия о посмертном сознании, как и о бессмертии души. Сутратма получает всегда по своим заслугам. По разрушении тела для неё начинается либо период полного бдения, либо сон хаотический, либо непробудный сон без грёз и сновидений, неотличимый от уничтожения, что и является тремя видами сна. Если ваши физиологи находят причину снов и грёз в бессознательной заготовке их во время бдения, почему то же самое не признать и по отношению к посмертным сновидениям? Повторяю то, чему учит Веданта-сутра: смерть есть сон. После смерти пред духовными глазами души начинается представление по заученной нами при жизни, а часто нами же самими сочинённой программе: практическое исполнение наших или правильных верований, или же созданных нами самими

иллюзий. Методист будет методистом, мусульманин – мусульманином, по крайней мере какое-то время, – в идеальном «раю простака», являющемся творением каждого человека. То посмертные плоды древа жизни. Понятно, что вера или безверие в факт сознательного бессмертия не могут повлиять на безусловную действительность самого факта, коль скоро он существует. Но как вера, так и безверие в него отдельных личностей не могут не обусловить действий этого факта в его применении к каждому в частности. Теперь, надеюсь, вы поняли?

Спрашивающий. Начинаю понимать. Материалисты, не веря ни во что, не проверяемое их пятью чувствами и так называемым научным разумом, основываются исключительно на данных, предоставленных этими чувствами, несмотря на их недостаточность, и отвергая всякое духовное проявление, указывают на земную жизнь как на единственное сознательное существование; поэтому, по вере, а в их случае по безверию, и воздаётся им позднее. Они утратят своё личное «я» и заснут бессознательным сном до нового пробуждения. Так?

Теософ. Почти так. Вспомните практически всеобщее учение о двух видах сознательного существования – земном и духовном. Последнее надлежит считать реальным, исходя из самого факта нахождения в нём вечной, неизменной и бессмертной монады; тогда как при каждом новом воплощении Я одевается в совершенно отличную от предшествовавшей личность, временную, преходящую, в которой всё, кроме её духовного прототипа, обречено на бесследное разрушение.

Спрашивающий. Но позвольте, разве личность, моё земное, сознательное «я», может погибнуть не только временно, как в случае материалистов, но даже бесследно?

Теософ. По нашему учению, оно даже должно так погибнуть и во всей своей полноте, кроме того в ней начала, которое, соединясь с монадой, стало чисто духовным, составляя с ней впрямь и навеки одно несокрушимое целое. Но в случае завзятого материалиста может случиться, что так как ни сознательно, ни бессознательно ровно ничего из его личного «я» никогда не отражалось в буддхи, то ему и не приходится уносить в вечность ни одного атома этой земной личности. Ваше духовное «Я» бессмертно; но от вашей нынешней личности оно унесёт с собой лишь то, что заслуживает бессмертия, то есть один аромат скошенного смертью цветка.

Спрашивающий. Ну а сам цветок или земное «я»?

Теософ. Сам цветок, как и все прошлые и будущие цветки, которые цвели и будут цвести после них на родной ветке, сутратме, дети одного корня буддхи, обратятся в прах. Ваше настоящее «Я» не есть, как вам самим должно быть известно, сидящее предо мной ваше тело, ни даже ваша манас-сутратма, а сутратма-буддхи.

Спрашивающий. Но это не разъясняет мне, почему вы называете загробную жизнь бессмертной, бесконечной, реальной, а жизнь земную зовете призрачной и иллюзорной. Ведь по вашему учению выходит, что загробная жизнь имеет свои пределы, что и она, хотя продолжительнее земной жизни, но всё же должна иметь свой конец.

Теософ. Без сомнения. Духовное Я человека движется в вечности, как маятник, между часами жизни и смерти. Но если эти часы, периоды жизни земной и жизни загробной, ограничены в своем продолжении, и даже само число таких этапов в вечности, между сном и бдением, иллюзией и реальностью, имеет своё начало, как и свой конец, то сам духовный странник вечен. Поэтому и часы его загробной жизни, когда, разоблачённый, он стоит лицом к лицу с истиной, а не с миражами его преходящих земных существований, во время периода его скитальчества, который у нас зовется «циклом рождений», составляют в наших воззрениях единственную действительность. Такие перерывы, невзирая на их конечность, не только не мешают сутратме, постоянно совершенствуясь, следовать всё время неуклонно, хотя постепенно и медленно, по пути к её последней трансформации, когда она, достигнув цели, становится божественным существом; они не только содействуют достижению этой цели, но без таких

конечных перерывов нашему божественному Я никогда и не достигнуть её. Я уже давала вам один раз знакомую иллюстрацию, сравнив Я, или индивидуальность, с актёром, а его многочисленные и разнохарактерные воплощения – с ролями, которые он играет. Не назовете же вы, я полагаю, эти роли, а тем менее их костюмы, личностью самого актёра? Как и ему, «Я» приходится играть во время цикла рождений, и до достижения самого преддверия паранирваны, много таких, часто неприятных для него ролей; но как пчела собирает с каждого цветка его мёд, оставляя остальное на пищу земным червям, так и наша духовная индивидуальность, сутратма или «Я», собирая один нектар духовных качеств и самопознания каждой земной личности, в которую карма принуждает её воплощаться, сливает наконец все эти качества воедино, выходит из своей куколки и является тогда существом совершенным, дхьян чоханом. И тем хуже для земных личностей, с которых ей не пришлось что-либо собрать. Такие личности, конечно, не переживают сознательно своего земного существования.

Спрашивающий. Стало быть, бессмертие для земной личности всё-таки условный вопрос, и само бессмертие не безусловно?

Теософ. Нисколько; оно только не простирается на несуществующее. Для всего того, что существует, как Сат или исходит от Сата, бессмертие, как и вечность, безусловны. Материя – это полярная противоположность духа, и всё же они едины.^[60] Суть этого всего, то есть дух, сила, материя – бесконечна, как и безначальна, но форма, приобретаемая этим тройным единством во время воплощений, внешность, есть, конечно, только одна иллюзия личных концепций. Так что мы называем реальностью лишь нирвану и вселенскую жизнь, тогда как земную жизнь, включая и земную личность, и даже дэвачаническое существование, считаем призрачным царством иллюзии.

Спрашивающий. Но зачем же в таком случае называть реальность сном, а призрак – бдением?

Теософ. Сравнение сделано для облегчения нам представления; с точки зрения земных понятий оно весьма верное.

Спрашивающий. И всё же я не могу понять – если загробная жизнь основана на справедливости, на заслуженном воздаянии за всю земную скорбь, а сутратма пользуется малейшим проблеском духовных качеств в каждом из своих воплощений, то как же можно допустить, чтобы духовная личность у материалистов, многие из которых являются честными и милосердными людьми, не перешла в бессмертие, а погибла как «навоз от цветка»!

Теософ. Никто ничего подобного и не говорил. Ни один материалист, каким бы неверующим он ни был, не может умереть во всей полноте его духовной индивидуальности. Было сказано, что в случае с материалистом возможно полное или частичное исчезновение сознания, так что от его личности могло не сохраниться никаких сознательных остатков.

Спрашивающий. Но это, несомненно, есть уничтожение?

Теософ. Конечно нет. Можно проспять несколько станций на железной дороге, и всё-таки, не сохранив о них ни малейшего сознания, проснуться на следующей и достичь цели путешествия уже в сознательном состоянии. Уже были упомянуты три вида сна: непробудно-крепкий, без малейшего сновидения; сон с хаотическими, неопределёнными сновидениями; и, наконец со снами, столь живыми и ясными, что для спящего они делаются на время полной действительностью. Почему же в таком случае вы не можете допустить, что так бывает и с освобождённой от тела душой? В какую посмертную жизнь человек верил и какой ожидал, такую он и получит. У того, кто не ждал никакой будущей жизни, в промежутке между двумя рожденьями будет полный пробел. Это лишь исполнение «программы», о которой мы говорили, сочинённой и заготовленной заранее для себя материалистами. Но, как вы упомянули, материалист материалисту рознь. Человек злой или даже просто большой эгоист, никогда не

проливший и слезы о ком-либо, кроме себя, и таким образом, прибавляющий к своему полному безверию равнодушие ко всему миру, должен непременно оставить у преддверия смерти свою личность навеки. Поскольку у неё не было ни волоска сочувствия к окружающему миру, ей нечем зацепиться за её сутратму, и с последним вздохом её обрывается между ними всякая связь. Для такого материалиста не будет дэвачана, и сутратма пойдёт на новое перевоплощение – почти немедленно. Но те материалисты, единственным заблуждением которых был скептицизм, проспят только одну станцию. И придёт время, когда этот бывший материалист сознает себя в Вечности и, возможно, будет раскаиваться, что пропустил даже одну станцию, один день из жизни вечной.

Спрашивающий. Но не вернее ли всё-таки сказать, что смерть есть рождение к новой жизни или, ещё лучше, возвращение в вечность?

Теософ. Можете сказать и так, если вам нравится. Только помните, что рождения разнятся, и случаются рождения «мертворожденных» существ, которые являются ошибками природы. Более того, с установившимися у вас западными представлениями о материальной жизни, слова «жить» и «существовать» оказываются совершенно неприменимыми к чисто субъектному состоянию посмертного существования. За исключением идей нескольких философов, не читаемых большинством и самих слишком путающихся в представлении отчетливой картины, ваши западные представления о жизни и смерти стали такими узкими, что, с одной стороны, они привели к полнейшему материализму, а с другой – к еще более материальному пониманию иной жизни, выраженному спиритуалистами в их «стране лета». Там души людей едят, пьют, вступают в брак и живут в раю, столь же чувственном, как рай Мухаммеда, и даже менее философском. Ничем не лучше и обычные концепции необразованных христиан; они ещё более материальны, если такое возможно. Христианские небеса в окружении ангелочков, медных труб, золотых арф и материального адского огня выглядят как сказочная сцена в рождественской пантомиме.

Из-за этих-то узких понятий вы и испытываете такую трудность в понимании. Только потому, что жизнь развоплощённой души, обладая живой реальностью (что бывает и в некоторых снах), в то же время свободна от всякой грубой предметной формы земной жизни, восточные философы и сравнили её со сновидением.

Определенные слова для определенных вещей

Спрашивающий. Не думаете ли вы, что смешение идей относительно функций «принципов» возникает в наших умах именно из-за отсутствия определённых и постоянных терминов для обозначения каждого из них?

Теософ. Я сама думала об этом. Вся беда вот в чём: мы начали свои разъяснения и дискуссии о принципах, используя санскритские названия, вместо того, чтобы сразу сформулировать их английские эквиваленты, которыми могли бы пользоваться теософы. Мы должны постараться исправить это сейчас.

Спрашивающий. Это было бы неплохо, поскольку помогло бы избежать дальнейшей путаницы – мне кажется, нет и двух авторов, пишущих о теософии, которые бы на данный момент согласились называть одни и те же принципы одинаково.

Теософ. Эта путаница, однако, в большей степени кажущаяся, чем действительная. Я слышала, как многие теософы выражали удивление и критиковали отдельные сочинения, где говорится об этих принципах, но если их исследовать, мы не найдём в них большей ошибки, чем использование слова «душа» для обозначения трех принципов, без указания разницы между ними. У первого и несомненно наиболее ясно пишущего из наших теософических писателей, мистера А. П. Синнетта, есть несколько исчерпывающих и превосходно написанных высказываний об «высшем Я». ^[61] Но идея, которую он хотел передать, была понята многими неверно из-за того, что он в использовал в общем смысле слово «душа». И всё же, я приведу несколько его высказываний, которые продемонстрируют вам, как ясно и исчерпывающе всё, что он пишет на эту тему:

«Человеческая душа, раз пустившаяся в поток эволюции как человеческая индивидуальность, ^[62] проходит через перемежающиеся периоды физического и сравнительно духовного существования. Она переходит с одного плана, или слоя, или состояния природы, на следующий, ведомая своими кармическими средствами; живя во время воплощений той жизнью, которую предопределила ей карма; видоизменяя свой прогресс в рамках обстоятельств; и, развив новую карму путём использования своих возможностей или злоупотребления ими, после каждой физической жизни она возвращается через промежуточную область камалоки к духовному существованию (дэвачану) – для отдыха, восстановления сил и постепенного усвоения её сущностью жизненного опыта, приобретённого на «земле» во время физического существования (и соответствующего внесения его в космический прогресс). Такой взгляд на предмет даст всякому, кто размышляет над ним, множество сопутствующих выводов – например, что перенос сознания из камалоки в состояние дэвачана неизбежно должен быть постепенным, ^[63] и что в действительности между разнообразными духовными состояниями нет жёстких разграничительных линий – ведь, как показывают психические способности живущих людей, даже духовный план не столь безнадёжно отгорожен от физического, как следовало бы из материалистических теорий, а также что все состояния природы окружают нас в одно и то же время, вызывая к разным способностям восприятия, и так далее... Ясно, что люди, обладающие психическими способностями, даже при физической жизни сохраняют связь с планами сверхфизического сознания, и хотя большинство людей такими способностями могут быть и не наделены, все мы, как показывают явления сна, и в особенности... сомнамбулизма или месмеризма, способны входить в состояния сознания, к которым

пять физических чувств не имеют никакого отношения. Мы – души в нас – не плывём всецело по течению в океане материи. Мы несомненно сохраняем определённый жизненно важный интерес и права на том берету, от которого на время отплыли. Потому процесс воплощения не вполне описывается, когда говорится о чередующемся существовании на физическом и духовном планах и душа, таким образом, изображается как цельное существо, полностью переходящее из одного состояния существования в другое. Более точные определения этого процесса могли бы, скорее, представить воплощение, как происходящее на физическом плане природы по причине истока, исходящего из души. Духовное царство всегда должно быть собственно местом обитания души, никогда не покидающей его полностью; и о той нематериализуемой части души, которая постоянно пребывает на духовном плане, вероятно, можно более подобающе сказать, как о Высшем Я.

Это «Высшее Я» есть Атма, и конечно, оно «не может быть материализовано», как говорит мистер Синнетт. Более того, оно никогда и ни при каких обстоятельствах не может быть предметно видимым даже для высочайшего духовного восприятия. Ибо Атман, или «Высшее Я» на самом деле есть Брахман, Абсолют, и неотлично от него. В часы самадхи высшее духовное сознание посвящённого всецело поглощено в Единую суть, которая есть Атман, и поскольку оно едино с целым, для него не может быть чего-то иного, что могло бы объективно восприниматься. У некоторых из наших теософов теперь вошло в привычку использовать слова «атман» и «я» (ego) как синонимы, и ассоциировать атман лишь с высшей индивидуальностью человека или даже с его личным я, тогда как он не должен прилагаться ни к чему, кроме Единого вселенского Я. Оттого и вся путаница. Говоря о манасе, каузальном теле, мы можем назвать его, связывая его с буддхическим сиянием, «высшим я» (ego), но не в коем случае не «Высшим Атманом». Ведь даже буддхи, духовная душа – это не Атман, а лишь его проводник. При упоминании всех прочих «я» всегда надо указывать при помощи прилагательных, имеем ли мы в виду личное или индивидуальное я». ^[64]

Таким образом, в этом прекрасном очерке о «Высшем Я» этот термин применяется к шестому принципу или буддхи (конечно в соединении с манасом, поскольку без такого союза в духовной душе не было бы мыслящего принципа или элемента); и впоследствии это дало начало подобным неверным толкованиям. Утверждение, что «ребенок не обретает своего шестого принципа, или не становится морально ответственным существом, способным создавать карму, пока ему не исполнится семь лет», показывает, что именно подразумевалось здесь под «Высшим Я». Потому этот способный автор вполне оправданно пишет, что после того, как «Высшее Я» входит в человеческое существо и насыщает своим сознанием личность – только у наиболее тонких натур – «люди, обладающие психическими способностями, действительно могут время от времени воспринимать это Высшее Я своими тонкими чувствами». Но и тем, кто ограничивает термин «Высшее Я» применением лишь к Универсальному Божественному Принципу, простительно их неверное понимание. Ведь когда мы читаем, не будучи подготовленными к этому смещению метафизических терминов ^[65], что «полностью проявляясь на физическом плане... Высшее Я всё же остается на соответствующем плане природы сознательным духовным Я» – мы склонны увидеть в первом атму, а во втором – манас, или, скорее, буддхи-манас, и тут же раскритиковать всё высказывание как неверное.

Чтобы впредь избежать такого неправильного понимания, я предлагаю буквально объяснить английские эквиваленты оккультных восточных терминов и предложить их для будущего использования.

ВЫСШЕЕ Я – это атма, неотделимый луч Мирового и **ЕДИНОГО Я**, это скорее Бог над нами, нежели внутри нас. Счастлив человек, которому удалось насытить им свое внутреннее я!

ДУХОВНОЕ БОЖЕСТВЕННОЕ Я – это духовная душа или буддхи, в прочном союзе с манасом, умственным началом, без которого она вообще не является «я», а лишь проводник атмы.

ВНУТРЕННЕЕ Я или **ВЫСШЕЕ «ЭГО»** – это манас, так называемый «пятый» принцип, в отдельности от буддхи. Умственное начало может быть духовным я, лишь когда оно погружено в буддхи и сливается с ним воедино, но ни у одного материалиста, как бы ни были велики его интеллектуальные способности, не следует предполагать существование такого Я. Это – постоянная индивидуальность или «перевоплощающееся Я».

НИЗШЕЕ или **ЛИЧНОСТНОЕ «ЭГО»** – это физический человек в соединении с его низшим я, то есть животными инстинктами, страстями, желаниями и т. д. Оно называется «ложной личностью» и состоит из низшего манаса в сочетании с кама-рупой и действует через физическое тело и его призрак или «двойник».

Оставшийся принцип – «Прана» или «Жизнь» – это, строго говоря, сила или энергия, излучаемая Атмой – как Мировой Жизнью и **ЕДИНЫМ Я**. Это её низший, или скорее (по своим следствиям) более физический, ибо проявляющийся, аспект. Прана, или Жизнь, проникает всё бытие предметной Вселенной; и называется «принципом» лишь потому, что она – неотъемлемый фактор жизни и «*deus ex machina*» живущего человека.

Спрашивающий. Надеюсь, это деление, будучи настолько упрощено в своих комбинациях, лучше ответит предъявляемым к нему требованиям. Остальные же чересчур метафизичны.

Теософ. Если не-теософы, как и теософы, согласятся с ним, это сделает предмет гораздо более понятным.

Спрашивающий. По моему впечатлению, в цитате из «Буддийского катехизиса», которую вы приводили немного ранее, есть некоторое несоответствие, и я хочу, чтобы его объяснили. Там указано, что скандхи – включая и память – меняются с каждым новым воплощением. И всё же утверждается, что воспоминания жизней, которые, как нам сказали, всецело состояли из скандх, должны сохраниться. На данный момент я не совсем уяснил себе, что же именно сохраняется, и хотел бы получить объяснения. Что это? Только «воспоминание», или те скандхи, или всегда то же самое «я», манас?

Теософ. Я только что объяснила, что перевоплощающийся принцип, или то, что мы называем божественным человеком, неразрушим в продолжение всего жизненного цикла; неуничтожим как мыслящее существо и даже как бесплотная форма. «Отражение» – это лишь перешедшее в духовную форму воспоминание о бывшей личности – г-не А. или г-же Б., – с которой «Я» отождествляет себя в течение периода дэвачана. Поскольку этот период – лишь продолжение земной жизни, так сказать, непрерывно переживаемая кульминация и сущность немногих счастливых моментов этого уже прошедшего существования – ему приходится отождествлять себя с личностным сознанием этой прошлой жизни, если конечно от него что-нибудь осталось.

Спрашивающий. Это значит, что «Я», несмотря на свою божественную природу, проводит каждый промежуток времени между двумя воплощениями в состоянии умственного помрачения, или даже временного сумасшествия.

Теософ. Можете рассматривать этот период как вам угодно. Считая, что кроме Единой Реальности, всё прочее, в том числе и вся вселенная – не более, чем преходящая иллюзия, мы не рассматриваем это как сумасшествие, а считаем это вполне естественным следствием или развитием земной жизни. Ведь что такое жизнь? Совокупность самых разнообразных переживаний, ежедневно меняющихся мыслей, эмоций и мнений. В юности мы со всем энтузиазмом бываем преданы какому-нибудь идеалу, герою или героине, которым пытаемся следовать и подражать; а через несколько лет, когда свежесть наших юношеских чувств исчезает и уступает место более трезвому взгляду на жизнь, мы сами же первые готовы высмеять свои фантазии. И всё же однажды мы столь полно отождествляли нашу собственную личность с идеалом, что она полностью им поглощалась и терялась в нем, с ним сливаясь. Можно ли сказать о пятидесятилетнем мужчине, что он такой же человек, каким был в двадцать лет? Внутренний человек – действительно тот же; внешняя же личность полностью изменилась и преобразилась. Или эти изменения в умственном состоянии человека вы тоже назовёте сумасшествием?

Спрашивающий. Какое же название дадите им вы, и главное, как объясните вы постоянство первого и мимолётность второго?

Теософ. Здесь нам всегда готово помочь наше учение, и для нас это не представляет трудности. Ключ – в двояком сознании нашего ума, а также в двойственной природе умственного принципа. Есть духовное сознание, манасический разум, озарённый светом буддхи и способный сущностно воспринимать абстракции, и есть чувственное сознание – низший манасический свет, неотделимый от нашего мозга и чувств. Это второе сознание находится в подчинении у мозга и физических чувств и, в свою очередь, будучи полностью от них зависимым, должно, конечно, померкнуть и в конце концов умереть с их исчезновением. Лишь первое сознание, корень которого – в вечности, и которое живёт всегда, может, таким образом, считаться бессмертным. Всё же прочее принадлежит к области преходящих иллюзий.

Спрашивающий. В этом случае что же вы на самом деле подразумеваете под иллюзией?

Теософ. Это очень хорошо описано в упомянутом уже очерке о «Высшем Я», автор которого пишет:

«Рассматриваемая нами теория (об обмене идеями между Высшим Я и низшим я) находится в полной гармонии со взглядом на этот мир, в котором мы живем, как на феноменальный мир иллюзии, а на духовные планы природы, с другой стороны, – как на нуменальный мир, или уровень реальности. Эта область природы, в которой, так сказать, коренится бессмертная душа, гораздо более реальна, чем та, в которой на краткое время возникают её преходящие цветы, чтобы в конце концов увянуть и осыпаться, в то время как растение восстанавливает силы, чтобы выпустить новый цветок. Представим, что обычными чувствами можно было бы воспринимать лишь цветы, а их корни существовали бы в неосвязаемом и невидимом для нас состоянии. Тогда бы философы такого мира, предугадавшие существование таких корней на ином плане бытия, вполне могли сказать о цветах: „Их нельзя считать истинными растениями: они не имеют никакого действительного значения и являются всего лишь иллюзорными временными явлениями“».

Вот что я имела в виду. Не тот мир, в котором расцветают преходящие и мимолётные цветы личных жизней, есть мир реальный и постоянный, а тот, в котором мы обнаруживаем корень сознания, неподвластный иллюзии и пребывающий в вечности.

Спрашивающий. Что вы подразумеваете под корнем, пребывающим в вечности?

Теософ. Мыслящее существо, воплощающееся Я, вне зависимости от того, считаем мы его «ангелом», «духом» или силой. Из всего, что подлежит восприятию наших чувств, лишь то, что прямо произрастает от этого невидимого высшего корня или связано с ним, сможет разделить его бессмертие. Вот почему всякая возвышенная мысль, идея или благородное устремление личности, наполняемой этим Я, происходя из этого корня и питаясь от него, приобретает бессмертие. Что же касается физического сознания, то поскольку это качество разумного, но низшего принципа (кама-рупы или животного инстинкта, лишь освещаемого низшим манасическим отражением), оно должно исчезнуть. То, что продолжает действовать, когда тело погружается в сон или парализовано – это высшее сознание; наша память же весьма слабо и неточно – поскольку автоматически – фиксирует эти впечатления, и часто ей не удаётся сохранить их даже в малой степени. ^[66]

Спрашивающий. Но как же манас, хотя вы называете его «нусом», «богом», оказывается при своих воплощениях столь слаб, что позволяет телу подчинить и сковать себя?

Теософ. Я могла бы вернуть вам тот же вопрос: «Почему тот, кого вы считаете „Богом Богов“ и Единым Богом Живым, оказался так слаб, что позволил злу (или Дьяволу) одолеть и его самого, и его творения как на небесах, так и во время его земного воплощения?» Вы наверняка ответите: «это тайна; нам запрещено касаться тайн божьих». Но поскольку наша религиозная философия нам этого не запрещает, отвечу, что если Бог не спустится на землю в качестве аватары, любой божественный принцип не может не быть задавлен и парализован кипучей животной материей. На этом плане иллюзий разнородность всегда будет преобладать над однородностью, и чем ближе сущность к своему коренному началу, Изначальной Однородности, тем труднее ей утвердить себя на земле. Духовные и божественные силы дремлют в каждом человеке; и чем шире границы его духовного видения, тем могущественнее становится скрытый в нём Бог. Но очень немногие люди могут его ощутить, и как правило, божество в нас всегда бывает связано и ограничено усвоенными ранее взглядами, теми идеями, что внушены нам с

самого детства; вот почему вам так трудно постичь нашу философию.

Спрашивающий. И именно это наше «я» – наш бог?

Теософ. Вовсе нет; такой «бог» – не вселенское божество, а лишь одна искра из океана божественного огня. Наш Бог, что внутри нас, или «наш Отец, который втайне» – это то, что мы называем Единым Я, или атмой. Наше перевоплощающееся Я в истоке своём было Богом, как и все первоначальные эманации Единого Неведомого Принципа. Но с тех пор, как оно «пало в материю» с тем, чтобы пройти от начала и до конца весь цикл последовательных воплощений, оно уже больше не свободный и счастливый бог, а лишь бедный странник, стремящегося вновь обрести на своем пути то, что он утратил. Я могу дать вам более полный ответ, повторив то, что сказано об этом внутреннем человеке в «Разоблачённой Изиде»:

«В человечестве со времен глубочайшей древности жило убеждение в существовании личной духовной сущности в каждом физическом человеке. Эта глубинная сущность могла быть божественной в большей или меньшей степени, смотря по тому, насколько приблизилась она к венцу. Чем теснее был этот союз, тем яснее становилось для человека его предназначение, тем менее опасными были внешние условия существования. Это убеждение – не слепая вера и не предрассудок, а лишь вечно присутствующее инстинктивное чувство близости иного – духовного и невидимого мира, который, хотя и является субъективным для чувств внешнего человека, совершенно объективен для внутреннего Я. Более того, было распространено убеждение, что существуют как внешние, так и внутренние условия, влияющие на степень решимости нашей воли в наших поступках. Фатализм полностью отрицался, поскольку он подразумевает слепое действие какой-то ещё более слепой силы. Но существовала вера в судьбу, или карму, которую от рождения и до смерти нить за нитью прядёт вокруг себя каждый человек, подобно тому, как паук ткёт свою паутину; судьбу эту направляет либо присутствие того, кого некоторые называют „ангелом-хранителем“, либо более тесно связанный с нами внутренний наш астральный человек, который слишком часто становится злым гением для плотского человека, для личности. Человека ведут обе эти силы, но в конце концов одна из них должна восторжествовать; и с самого начала их незримой битвы в неё вступает жесткий и неумолимый закон воздаяния и возмездия и совершает свою работу, с точностью следуя за колебаниями этой борьбы. Когда же последняя нить спрядена и человек опутан собственноручно сотканной им самим сетью, тогда он обнаруживает себя полностью во власти своей, им же созданной судьбы. Затем она либо связывает его, подобно тому, как неподвижная раковина прикрепляется к незыблемой скале, либо, как пёрышко, уносит его вихрем, поднятым его собственными действиями».^[67]

Такова судьба человека – истинного Я, а не автомата, оболочки, которая носит имя человека. Именно этот человек должен стать победителем материи.

Сложная природа Манаса

Спрашивающий. Но вы хотели рассказать мне кое-что о сущности манаса и о том, в каком отношении с ним находятся скандхи физического человека.

Теософ. Именно эту природу, загадочную, изменчивую, непостижимую, почти неуловимую в её соотношениях с другими принципами, очень трудно понять и еще труднее объяснить. Манас – это и принцип, и в то же время сущность и индивидуальность, т. е. «Я». Это «бог», и всё же он обречён на бесконечный цикл воплощений, за каждое из которых он в ответе и в каждом из которых он должен страдать. Всё это кажется столь же противоречивым, сколько и озадачивающим; но тем не менее, только в Европе есть сотни людей, совершенно осознавших это, ибо они постигают Я не только в его цельности, но и во многих его аспектах. Наконец, чтобы быть понятной, я должна начать сначала и дать вам в нескольких строках родословную этого Я.

Спрашивающий. Продолжайте.

Теософ. Попробуйте представить себе «дух», небесное существо (как бы мы его ни называли), божественное по сути своей природы, но всё же недостаточно чистое для того, чтобы быть единым с ЦЕЛЫМ, и нуждающееся, для конечного достижения этого единства, в очищении своей природы. Сделать это оно сможет лишь в том случае, если индивидуально и лично (т. е. духовно и физически) испытает каждое переживание и чувство из всех, существующих в многообразии дифференцированной Вселенной. Таким образом, набравшись опыта в низших царствах природы и поднимаясь с каждой ступенькой всё выше и выше по лестнице бытия, оно должно испытать всякий опыт на человеческих уровнях. По сути своей оно – мысль, и потому зовётся во множественном числе манасапутра, «сынами (вселенского) разума». Эту вот индивидуализированную мысль мы, теософы, и называем истинным Я человека, мыслящей сущностью, заключенной в клетку из костей и плоти. Это, без сомнения, существо духовное, а не материальное, такие существа и являются перевоплощающимися Я, наполняющими ту совокупность животной материи, которую мы называем человечеством, и называются они «разумами» или манаса. Но стоит им раз попасть в эту клетку, то есть воплотиться, как суть их становится двойственной: иными словами, лучи вечного Божественного Разума, рассматриваемые как индивидуальные существа, принимают два свойства – это а) присущее им стремление вверх, и это свойство высшего манаса, и б) человеческая рассудочность, или животное мышление, возросшее в разумности благодаря превосходству человеческого мозга, именуемая низшим манасом, или умом, склонным к желаниям, кама-манасом. Первый стремится к буддхи, а второй притягивается вниз, к логову страстей и животных желаний. Кама-манасам нет места в дэвачане; не могут присоединиться они и к божественной триаде, в единстве возносящейся в ментальное блаженство. И всё же именно «Я», манасическое существо, в ответе за грехи низших скандх, точно так же, как родители несут ответственность за проступки детей, пока те ещё не отвечают за свои действия.

Спрашивающий. И этот «ребенок» – личность?

Теософ. Да. Потому, когда утверждается, что «личность» умирает вместе с телом, это не выражает всего. Тело, которое было лишь предметным символом г-на А. и г-жи Б., исчезает со всеми своими материальными скандхами, которые являются его видимыми выражениями. Но то, что на протяжении земной жизни составляло духовную совокупность опыта: благороднейшие устремления, неумирающая любовь и неэгоистичная натура г-на А. и г-жи Б. – всё это в период дэвачана присоединяется к Я, которое отождествляется с духовной частью того земного существа, которое уже скрылось из виду. Актёр так проникается ролью, которую только

что сыграл, что она снится ему в продолжение всей ночи в дэвачане, и видение это длится до тех пор, пока для него вновь не пробьёт час возвращения на сцену жизни, где он должен будет сыграть уже другую роль.

Спрашивающий. Но как же вышло, что это учение, которое, по вашим словам, столь же старо, как человек разумный, не нашло никакого отражения, ну, скажем, в христианском богословии?

Теософ. Вы ошибаетесь, нашло; но теология до неузнаваемости его исказила, как, впрочем, она исказила и многие другие учения. Теология именует «Я» ангелом, которого Бог даёт нам в момент рождения с тем, чтобы он позаботился о нашей душе. Но богословская логика, вместо того, чтобы возложить на этого «ангела» ответственность за проступки нашей бедной, беспомощной «души», объявляет последнюю заслуживающей наказания за все прегрешения ума и плоти! Душа, нематериальное дыхание Бога, осуждена гореть, не сгорая, ^[68] в материальном аду, в то время как «ангел», сложив свои белые крыльшки и оросив их несколькими слезинками, остаётся безнаказанным. И это «духи, присланные нам в помощь», «послы милосердия», посланные, как говорит нам епископ Мант —

«Наследникам Спасения творить благодеянья,
Они печалются, коль мы грешим,
И радуются с нашим покаяньем».

Так что становится очевидным, что если попросить всех епископов мира раз и навсегда определить, что же они подразумевают под душой и каковы её функции, они оказались бы также не в состоянии это сделать, как не могут они продемонстрировать и тени логики в своём ортодоксальном вероучении!

Это учение есть в Евангелии от Иоанна

Спрашивающий. На это приверженцы этого вероучения могли бы ответить, что даже если ортодоксальная догма обещает нераскаявшимся грешникам и материалистам плохие времена в даже слишком реалистичном аду, она, с другой стороны, до последней минуты даёт им шанс раскаяться. Не учит она и уничтожению, или потере личности, что одно и то же.

Теософ. Если Церковь ничему подобному не учит, то напротив, этому учит Христос; а это что-нибудь да значит, по крайней мере, для тех, кто Христа ставит выше христианства.

Спрашивающий. Разве Христос учит чему-либо подобному?

Теософ. Да, и каждый хорошо осведомленный оккультист и даже каббалист вам это подтвердит. Христос, или, во всяком случае, четвертое Евангелие, учит как реинкарнации, так и уничтожению личности, если только вы позабудете его мертвую букву и будете придерживаться эзотерического духа. Вспомните 1-й и 2-й стихи XV главы Евангелия от Иоанна. О чем, по-вашему, говорится в этой притче, как не о высшей триаде человека? Атма здесь «виноградарь», духовное Я, или буддхи (Христос) – «виноградная лоза», тогда как животная и жизненная душа, то есть личность – «ветвь». «Я есмь истинная лоза, а Отец мой – виноградарь. Всякую у меня ветвь, не приносящую плода, он отсекает... Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе; так и вы, если не будете во мне. Я есмь лоза, а вы ветви... Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет, а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают».

Вот как мы это объясняем. Не веря в существование адского пламени, которое, как полагают богословы, и подразумевается в угрозе, обращенной против «ветвей», мы утверждаем, что «виноградарь» – это символ бесконечного, безличного принципа, атмы,^[69] тогда как «виноградная лоза» является символом духовной души, Христа, а каждая ветвь представляет здесь новое воплощение.

Спрашивающий. Но чем вы можете подтвердить столь произвольное толкование?

Теософ. Универсальный символизм – вот свидетельство правильности этого толкования и того, что оно вовсе не произвольно. Герма говорил о «Боге», «посадившем виноградник», то есть создавшем человечество. В каббале показано, что Древнейший из древнейших или «Долгий Лик» сажает виноградник, олицетворяющий человечество, виноград же означает Жизнь. Таким образом, дух «Царя Мессии» показан как омывающий одежды вином свыше, от сотворения мира^[70]. А Царь Мессия – это «Я», очистившееся омовением своих одежд (т. е. своих личностей при перевоплощении) в вине свыше, или буддхи. Адам, или А-Дам – это «кровь». Жизнь плоти – в крови (нэфеш – душа), см. Левит, XVII. А Адам-Кадмон – Единородный. Ной также сажает виноградник – аллегорический питомник будущего человечества. Поскольку такая аллегория была принятой, мы обнаруживаем, что она воспроизведена и в Кодексе назореев. Порождено семь лоз, которые и есть наши семь рас, с их семью спасителями или буддами, которые происходят от Йукабар Зиво, и Ферхо (или Парха) Раба орошает их^[71]. Когда благословенные будут возноситься среди созданий Света, они увидят Йавар Ксиво – Повелителя Жизни, и Первую Лозу^[72]. Эти каббалистические метафоры, таким образом, естественно повторяются в «Евангелии от Иоанна» (XV, 1).

Не будем забывать, что в человеческой системе – даже в тех философиях, которые не признают наше семеричное деление – «Я» или мыслящий человек называется логосом, или сыном души и духа. «Манас – это приёмный сын царя... и царицы... (здесь стояли эзотерические эквиваленты атмы и буддхи)» – гласит один оккультный труд. Он – «человек-бог» Платона, который распинает себя в пространстве (или в продолжительности жизненного цикла)

для искупления материи. Совершает он это путём последовательных воплощений, так ведя человечество к совершенству и давая место низшим формам, где они могли бы развиваться до высших. И сам он ни на одну жизнь не прекращает совершенствоваться и способствовать совершенствованию всей физической природы. Даже очень редкий случай потери одной из его личностей, когда такая личность полностью лишена даже искры духовности, всё равно способствует его индивидуальному прогрессу.

Спрашивающий. Но если «Я» ответственно за проступки своих личностей, оно конечно же должно отвечать и за потерю, или скорее, полное уничтожение одной из них.

Теософ. Вовсе нет, разве только если оно ничего не сделало для того, чтобы предотвратить эту ужасную судьбу. Но если, несмотря на все его усилия, его голос, который и есть голос нашей совести, не смог проникнуть сквозь стену материи, тогда тупость последней, происходящая от несовершенства природы материала, ставится в один ряд с другими ошибками Природы. Само Я уже достаточно наказывается утратой дэвачана, и в особенности – необходимостью воплощаться почти незамедлительно.

Спрашивающий. Эта доктрина возможности потери души – или личности, как вы это называете, – выступает против идеальных теорий как христиан, так и спиритуалистов, хотя вот Сведенборг в некоторой мере её и принимает – в том, что он называет духовной смертью. Но они никогда не примут её.

Теософ. Это никак не может изменить факта природы, если это факт, или предотвратить такой случай. Вселенная и всё в ней – нравственное, умственное, физическое, психическое или духовное, построено на совершенном законе равновесия и гармонии. Как говорилось ранее (смотри «Разоблаченную Изиду»), в гармоничных периодических кругообращениях сфер центростремительная сила не смогла бы проявиться без центробежной, и все формы и их прогресс – продукты этой двойственной силы, действующей в природе. Дух (или буддхи) – это центробежная сила, а душа (манас) – центростремительная духовная энергия; и чтобы дать единый результат, они должны быть в совершенном союзе и гармонии. Прервите центростремительное движение земной души, тянущейся к привлекающему её центру, или повредите ему, приостановите её развитие, связав её весом материи более тяжким, чем она может вынести, или превышающим допустимый для дэвачанического состояния, и гармония целого будет разрушена. Жизнь личности, или, скорее, её идеальное отражение, может быть продолжена, только если поддерживается двоякой силой, которую даёт тесный союз буддхи и манаса в каждом воплощении, или личностном существовании. Малейшее отклонение от гармонии вредит ему, и когда он разрушается без надежды на исправление, эти две силы в момент смерти разделяются. В течение краткого периода личная форма (называемая кама-рупа или маяви-рупа), духовное цветение которой, присоединившись к Я, следует за ним в дэвачан, сообщая постоянной индивидуальности свою личностную окраску (на время, так сказать), уносится в камалоку, чтобы остаться там и постепенно исчезнуть. После смерти крайне развращённого, бездуховного и неисправимо злого человека для его личности наступает критический момент. Если ещё при жизни крайние и отчаянные усилия Внутреннего Я (манаса) соединить с собой и с высоким мерцающим лучом божественного буддхи хотя бы какую-либо часть личности будут расстроены, если этот луч будет всё больше отсекается от всё уплотняющейся коры физического мозга, Духовное Я или манас, раз освободившись от тела, остается совершенно отдалён от бесплотных останков личности, и они, или кама-рупа, следуя своему притяжению к земле, будут затянuty в аид, который мы именуем камалокой, и останутся там. Это и есть «увядшие ветви», упомянутые Иисусом, которые отрезаны от лозы. Уничтожение, однако, никогда не бывает моментальным, и для полного его завершения может потребоваться иногда не одно столетие. Но тут личность пребывает вместе с останками других,

более удачливых личных я, и становится вместе с ними скорлупой или элементарием. Как сказано в «Разоблачённой Изиде», эти-то эти два класса «духов», скорлупы и элементарии, и являются ведущими «звёздами» на великой спиритической сцене «материализаций». И можете быть уверены, что не они перевоплощаются; и поэтому столь немногие из этих «дорогих усопших» знают что-либо о перевоплощении, тем самым вводя в заблуждение спиритуалистов.

Спрашивающий. Но разве автора «Разоблаченной Изиды» не обвиняли в том, что она выступает против теории реинкарнации?

Теософ. Лишь те, кто не понял сказанного ею. Ведь когда был написан этот труд, никто ни из английских, ни из американских спиритуалистов в перевоплощение не верил; и то, что говорится в этой книге о «переселении душ», было направлено против французских спиритов, чья теория столь же антифилософична и абсурдна, сколь логично и самоочевидно в своей истинности восточное учение. Сторонники учения о реинкарнации, принадлежащие к школе Аллана Кардека, верят в произвольное и немедленное перевоплощение. По их мнению, умерший отец может воплотиться в собственную еще не родившуюся дочь, и так далее. Они не признают ни дэвачана, ни кармы, и не имеют какой-либо философской теории, которая служила бы основанием или подтверждением необходимости последовательных рождений. Но как же может автор «Разоблачённой Изиды» выступать против кармической реинкарнации, с промежутками между двумя воплощениями от 1000 до 1500 лет, если это одно из основных верований буддистов и индусов?^[73]

Спрашивающий. Так значит, вы полностью отвергаете теории и спиритов, и спиритуалистов?

Теософ. Не целиком, а лишь в том, что касается их основных положений. И те, и другие основываются на том, что говорят им их «духи»; и они настолько же не согласны друг с другом, насколько теософы не соглашаются с ни с первыми, ни со вторыми. Истина одна; и когда мы слышим, что французские призраки учат реинкарнации, а призраки английские отрицают её и поносят, мы можем лишь сказать, что либо французские, либо английские «духи» сами не знают того, о чем говорят. Вместе со спиритами и спиритуалистами мы верим в существование «духов», или невидимых существ, в большей или меньшей степени наделенных разумом. Но если в наших учениях различают множество их видов и родов, наши оппоненты не допускают существования иных духов, кроме развоплощённых «духов» людей, которые, по нашему мнению, в большинстве случаев являются лишь оболочками, находящимися в кама-локе.

Спрашивающий. Вы, похоже, весьма серьезно настроены против «духов». Поскольку вы уже объяснили мне свои взгляды и причины, по которым вы не верите в материализацию развоплощённых духов и в непосредственное общение с «духами умерших» на сеансах, то не растолкуете ли вы мне еще и такой факт: почему некоторые теософы неустанно твердят о том, как опасны общение с духами и медиумизм? Есть ли у них какие-нибудь конкретные доводы?

Теософ. Надо полагать, да. У меня, например, они есть точно. Благодаря своему более чем полувековому опыту общения с этими невидимыми, но слишком уж осязаемыми «влияниями», существование которых невозможно отрицать, — от сознательных элементаров и полусознательных оболочек до в высшей степени бесчувственных и не поддающихся описанию призраков всех видов — я действительно имею право высказывать такие взгляды.

Спрашивающий. Не могли бы вы привести один или несколько примеров, объясняющих, почему такого рода практика должна считаться опасной?

Теософ. Для этого потребуется больше времени, чем я могу вам уделить. О каждой причине нужно судить по тем следствиям, которые она производит. Взгляните-ка на историю спиритуализма за последние пятьдесят лет, с тех самых пор, как в этом столетии он вновь появился в Америке, и судите сами, чего больше принёс он своим приверженцам: пользы или

вреда. Очень прошу вас правильно меня понять: я выступаю вовсе не против истинного спиритуализма, а против современного движения, получившего это название, и против так называемой философии, изобретенной для объяснения его феноменов.

Спрашивающий. Так вы совсем не верите в их феномены?

Теософ. Именно из-за того, что я имею слишком веские основания верить в них, и считаю, что их существование (за исключением отдельных случаев преднамеренного мошенничества) – такая же правда, как то, что вы и я живём, – именно поэтому всё моё существо и восстаёт против них. Еще раз повторяю: я говорю лишь о физических, а не ментальных, или даже психических явлениях. Подобное привлекает подобное. Есть несколько благородных, чистых, добрых мужчин и женщин, лично мне знакомых, которые многие годы своей жизни провели под непосредственным руководством и даже защитой высоких «духов», развоплощённых или же планетных. Но эти разумы не имеют ничего общего с «Джонами Кингами» и «Эрнестами», фигурирующими на сеансах. Эти разумы направляют в очень редких и исключительных случаях лишь тех смертных, к которым их привлекает и магнетически притягивает кармическое прошлое человека. Чтобы привлечь их, недостаточно просто «сидения для развития». [74] Так можно лишь открыть двери целому рою призраков, добрых, злых или же нейтральных, рабом которых медиум становится на всю жизнь. Именно против такого неразборчивого медиумизма и контакта со всякими «духами» уровня домовых поднимаю я свой голос, а не против духовного мистицизма. Последний возвышен и свят, а первый имеет ту же природу, что и феномены двухсотлетней давности, за которые пришлось пострадать стольким ведьмам и колдунам. По поводу колдовства почитайте Глэнвила и других авторов, и у них вы найдёте свидетельства о явлениях, аналогичных большинству, если не всем физическим явлениям «спиритуализма» XIX столетия.

Спрашивающий. Вы хотите сказать, что это колдовство и ничего более?

Теософ. Я лишь хочу сказать, что, сознательное оно или бессознательное, это общение с мертвыми – некромантия, чрезвычайно опасное занятие. За века до Моисея такое вызывание умерших всеми разумными нациями рассматривалось как греховное и жестокое, поскольку оно нарушает спокойствие душ и мешает им в их эволюционном развитии достичь высших состояний. Совокупная мудрость всех прошлых веков отвергла такого рода практику. В заключение я скажу то, что неустанно повторяла и устно, и в печати в течение пятнадцати лет: в то время как одни из так называемых «духов» сами не знают, о чем говорят, повторяя, как попугаи, то, что они отыскивали в умах медиумов и прочих людей, другие бывают весьма опасны и могут лишь привести человека ко злу. Факты эти самоочевидны. Достаточно вам посетить спиритические кружки школы Аллана Кардека, и вы встретите там «духов», отстаивающих реинкарнацию и говорящих, как прирождённые католики. Обратитесь к «дорогим отошедшим» в Англии и Америке, и вы услышите, как они упрямо отвергают реинкарнацию, поносят тех, кто её проповедует, и придерживаются протестантских воззрений. Все ваши лучшие и наиболее сильные медиумы страдали болезнями телесными и душевными. Вспомните печальный конец Чарлза Фостера, который умер буйнопомешанным в сумасшедшем доме; Слэйда, страдающего эпилепсией; Эглинтонна, – лучшего на сегодня медиума в Англии, – который подвержен той же болезни. Взгляните на жизнь Д. Д. Хоума, человека, разум которого погряз в желчности и горечи, который ни одного доброго слова не сказал о ком-либо, кого он подозревал в обладании психическими силами, и порочил всех прочих медиумов вплоть до своего плачевного конца. Этот Кальвин от спиритуализма в течение многих лет страдал от ужасной болезни позвоночника, полученной им в результате общения с «духами», и умер совершенной развалиной. Вспомните ещё о печальной судьбе бедного Вашингтона Ирвинга Бишопа. Я знала его в Нью-Йорке, когда ему было ещё четырнадцать, и он несомненно был медиумом. Верно, что этот бедный парень объявил поход против своих «духов» и окрестил их «бессознательной

деятельностью мышц» – к великому торжеству всех корпораций высокоучёных дураков от науки и пополнению своего собственного кармана. Но – о мёртвых либо хорошо, либо ничего – его конец был печальным. Он стоически скрывал свои эпилептические припадки – первый и самый сильный симптом настоящего медиумизма – и кто знает, был он мертв или в трансе, когда производилось посмертное вскрытие. Его родственники настаивали, что он был жив, если верить телеграммам агентства Reuters. Наконец, посмотрите на медиумов-ветеранов, основателей и двигателей современного спиритуализма – сестёр Фокс. После более чем сорока лет общения с «ангелами», последние сделали их неизлечимыми пьяницами, которые в публичных лекциях отрекаются от труда и философии всей своей жизни, объявляя это шарлатанством. Что же это за духи должны быть, чтобы подтолкнуть их к этому, спрашиваю я вас?

Спрашивающий. Но верны ли ваши выводы?

Теософ. А какой бы вы сделали вывод, если бы узнали, что лучшие ученики одной из школ пения сорвали голос от перенапряжения горла? Что их метод плох, не так ли? Я думаю, что вывод этот столь же справедлив и в отношении спиритуализма, раз мы видим, что лучших его медиумов постигает такая судьба. Мы можем лишь сказать: «Пусть те, кого интересует эта проблема, судят о древе спиритуализма по его плодам и поразмыслят над полученным уроком». Мы, теософы, всегда считали спиритуалистов своими братьями, имеющими те же мистические склонности, что и мы, но они постоянно рассматривали нас как врагов. Мы, имея в своём распоряжении более древнюю философию, пытались помочь им и предостеречь их; они же отплатили нам тем, что поносили нас и всеми возможными способами старались оклеветать нас и наши мотивы. Однако лучшие английские спиритуалисты говорят то же, что и мы, в тех случаях, когда серьезно высказывают свои убеждения. Послушайте, например, как «М. А. Охон» признаёт эту истину: «Спиритуалисты склонны уделять чрезмерное внимание вмешательству в нашу жизнь внешних духов и не замечать возможностей Духа воплощённого». Зачем же поносить и оскорблять нас, если мы утверждаем то же самое? Потому что ныне нам нет дела до спиритуализма. А теперь вернемся к реинкарнации.

Спрашивающий. Вы имеете в виду, что все мы прежде уже жили на земле в многочисленных прошлых воплощениях и будем жить так же и дальше?

Теософ. Да. Жизненный цикл или, точнее, цикл сознательной жизни начинается с разделения смертного животного человека на два пола и кончится с завершением последнего поколения в седьмом круге и седьмой расе человечества. Учитывая, что мы находимся теперь лишь в четвёртом круге и пятой расе, продолжительность этого периода легче представить, чем выразить.

Спрашивающий. И мы всё это время продолжаем воплощаться в новые личности?

Теософ. Несомненно, поскольку этот жизненный цикл, или период воплощений, лучше всего будет сравнить с человеческой жизнью. Как каждая такая жизнь состоит из дней деятельности, разделенных ночами сна, или бездействия, так и в цикле воплощений за деятельной жизнью следует отдых в дэвачане.

Спрашивающий. Именно эту последовательность рождений и называют обычно реинкарнацией?

Теософ. Именно так. И лишь этими рождениями достигается непрерывное продвижение бесчисленных миллионов «Я» к конечному совершенству и отдыху, который будет равен по своей продолжительности периоду активности.

Спрашивающий. Чем же определяются продолжительность и особенности этих воплощений?

Теософ. Кармой, вселенским законом справедливого воздаяния.

Спрашивающий. Это разумный закон?

Теософ. Для материалиста, который называет закон периодичности, управляющий поведением всех тел, как и прочие законы природы, слепыми силами и механическими закономерностями, карма, без сомнения, будет лишь законом случайностей, и не более. Для нас же никакое прилагательное или определение не может описать того, что безлично и представляет собой не существо, а универсально действующий закон. Если вы спрашиваете меня о том, движет ли этим законом какая-то разумная сила, то должна ответить вам, что я этого не знаю. Но если вы просите меня определить его следствия и сказать вам, каковы они согласно нашим убеждениям, то я могу ответить, что тысячелетний опыт показал: следствия эти суть абсолютная и безошибочная справедливость, мудрость и разум. Ибо карма в своих следствиях является безотказным исправителем людской несправедливости и всех неудач природы, с точностью уравнивающим всякое зло; законом воздаяния, который награждает и карает с равной беспристрастностью. Она в самом строгом смысле «не взирает на лица», и её нельзя умиловить или отвратить с помощью молитвы. Таково представление, общее и для индуистов, и для буддистов, которые все верят в карму.

Спрашивающий. В этом христианские догмы противоречат и тем и другим, и я сомневаюсь, что кто-либо из христиан примет это учение.

Теософ. Конечно, не примет, и Инмэн дал объяснение этому уже много лет назад. По его словам, «Христиане поверят в любую чепуху, которую Церковь провозгласит предметом веры... буддисты же считают, что что-либо противоречащее здравому смыслу не может быть истинным учением Будды».^[75] Буддисты не верят ни в какое прощение грехов, разве что после соответственного и справедливого наказания за каждое злое дело или мысль в каком-нибудь будущем воплощении и после соразмерной компенсации пострадавшим сторонам.

Спрашивающий. Где же об этом говорится?

Теософ. В большинстве их священных книг. В «Колесе Закона» вы можете найти следующее утверждение теософии: «Буддисты верят, что каждое действие, слово и мысль имеют свои последствия, которые рано или поздно проявятся в настоящем или в будущем состоянии. Злые дела породят дурные последствия, добрые дела породят хорошие последствия, процветание в этом мире или рождение на небесах (дэвачан)... в грядущем состоянии».

Спрашивающий. Разве христиане не верят в то же самое?

Теософ. О, нет – они верят в прощение и отпущение всех грехов. Им обещано, что если только они будут верить в кровь Христа – невинной жертвы! – кровь, пролитую им во искупление грехов всего человечества, то это загладит всякую вину и смертный грех. Мы же не верим ни в искупление чужой вины, ни в возможность прощения хотя бы и малейшего греха любимым богом, даже «личностным Абсолютом» или «Бесконечным», если такое вообще может существовать. Во что мы верим – так это в строгую и беспристрастную справедливость. Неизвестное Вселенское Божество, представителем которого является карма, мы представляем себе как силу, которая не может ошибиться и не знает, таким образом, ни гнева, ни милости – ничего, кроме абсолютной справедливости, которая предоставляет всякой причине, большой или малой, производить свои неизбежные следствия. Слова Иисуса: «Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. VII, 2) ни буквально, ни иносказательно не содержат никакого указания на возможность будущего прощения или спасения за счёт какого-либо избавителя. Вот почему, признавая справедливость этого заявления, что мы и делаем в своей философии, мы считаем невозможным преувеличить важность прощения, милосердия и забвения взаимных обид. «Не противься злему» и «воздавай добром за зло» – это буддийские заповеди, и впервые они были проповеданы как раз с учётом неумолимости закона кармы, ибо для человека брать на себя его исполнение было бы в любом случае кощунственной самонадеянностью. Человеческий закон вправе прибегать к ограничительным, но никак не к карательным мерам; а тот человек, который, веря в карму, всё-таки мстит за себя и отказывается прощать любой нанесённый ему вред, и тем воздавать добром за зло – преступник, и лишь вредит самому себе. Ведь карма непременно накажет того, кто причинил вред другому, и тот, кто вместо того, чтобы предоставить наказание Великому Закону, пытается внести свою дополнительную лепту в дело возмездия, лишь подаёт тем самым повод к грядущему вознаграждению своего собственного врага и наказанию для себя самого. Безошибочный «регулятор» в каждом предыдущем воплощении оказывает влияние на качество последующего, и определяет его совокупность заслуг и проступков.

Спрашивающий. Можем ли мы, в таком случае, судить о прошлом человека по его настоящему?

Теософ. Исключительно в том смысле, что его настоящая жизнь такова, какой она должна быть по справедливости, чтобы в ней можно было искупить грехи прошлой жизни. Конечно – за исключением провидцев и великих адептов – мы, простые смертные, не можем узнать, каковы были эти грехи. Недостаток сведений не позволяет нам даже определить, какой была юность того или иного старика; по тем же причинам мы не вправе делать какие-либо окончательные выводы о прошлой жизни человека, судя лишь по тому, что мы видим в его теперешней жизни.

Что такое Карма?

Спрашивающий. Но что же такое карма?

Теософ. Как я уже говорила, мы считаем её первичным законом, источником, началом и причиной всех остальных законов, существующих в природе. Карма – это безошибочный закон, подбирающий следствие любой причине на физическом, ментальном и духовном планах бытия. Поскольку никакая причина – от величайшей до самой малой, от космической катастрофы до движения вашей руки, – не остаётся без следствия, а также поскольку подобное производит подобное, карма – это тот невидимый и неизвестный закон, который мудро, разумно и справедливо сочетает всякое следствие с его причиной, прослеживая её к тому, кто её породил. И хотя сам этот закон непознаваем, мы можем постигать его действие.

Спрашивающий. Тогда она – опять «абсолютное», «непознаваемое» и не имеет особой ценности в качестве объяснения загадок жизни?

Теософ. Совсем напротив. Ведь хотя мы и не знаем, что представляет карма сама по себе и какова её сущность, мы знаем, как она действует, и можем с точностью описать и определить способ её действия. Мы не знаем лишь её первопричины, подобно тому как и современная философия в целом признаёт, что предельная первопричина любой вещи «непознаваема».

Спрашивающий. А что может сказать теософия относительно решения более практических проблем человечества? Как объясняет она ужасные страдания и глубокую нужду, которые царят среди так называемых «низших классов»?

Теософ. Укажу, что согласно нашему учению, все эти великие социальные бедствия – классовые различия в обществе, дискриминация женщин в повседневной жизни, несправедливое распределение труда и капитала – всё это происходит в силу того, что мы кратко, но точно именуем кармой.

Спрашивающий. Но, конечно же, все эти бедствия, которые, похоже, довольно неразборчиво обрушиваются на массы людей, не являются действительно заслуженной и индивидуальной кармой?

Теософ. Нет, их нельзя столь строго определить как последствия, точно демонстрирующие, что каждое индивидуальное окружение и те конкретные условия жизни, в которых оказывается каждый человек, – не более, чем воздающая карма, созданная им самим в прошлой жизни. Мы не должны упускать из виду тот факт, что каждый атом подчиняется общему закону, управляющему тем телом, к которому этот атом принадлежит; и здесь мы встречаемся с более широкими путями закона кармы. Разве вы не понимаете, что совокупная карма отдельных индивидуальностей становится кармой той нации, к которой они принадлежат, и более того, что сумма национальных карм является кармой всего мира? Бедствия, о которых вы говорите, постигают не какого-либо одного человека и даже не одну нацию – они более или менее всеобщие; и в этой-то широкой полосе человеческой взаимозависимости закон кармы и находит своё должное и справедливое проявление.

Спрашивающий. Тогда правильно ли я понял, что закон кармы в своём действии не обязательно индивидуален?

Теософ. Именно это я и имела в виду. Карма не смогла бы восстановить равновесие сил в мировой жизни и мировом прогрессе, не будь у неё широкой и общей линии действия. Теософы считают, что как раз взаимозависимость человечества и послужила причиной возникновения так называемой распределённой кармы, и именно этот закон и позволяет нам разрешить важнейшую проблему коллективного страдания и его облегчения. Более того, есть оккультный закон, согласно которому ни один человек не может подняться над своими личными

слабостями, не возвысив этим, пусть даже и на немного, ту группу, составной частью которой он является. Точно так же никто не может ни грешить, ни страдать от последствий греха в одиночку. Такой вещи, как «отделённость», в реальности вообще нет, и максимальное приближение к этому эгоистическому состоянию, допускаемое законами жизни, достигается лишь в намерениях или мотивах.

Спрашивающий. А нельзя ли каким-либо образом, так сказать, сконцентрировать или собрать воедино распределённую, или национальную, карму с тем, чтобы привести её к естественному и законному разрешению, избежав всех этих затянувшихся страданий?

Теософ. Как правило, и ввиду ограничений, определяющих нашу эпоху, исполнение закона кармы нельзя ни ускорить, ни замедлить. Но я уверена в том, что к точке появления какой-либо из этих возможностей мы пока что никогда не приближались. Выслушайте следующее повествование об одной из стадий страдания целой нации, а затем задайте себе вопрос: могут ли эти бедствия быть в значительной степени смягчены и облегчены в широком масштабе, если признавать действительную силу индивидуальной, относительной и распределённой кармы? То, что я вам сейчас прочту, вышло из-под пера национальной спасительницы – той, которая, преодолев свое «я» и имея полную свободу выбора, решила посвятить свою жизнь служению человечеству, приняв на себя по меньшей мере такую долю национальной кармы, которую вообще в состоянии вынести женские плечи. Вот что она пишет:

«Природа никогда не умолкает – не так ли? Правда, иногда мы так сильно шумим, что заглушаем её голос. Вот почему мы обретаем такое успокоение, выбираясь из города и на время располагаясь в её материнских руках. Я вспоминаю тот вечер в Хэмпстед Хиф, когда мы наблюдали закат солнца; но какую боль и страдание освещали тогда эти прощальные лучи! Вчера одна женщина подарила мне большую корзину полевых цветов. Я подумала, что цветы эти были бы куда нужнее ребятишкам из моей „Ист-эндской семьи“, и потому сегодня утром, захватив их, отправилась в одну очень бедную школу в Уайтчепел. Видели бы вы, какая радость светилась на их бледных личиках! Оттуда я пошла в небольшую столовую, чтобы заплатить там за обеды для некоторых детей. Она уютилась в глухом, узком переулке, кишевшем людьми; кругом разносилось невообразимое зловоние, исходившее от рыбы, мяса и других продуктов, источавших ужасный запах на солнце, которое в Уайтчепеле гноит всё, вместо того, чтобы очищать. Столовая же была средоточием всех этих запахов! Неописуемые пирожки с мясом за пятачок, отвратительные комья „еды“ и тучи мух кругом – настоящий алтарь Вельзевула! Повсюду дети, рыщущие в поисках объедков; один ребенок с ангельским личиком подбирал вишневые косточки – нечего сказать, лёгкая и питательная диета! Возвращаясь домой, я трепетала и вздрагивала всем своим существом. Я мучительно думала о том, можно ли помочь некоторым районам Лондона чем-либо ещё, кроме как землетрясением, которое поглотило бы их и дало возможность начать новую жизнь их обитателям, коих предварительно следует погрузить в очистительные воды какой-нибудь Леты, чтобы у них не осталось ни малейшего воспоминания о своем прошлом! И тут я вспомнила о Хэмпстед Хиф – и задумалась. Если бы с помощью какой-угодно жертвы можно было спасти этих людей, мы не постояли бы за ценой; но всё дело в том, что измениться должны они сами – а как это сделать? В их теперешнем состоянии им не поможет никакая перемена чисто внешних условий; и всё же в этом окружении они будут неуклонно разлагаться. Моё сердце разбивает и это бесконечное, безнадежное их несчастье, и это вырождение до животного состояния, являющееся одновременно и отростком, и своим же корнем. Это

как баньяновое дерево: каждая ветвь сама пускает корни, и от неё берут начало новые побеги. Какая пропасть между этими чувствами и мирной сценой в Хэмпстеде! – и все жё мы, братья и сестры этих несчастных существ, лишь с тем имеем право использовать Хэмпстед Хифы, чтобы набраться сил и спасти Уайтчепелы».

(Подписано именем слишком уважаемым и слишком известным, чтобы давать его на растерзание насмешникам).

Спрашивающий. Это печальное, но прекрасное письмо; и мне кажется, что в нём с мучительной наглядностью продемонстрировано действие того, что вы называете «соотносительной» или «распределённой» кармой. Но увы! насколько я вижу, в ближайшем будущем для этих людей действительно нет никакой надежды на облегчение, за исключением землетрясения или другой столь всеохватывающей катастрофы.

Теософ. Какое право имеем мы так думать, когда другая половина человечества в состоянии немедленно облегчить нужду, от которой страдают их собратья? Когда каждый человек внесет свою лепту во всеобщее дело добра – деньгами ли, своим трудом или возвышенными мыслями – тогда и только тогда будет подведён баланс национальной кармы; а до тех пор мы не имеем ни права, ни основания утверждать, что на Земле больше живых существ, чем способна прокормить Природа. Героическим душам, спасителям человечества и нашей нации, придётся отыскать причину неравномерного давления распределённой кармы и величайшими усилиями восстановить равновесие сил, спасая таким образом людей от нравственной катастрофы, в тысячу раз более опасной и пагубной в своих длительных последствиях, чем катастрофа физическая, в которой вы, как я вижу, усматриваете единственный выход для этих накопившихся страданий.

Спрашивающий. Тогда как же в общем вы опишете этот закон кармы?

Теософ. Мы считаем карму законом исправления, который всегда стремится к восстановлению нарушенного равновесия в физическом мире и утраченной гармонии в мире нравственном. Мы утверждаем, что карма не избирает раз и навсегда тот или иной конкретный способ действия; но она всегда действует так, чтобы в итоге восстанавливать гармонию и поддерживать состояние равновесия, благодаря которому и существует Вселенная.

Спрашивающий. Приведите пример.

Теософ. Более полную иллюстрацию я приведу вам позже. А пока представьте себе пруд. В воду падает камень создаёт волны, нарушающие её спокойствие. Эти волны колеблются взад и вперед до тех пор, пока, вследствие действия того, что физики называют диссипацией (рассеянием энергии), они наконец не утихают, после чего вода вновь возвращается в состояние спокойствия. Точно таким же образом всякое действие на любом плане нарушает гармонию равновесия вселенной, и возникающие вследствие этого вибрации продолжаются, если речь идёт о каком-то ограниченном пространстве, до тех пор, пока не восстановится равновесие. Но поскольку всякое нарушение гармонии берёт начало в какой-то совершенно определённой точке, то становится очевидным, что равновесие и гармония могут быть восстановлены лишь в том случае, если все те силы, которые были из неё запущены в действие, вновь сойдутся в той же самой точке. И в этом вы можете видеть доказательство того, что все последствия дел и мыслей человека должны, вновь вернувшись к нему, воздействовать на него с той же силой, с какой он привел их в движение.

Спрашивающий. Но у этого закона, на мой взгляд, нет никакого нравственного аспекта. Он напоминает мне обычный физический закон, согласно которому действие равно противодействию.

Теософ. Не удивительно, что я слышу это от вас. Европейцы в силу укоренившейся в них привычки считают понятия «истинное» и «ложное», «добро» и «зло» производными от некоего произвольного свода законов, который был либо составлен самими людьми, либо навязан им личностным Богом. Мы же, теософы, говорим о том, что понятия «добро» и «гармония», так же, как «зло» и «дисгармония», являются синонимами. Далее, мы утверждаем, что всякая боль и страдание возникают от недостатка гармонии и что ужасной и единственной причиной нарушения гармонии является эгоизм в той или иной форме. Так что карма возвращает каждому человеку фактические последствия его собственных действий, независимо от того, какой нравственный характер они носили; и поскольку ему за всё воздаётся должным, очевидно, что ему придется искупить все причинённые им страдания, также как и пожать в радости и довольстве плоды того счастья и той гармонии, созданию которых он способствовал. Лучше всего будет, если я процитирую отдельные фрагменты из статей и книг, написанных теми из наших теософов, у которых о карме составилось верное представление.

Спрашивающий. Хорошо бы – ведь, похоже, ваша литература по этому предмету весьма скудна?

Теософ. Потому что это одно из сложнейших наших положений. Недавно появилось следующее возражение, вышедшее из-под пера христианского автора:

«Допустим, что теософическое учение верно и „человек должен стать своим собственным спасителем, должен преодолеть свое “я” и победить зло, коренящееся в его двойственной природе, чтобы достичь освобождения души“. Но что должен делать человек после того, как он уже пробуждён и в какой-то степени отвращен от зла и порока? Как может он достичь освобождения, или прощения, или же смыть зло и грехи, которые он уже совершил?»

В ответ на это м-р Дж. Х. Конелли весьма резонно замечает, что не стоит и надеяться «заставить двигаться локомотив теософии по теологическим рельсам». Вот что он пишет:

«Возможности уклонения от индивидуальной ответственности нет места среди идей теософии. Мы не верим, что есть такая вещь как прощение, или „смывание грехов“, кроме соответствующего наказания за это зло для того, кто его совершил, и восстановления гармонии Вселенной, которая была нарушена этим дурным поступком. Зло было делом рук этого человека, и, тогда как страдать от его последствий вынуждены другие, искупить это зло не сможет никто, кроме него.

Рассмотренное состояние... в котором человек «пробуждается и в какой-то степени отвращается от зла и порока» – это то состояние, в котором человек осознаёт, что дела его злы и заслуживают кары. При таком осознании ему не избежать чувства личной ответственности; именно в той степени, в какой он действительно пробудился и «отвратился от зла», и развивается в нём чувство этой огромной ответственности. И как раз когда оно сильнее всего, ему очень хочется принять доктрину искупления чужих грехов.

Ему говорят, что он тоже должен раскаяться, – но ведь нет ничего проще. Одна из милых слабостей человеческой природы в том и состоит, чтобы сожалеть о своем грехе, когда нас к тому призывают, в особенности если мы сами от него пострадали или, напротив, уже насладились его плодами. Возможно, более пристальный анализ этого чувства покажет нам, что мы сожалеем, как правило, не о самом зле, а о том, что пришлось прибегнуть к нему для достижения своих эгоистических целей.

Но как бы ни была привлекательна для заурядного ума перспектива «сложить груз грехов к подножию креста», она не соблазнит изучающего теософию. Он не может понять, почему грешник, осознав творимое им зло, может быть тем самым освобождён от необходимости искупления своих прежних пороков; почему раскаяние и грядущая праведная жизнь дают ему право на то, чтобы ради него приостановил своё действие вселенский закон связи между причиной и следствием. Результаты его злых дел не исчезли; страдание, которое он причинил другим, не искуплено. Изучающий теософию принимает во внимание и то, как отражается это зло на невинных людях. Он думает не только о грешнике, но и о его жертвах.

Зло – нарушение законов гармонии, управляющих Вселенной, и наказание за него должно пасть на голову самого нарушителя. Христос предупреждал: «Иди и больше не греши, чтобы не случилось с тобой чего худшего», и апостол Павел говорил: «Совершайте сами свое спасение», «Что посеет человек, то и пожнёт». Последнее высказывание, кстати, является превосходной метафорической передачей изречения из Пуран, возникших куда раньше, которое гласит, что «каждый человек пожинает плоды своих собственных действий».

Вот сущность закона кармы, которому учит теософия. Синнетт в своем «Эзотерическом буддизме» именуется карму «законом этической причинности». Перевод «закон воздаяния», принятый мадам Блаватской, лучше передаёт его смысл. Карма – это та сила, которая,

*Загадочно, но справедливо, ведёт нас без ошибок
Тропой незримой от вины к расплате.*

Более того, карма столь же безошибочно и соразмерно вознаграждает добродетель, как и наказывает порок. Карма – это результат всякого действия, мысли, слова и поступка, и ею люди формируют себя, свою жизнь и все её события. Восточная философия отвергает идею о создании новой души для каждого вновь рождающегося ребёнка. Она признаёт существование ограниченного количества монад, эволюционирующих и совершенствующихся в процессе последовательных воплощений во множество личностей. Эти личности являются продуктами кармы, и именно с помощью кармы и перевоплощения человеческая монада со временем вернётся к своему истоку – абсолютному божеству».

Э. Д. Уолкер в своём «Перевоплощении» предлагает следующее объяснение:

«Вкратце доктрина кармы заключается в том, что мы стали такими, каковы мы есть, вследствие наших действий в прошлом и творим нашу грядущую вечность своими теперешними поступками. Нет судьбы, кроме той, которую назначаем мы сами. Нет спасения или проклятия, кроме вызванных нами самими... Поскольку это учение не предоставляет укрытия для совершения преступных действий и требует от человека подлинного мужества, оно менее привлекает слабые натуры, чем обещающие лёгкую жизнь религиозные догмы об искуплении чужой вины, заступничестве, всепрощении и предсмертном раскаянии... В царстве высшей справедливости преступление и наказание неразрывно связаны друг с другом, как одно событие, поскольку между действием и его результатом реальной разницы нет... Именно карма, или наша прежняя деятельность, вновь приводит нас к земной жизни. Обиталище духа меняется соответственно его карме, и эта карма не позволяет долго продолжаться одному

состоянию, поскольку она постоянно меняется. И пока в своих действиях человек руководствуется материальными и эгоистическими побуждениями, последствия этих действий находят своё проявление в новых физических рождениях. Лишь совершенно бескорыстный человек может избежать притяжения материальной жизни. Немногие достигли этого, но именно это – цель человечества».

Затем он цитирует из «Тайной Доктрины»:

«Верящим в карму надлежит верить в такую судьбу, которую от рождения до смерти каждый человек ткёт нить за нитью вокруг себя, как паук свою паутину; и эта судьба направляется либо небесным гласом невидимого прототипа вне нас, или же нашим, более близким, астральным или внутренним человеком, который слишком часто оказывается злым гением воплощённого существа, именуемого человеком. Оба они ведут вперёд внешнего человека, но один из них должен преобладать; и с самого начала невидимого конфликта вступает в действие суровый и неумолимый закон компенсации, точно следуя за колебаниями борьбы. Когда последняя нить соткана, и человек как бы обёрнут в сеть своих деяний, он оказывается всецело во власти им же созданной судьбы... Оккультист или философ не станет говорить о доброте или жестокости провидения; но, отождествляя его с кармой-Немезидой, он будет тем не менее, учить, что она охраняет праведных и блюдёт их в этой и будущих жизнях; и что она наказывает злодея – да, даже до седьмого перевоплощения – до тех пор, пока, наконец, не будет исправлено следствие возмущения, в которое он привел хотя бы малейший атом бесконечного мира гармонии. Ибо только закон кармы – вечный и неизменный закон – есть абсолютная гармония в мире материи, как и в мире духа. Потому это не карма награждает нас или карает, но мы сами награждаем или караем себя, согласно тому, работаем ли мы с природою, в природе и природой, живя по законам, от которых эта гармония зависит, или же нарушаем их. Не были бы пути кармы неисповедимыми, работай люди в единении и гармонии, вместо разъединения и борьбы. Ведь наше неведение этих путей – которые одна часть человечества называет путями провидения, тёмными и запутанными, тогда как другая часть видит в них действие слепого фатализма, а третья просто случайность, за которой нет ни богов, ни чертей – непременно исчезло бы, признай мы истинную причину всего этого... Мы стоим растерянные перед тайною наших собственных деяний и загадками жизни, которые мы не хотим решить, и затем обвиняем великого Сфинкса в пожирании нас. Но, истинно, нет ни одного случая в наших жизнях, ни одного несчастливого дня или бедствия, которых нельзя было бы проследить к нашим собственным поступкам в этой или другой жизни... Закон кармы неразделимо переплетен с законом перевоплощения... Лишь это учение может объяснить нам таинственную проблему добра и зла, примирить человека с видимой ужасной несправедливостью жизни. Ничто, кроме такой уверенности, не может успокоить восстающее чувство справедливости. Ведь когда незнакомый с этой благородной доктриной оглядывается вокруг и наблюдает несправедливость рождения и удачи, разума и возможностей, когда он видит почести, расточаемые дуракам и мотам, коих судьба осыпает своими милостями, благодаря простой привилегии рождения, а его ближайший сосед – заслуживающий гораздо большего во всех отношениях – при всём своём уме и благородстве души погибает от нужды и нехватки сочувствия – когда он видит всё это и вынужден отвернуться, не в силах облегчить это незаслуженное

страдание, а в его ушах звенят крики боли, от которых болит сердце – только благословенное знание о карме не даст ему проклясть жизнь и людей, как и их предполагаемого Создателя... Этот закон ничего и никому не предназначает, сознательно или бессознательно. Он существует от века, воистину, ибо сам он Вечность; а поскольку никакое действие не может быть равно вечности, то нельзя сказать, что он действует, ибо он – само действие. Не волна топит человека, но личное действие несчастного, который намеренно идёт и подвергает себя безличному действию законов, управляющих движением океана. Карма ничего не создаёт и не предначертывает. Это человек закладывает и создаёт причины, а кармический закон лишь подбирает следствия, что не есть действие, а лишь всемирная гармония, вечно стремящаяся восстановить первоначальное состояние, подобно луку, который, будучи слишком туго натянут, отдаёт с соответствующей силой. Если при этом случается вывих руки, пытавшейся вывести его из его естественного положения, то мы скажем, что это лук сломал руку или всё же, что наша собственная глупость принесла нам горе? Карма никогда не стремилась нарушить умственную и личную свободу, подобно богу, выдуманному монотеистами. И нельзя сказать, что она намеренно скрывает в темноте свои веления, чтобы озадачить человека, и наказывает того, кто отважится исследовать её тайны. Напротив, кто исследованием и медитацией раскроет её запутанные пути и прольёт свет на эти темные тропы, в извилинах которых из-за незнания лабиринта жизни погибает столько людей, – тот трудится на благо своих ближних. Карма есть абсолютный и вечный закон в мире проявления; и поскольку может быть лишь один Абсолют, как одна вечная, всегда сущая, Причина, то верящих в карму нельзя считать атеистами или материалистами, и уж тем более – фаталистами, ибо карма едина с Непознаваемым, одним из аспектов которого и является её действие в мире явлений».^[76]

Другой талантливый писатель-теософ (госпожа П. Синнетт, «Назначение теософии») говорит:

«Всякий творит хорошую или плохую карму каждым действием и мыслью своего повседневного существования, в то же время исчерпывая в этой жизни карму, созданную поступками и действиями предыдущей. Видя людей с врождёнными заболеваниями, мы вполне можем предположить, что заболевания эти являются неизбежными следствиями причин, заложенных ими самими в предыдущем рождении. Могут возразить, что поскольку это наследственные недуги, они не имеют ничего общего с прошлым воплощением; но необходимо помнить, что истинный человек, индивидуальность, „Я“, духовно не происходит из той семьи, в которой воплощается, но просто привлекается к ней тем сродством, которое его предшествующий образ жизни собрал вокруг него, образовав тот поток, который понёс его, когда настало время нового рождения, в дом, наиболее подходящий для развития этих склонностей... Это учение о карме, будучи понято должным образом, вполне может помогать людям, осознавшим его истинность, и направлять их в их пути к лучшему и возвышенному образу жизни. Ведь не следует забывать, что не только наши поступки, но и наши мысли непременно влекут за собой огромное количество обстоятельств, могущих изменить к лучшему или к худшему наше собственное будущее и, что ещё важнее, будущее многих наших собратьев. Если бы грехи действия или бездействия имели отношение лишь к совершившему их человеку, то влияние, оказываемое ими на карму

грешника, было бы довольно малозначимым. Тот факт, что каждая мысль и каждый поступок в продолжение всей жизни оказывают соответствующее хорошее или дурное влияние на других членов общечеловеческой семьи, делает строгое чувство справедливости, нравственность и неэгоистичность необходимыми условиями будущего счастья и прогресса. Раз совершённое преступление, злая мысль, посланная умом, уже непоправимы – никакое раскаяние не сможет устранить их грядущих последствий. Раскаяние, если оно искренне, удержит человека от повторения прежних ошибок; но оно не может уберечь ни его, ни других от последствий ошибок уже совершённых, которые неминуемо постигнут его либо в этой жизни, либо в следующем рождении».

М-р Дж. Х. Конелли продолжает:

«Приверженцы религии, основанной на этом учении, хотели бы, чтобы её сопоставили с той, согласно которой судьбу человека навечно определяют события его единственного краткого земного существования, в течение коего он ободряется обещанием, что „как дерево упадет, так оно и ляжет“; существования, в котором самой лучезарной его надеждой, когда он осознает свою порочность, является доктрина искупления чужой вины, и в котором даже на этом пути, согласно пресвитерианскому Исповеданию Веры, для него воздвигнуты препятствия:

«Установлением Божиим, к вящей славе Господней, одним людям и ангелам предназначена жизнь вечная, а другие обречены на вечную погибель.

Эти ангелы и люди, таковым образом предназначенные и обречённые, все подробно и неизменно расчислены; и число их столь точно определено, что не может быть ни уменьшено, ни увеличено... Ибо Господь предназначил избранных для славы... Никто же из прочих, искупленных Христом, воистину не призван, не оправдан, не принят, не освящён и не спасён, как только лишь избранные.

Всех же иных Господь, по неисповедимому намерению своей воли, коей он дарует свою милость и отнимает её, как ему то угодно, для вящего прославления своей царственной власти над тварями своими положил оставить и предать гневу и поношению за грехи их, во славу его чудного суда».

Вот что говорит искусный защитник. Едва ли сможем и мы лучшим образом подвести черту под этой проблемой, чем это сделал он, процитировав замечательную поэму. Как он пишет:

«Изысканная красота изложения учения кармы, сделанного Эдвином Арнольдом в „Свете Азии“, побуждает привести его здесь целиком; но полная цитата слишком длинна. Вот часть её:

*То карма – полнота души, в которой
Все мысли и дела её живут,
И «Я», что времени утком незримым
Душа соткала по основе действий.
Начала не имеет и конца,
Как космос, вечна, и верна, как верность;
Незыблемой божественною силой
Ведет к добру; её законы – вечны.
Все примут сей закон; повержен будет*

*Перечащий ему, и награждён
Слуга: блаженством, миром он оплатит
За тайное добро, за зло же – болью.
Всё видит он и замечает всё.
За дело правое воздаст! За злое —
Возмездье ответственное ждёт,
Хотя и медлит с наказаньем Дхарма.
Не ведает ни гнева, ни прощенья
И мерой безупречной мерит он;
А время для него – ничто: хоть завтра
Осудит он, хоть через много дней.
Таков закон, что к праведности движет
К которому в конце концов придут
Все люди. Суть его – любовь, а цели —
Мир, совершенство. Следуй же ему».*

А теперь я советую вам сравнить наши воззрения на карму, закон воздаяния, с той жестокой и идиотской догмой, которая из «Бога» делает бесчувственного демона, и согласно которой лишь «избранные» будут спасены, а остальные обречены на вечную погибель, и после сказать, не являются ли они более философскими и справедливыми.

Спрашивающий. Да, в общих чертах я понял, что вы имеете в виду; но не могли бы вы привести конкретный пример действия кармы?

Теософ. Этого я сделать не могу. Как я сказала, мы лишь можем быть уверены в том, что наша теперешняя жизнь и её обстоятельства являются прямыми результатами наших поступков и мыслей в жизнях прошлых. Но мы, не будучи ни провидцами, ни посвящёнными, не можем ничего знать о подробностях действия кармы.

Спрашивающий. А может ли кто-нибудь, даже адепт или пророк, проследить кармический процесс восстановления гармонии в деталях?

Теософ. Конечно; «те, кто знают» могут сделать это, применив те силы, которые в скрытом виде есть во всех людях.

Кто они – Знающие?

Спрашивающий. Как в нас, так и во всех остальных?

Теософ. Одинаково. Как мы уже говорили, способность видения ограничена у всех, за исключением тех, кто достиг в нынешнем воплощении вершины развития духовного зрения и ясновидения. Нам надо лишь понять, что если бы с нами должно было обстоять иначе, то так бы оно и было – мы таковы, какими сами себя создали, и имеем лишь то, что заслужили.

Спрашивающий. Боюсь, что такое представление только озлобит нас.

Теософ. А я убеждена как раз в обратном. Именно неверие в справедливый закон воздаяния пробуждает в человеке все бунтарские стремления. Ребёнка, как и взрослого, куда больше возмущает наказание или даже упрёк, если он считает его незаслуженным, чем гораздо более суровая кара, если он чувствует, что действительно её заслужил. Вера в карму – высшее основание для того, чтобы примириться со своим уделом в этой жизни, и сильнейший стимул к усилиям, направленным на лучшее следующее рождение. Но мы лишимся и того, и другого, стоит нам прийти к мысли, что наш удел был следствием чего-либо ещё, помимо строгого закона, и что наша судьба находится в чьих-то чужих, а не в наших собственных руках.

Спрашивающий. Вы утверждаете, что эта теория реинкарнации по закону кармы близка нашему разуму, стремлению к справедливости и нравственному чувству. Но не происходит ли это за счет принесения в жертву более милосердных качеств – сострадания и жалости – и огрубления утончённых стремлений, присущих человеческой природе?

Теософ. Так лишь кажется, но в действительности это не так. Никто не может получить больше или меньше заслуженного без проявления несправедливости или пристрастности в отношении других; и закон, действие которого могло бы быть отвергнуто силой сострадания, принёс бы гораздо больше горя, чем счастья, больше раздражения и проклятий, чем благодарностей. Не забывайте также, что мы не управляем законом, творя причины для его следствий; он сам себе господин; и что наилучшие условия для проявления справедливого сострадания и милосердия демонстрирует нам состояние дэвачана.^[171]

Спрашивающий. Вы говорите об адептах, как об исключениях из правила нашего всеобщего невежества. Они действительно знают больше нас о реинкарнации и посмертных состояниях?

Теософ. Они действительно это знают. Упражня способности, которыми все мы обладаем, но которые лишь им удалось развить в совершенстве, они в духе достигли всех этих различных планов и состояний, обсуждавшихся нами. Долгие века одно за другим поколения адептов изучали тайны бытия, жизни, смерти и перерождения, и каждый из них в свою очередь сообщал часть узанных им фактов.

Спрашивающий. Так что же, делать из людей адептов – это и есть цель теософии?

Теософ. Теософия рассматривает человечество как эманацию божественности, находящуюся на пути возвращения к своему истоку. Достаточно продвинувшись на этом пути, адептами становятся те, кто посвятил достижению этого несколько воплощений. Ведь нужно помнить, что ни один человек не стал ещё адептом Тайных Наук за одну жизнь; ибо многие воплощения требуются для этого уже после того, как человек сознательно задался такой целью и начал требуемую подготовку. У нас в Теософическом Обществе может оказаться много людей, которые уже начали трудное восхождение к просветлению много воплощений назад, но из-за личностных иллюзий своей нынешней жизни либо пребывают в неведении относительно этого, либо находятся на пути к тому, чтобы потерять всякую возможности дальнейшего продвижения в этом воплощении. Они испытывают неодолимое стремление к оккультизму и «высшей жизни»; и всё же они чересчур личностны и эгоцентричны, слишком любят они обманчивые

обольщения земной жизни и призрачные мирские радости, чтобы от них отказаться; так они теряют эту возможность в своём нынешнем рождении. Но для обычных людей, для исполнения практических обязанностей повседневной жизни столь отдаленный результат не годится ни в качестве цели, ни как побудительный мотив.

Спрашивающий. Чем же они руководствуются и какую цель преследуют, вступая в Теософическое Общество?

Теософ. Многие интересуются нашим учением и интуитивно чувствуют, что оно более истинно, чем любая из догматических религий. Другие же твёрдо решили достичь высшего идеала человеческого долга.

Разница между Верой и Знанием, или Вера слепая и разумная

Спрашивающий. Вы говорите, что они признают теософическое учение и верят в него. Но, поскольку они не принадлежат к числу вышеупомянутых адептов, они вынуждены принимать ваши учения на веру. В чём же тогда теософия отличается от обычных религий?

Теософ. Как она отличается почти по всем прочим пунктам, так и здесь. То, что вы называете «верой» и что действительно является слепой верой в догмах христианских религий, у нас становится знанием, логическим следствием того, что мы знаем о фактах Природы. Ваши доктрины основаны на толкованиях, следовательно – лишь на полученных из вторых рук свидетельствах провидцев, наши же – на незыблемых и неизменных свидетельствах самих провидцев. Например, обычная христианская теология учит, что человек создан Богом и состоит из трех важных для его цельности составляющих – тела, души и духа, и все они, в грубой ли форме физического земного существования или преображённые после воскрешения, вечно необходимы, чтобы составлять человека. Таким образом, каждый человек постоянно существует отдельно как от других людей, так и от Божественного. Теософия, напротив, считает, что человек – эманация Непознаваемой, но в то же время вечной и бесконечной Божественной Сущности, его тело и всё остальное – не вечно, а потому иллюзорно; один лишь Дух в нём остаётся, и даже он теряет свою отдельную индивидуальность в момент полного воссоединения с Мировым Духом.

Спрашивающий. Если мы теряем даже нашу индивидуальность, тогда это становится просто уничтожением.

Теософ. А я утверждаю, что нет, поскольку говорю об отдельной, а не мировой индивидуальности. Последняя подобна части, ставшей целым; капля не испаряется, а становится океаном. Уничтожается ли физический человек, превращаясь из зародыша в старика? Какая же сатанинская гордыня должна у нас быть, если мы ставим наше отдельное сознание, нашу бесконечно малую индивидуальность выше мирового и бесконечного сознания!

Спрашивающий. Тогда выходит, что фактически никакого человека нет, а всё есть Дух?

Теософ. Вы ошибаетесь. Из этого следует, что союз духа с материей лишь временный, или, если выразиться яснее, поскольку дух и материя едины, будучи двумя противоположными полюсами универсальной проявленной субстанции, дух теряет право так называться до тех пор, пока самая мельчайшая частичка и атом его проявляющейся субстанции ещё цепляется за какую-либо форму, за результат дифференциации. Полагать иначе – вот слепая вера.

Спрашивающий. То есть, это на основании знания, а не веры, вы утверждаете, что постоянный принцип, Дух, просто временно путешествует через материю?

Теософ. Я бы выразила это иначе – мы утверждаем, что явление вечного и единого принципа, Духа, в виде материи – преходяще, и потому не более, чем иллюзия.

Спрашивающий. Замечательно, и это заявляется на основании знания, а не веры?

Теософ. Именно так. Но поскольку я прекрасно вижу, к чему вы клоните, я также должна вам сказать, что веру, подобную той, какую вы защищаете, мы считаем умственным расстройством, а настоящей верой, пистис греков, считаем лишь ту, что основана на знании – подкреплена свидетельством чувств физических или духовных.

Спрашивающий. Что вы имеете в виду?

Теософ. Я имею в виду, что если именно разницу между ними вы хотите узнать, то я могу сказать, что между верой, основанной на авторитете и верой, основанной на собственной духовной интуиции, есть огромная разница.

Спрашивающий. В чём же она?

Теософ. Одна – человеческое легковерие и предрассудок, другая – убежденность и интуиция. Как пишет профессор Александр Уайлдер в своём «Введении в Элевсинские мистерии», «Именно невежество ведет к профанации. Люди высмеивают то, что не могут верно понять... Подводное течение этого мира направлено к одной цели; и в человеческом доверии... скрыта сила почти бесконечная, святая вера, способная постичь самые высшие истины всего бытия». Те, кто ограничивает эту «доверие» лишь человеческими догмами, устанавливаемыми авторитетом, никогда не доберутся до этой силы и не ощутят её в своей природе. Их вера крепко привязана внешнему плану и не может извлечь и пустить в действие движущую её суть, поскольку чтобы сделать это, им нужно заявить своё право на собственное суждение, на что они никогда не решатся.

Спрашивающий. И именно эта «интуиция» заставляет вас отвергать Бога, как личного Отца, Правителя и Владыку Вселенной?

Теософ. Именно она. Мы верим в вечный непознаваемый принцип, потому что лишь слепое заблуждение может заставить кого-либо утверждать, что Вселенная, мыслящий человек и все чудеса, существующие даже в мире материи, могли возникнуть без каких-то разумных сил, которые могли бы столь мудро устроить и расположить все её части. Природа может ошибаться, и часто ошибается, в своих деталях и внешних материальных проявлениях, но никогда – в своих внутренних причинах и результатах. Древние язычники придерживались куда более философских воззрений на этот вопрос, чем современные философы, будь то агностики, материалисты или христиане, и ни один языческий автор не выдвинул предположения, что жестокость и милосердие не являются чувствами, имеющими предел, и потому могут быть сделаны атрибутами беспредельного Бога. Их боги, потому, все были конечными. Сиамский автор «Колеса Закона» выражает ту же идею о вашем личностном боге, как и мы. Он говорит:

«Буддист мог бы верить в существование бога, более возвышенного, чем могут определить все человеческие качества и свойства – совершенного бога, превыше любви, ненависти и ревности, мирно покоящегося в тишине, которую ничто не может нарушить, и о таком боге он говорил бы без пренебрежения – не из желания угодить ему или боязни оскорбить его, но из естественного почтения; но он не может понять бога с людскими качествами и признаками, который любит, ненавидит и гневается; такое божество, как описывается христианами миссионерами, мусульманами, брахманами^[78] или иудеями, окажется даже ниже стандарта просто обычного хорошего человека».^[79]

Спрашивающий. Разве вера христианина, который в своей христианской беспомощности и смирении верит, что есть милосердный Отец Небесный, который уберёжет его от искушения, поможет ему в жизни и простит ему проступки, не лучше, чем холодная и гордая, почти фаталистическая вера буддистов, ведантистов и теософов?

Теософ. Называйте наши убеждения «верой», если хотите. Но раз уж мы вернулись к этому вечно повторяющемуся вопросу, я, в свою очередь, тоже спрошу: не лучше ли вера, основанная на строгой логике и разуме, чем та, что основана просто на человеческом авторитете или поклонении героям? Наша «вера» имеет всю логическую силу арифметического трюизма, что 2 плюс 2 равняется 4. Ваша вера похожа на логику некоторых эмоциональных женщин, о которых Тургенев сказал, что для них 2 плюс 2 обычно 5 и стеариновая свечка в придачу. Вдобавок к этому, ваша вера противоречит не только с любыми мыслимыми представлениями о справедливости и логике, но и, если проанализировать, ведет человека к нравственной гибели, препятствует прогрессу человечества, и положительно утверждает принцип «кто

сильнее – тот прав», превращая каждого второго в Каина для своего брата Авеля.

Спрашивающий. На что это вы намекаете?

Есть ли у Бога право прощать?

Теософ. На доктрину искупления – на ту опасную догму, в которую вы верите и которая учит, что, как бы ни были велики наши преступления перед законом божьим и человеческим, мы должны лишь верить в самопожертвование Иисуса для спасения всего человечества, и его кровь смывает с нас все грехи. Вот уже двадцать лет как я выступаю против неё, и сейчас я хотела бы привлечь ваше внимание к абзацу из «Разоблаченной Изида», написанному в 1875 году. Вот что провозглашает христианство и вот против чего мы восстаём:

«Милость Божья безгранична и неизмерима. Невозможно представить себе такой страшный человеческий грех, которого цена, уплаченная вперёд за спасение грешника, не изгладит бы, будь он в тысячу раз ужасней. И, более того, никогда не поздно раскаяться. Пусть даже преступник ожидал последней минуты последнего часа последнего дня своей земной жизни, чтобы побелевшими губами прочесть исповедание веры – он всё равно может попасть в рай: умирающий разбойник сделал это, и его примеру могут последовать все, кто столь же порочен. Таково учение Церкви и духовенства, самонадеянно вбиваемое в головы ваших соотечественников самыми популярными проповедниками Англии, прямо в „свете XIX столетия“, этого наиболее парадоксального из всех веков. Ну, и к чему же это ведет?»

Спрашивающий. Разве это не делает христиан счастливее, чем буддистов и индуистов?

Теософ. Нет; во всяком случае, не людей образованных, поскольку большинство из них уже давно фактически разуверилось в этой жестокой догме. Но тех, кто до сих пор в неё верит, она может привести к любому мыслимому преступлению легче, чем кого-либо другого. Позвольте мне привести вам ещё одну цитату из «Изиды»:

«Если мы выйдем за пределы узкого кружка вероисповедания и будем рассматривать вселенную, как целое, уравновешенное изысканным приспособлением частей, – как вся здравая логика, как самое малое, чуть брезжащее чувство справедливости восстаёт против такого искупления чужой вины! Если бы преступник согрешил лишь против самого себя и не причинил бы зла никому другому, как только себе; если бы искренним раскаянием он мог стереть прошлые деяния – не только из памяти людей, но и из тех неразрушимых записей, которые ни одно божество – даже высочайшее из высочайших – не может заставить исчезнуть, тогда эту догму можно было бы понять. Но утверждать, что можно причинять зло своему собрату, убивать, нарушать равновесие общества и естественный порядок вещей, и затем – из трусости, надежды или по принуждению, не имеет значения – получить прощение через веру, что пролитие одной крови смывает другую пролитую кровь, – это нелепость! Могут ли результаты преступления быть удалены, если бы даже само преступление было прощено? Следствия причины никогда не бывают ограничены пределами этой причины; и результаты преступления не могут быть ограничены лишь тем, что касается только преступника и его жертвы. Каждое доброе, как и каждое злое деяние имеет свои последствия, столь же осязаемые, как при падении камня в спокойную воду. Это уподобление избито, но оно самое лучшее, какое только можно придумать, поэтому будем им пользоваться. Расходящиеся по воде круги бывают больше или меньше, в зависимости от размеров камня, но даже мельчайший камешек, даже малейшая пылинка, вызывает в ней рябь. И нарушение это – не только видимое и на

поверхности. Внизу, невидимо, по всем направлениям – вовне и вниз – капля толкает каплю, пока эта сила не коснется краёв и дна. Более того, воздух над водой приводится в движение, и это нарушение переходит, как говорят нам физики, от слоя к слою в пространство на веки вечные; материи был дан импульс, и он никогда не теряется, никогда не может быть отозван!...

Как с преступлением, так же и с его противоположностью. Действие может быть мгновенным, последствия же его вечны. Когда, после того как камень был брошен в пруд, мы сможем вернуть его в руку, откатить обратно круги, уничтожить потраченную силу, привести эфирные волны обратно в их прежнее состояние небытия и настолько смести всякий след бросания этого предмета, что даже летописи Времени не покажут, что это когда-либо совершалось, – вот тогда мы можем терпеливо выслушать доводы христиан о действительности такого искупления». ^[80]

И перестать верить в закон кармы. Но покамест мы призываем весь мир решить, какое из двух учений в большей степени ценит божественную справедливость, и какое более разумно – хотя бы согласно простой человеческой очевидности и логике.

Спрашивающий. И все же миллионы верят в христианские догмы – и счастливы.

Теософ. Благодаря тому, что простой сентиментализм парализует их умственные способности, на что ни один истинный альтруист и филантроп никогда бы не согласился. Это даже не мечтательное эгоистическое сновидение, а кошмар человеческого интеллекта. Подумайте, куда он может привести, и назовите мне такую языческую страну, в которой преступления так легко совершаются и столь многочисленны, как в христианских государствах. Взгляните на длинные и ужасные ежегодные отчеты о преступлениях в Европе; посмотрите на протестантскую и библейскую Америку. Там случаи обращения в тюрьмах куда более многочисленны, чем на религиозных вечерах и проповедях. «Взгляните, каков бухгалтерский баланс христианской справедливости (!). С одной стороны – убийцы с руками по локоть в крови, подстрекаемые демонами похоти, мщениия, алчности, фанатизма или же просто звериной кровожадностью, которые в большинстве случаев не дают своим жертвам даже времени раскаяться перед смертью или призвать Христа. С другой – эти жертвы, которые, конечно, умерли грешными и – если уж следовать до конца теологической логике – получили по заслугам за свои большие или меньшие проступки. Ну, а убийца, попавший в руки людского правосудия, заключён в тюрьму, оплакан сентиментальными людьми, и в то время как они молятся с ним и за него, он произносит волшебные слова обращения и отправляется на виселицу искупленным сыном Иисуса! Если бы он никого не убил, то за него бы не молились, он не был бы искуплен и прощён. Славно же он поступил, совершив убийство, раз такой ценой обрел для себя вечное блаженство! Ну, а как же жертва, её (или его) семья, родственники, иждивенцы, социальные связи – им справедливость ничем не воздаст? Должны ли они страдать на том и этом свете, в то время как убийца сидит возле „святого разбойника“ с Голгофы и благословен навечно? По этому вопросу духовенство хранит благоразумное молчание» ^[81]. И теперь вы знаете, почему теософы – чьим основным убеждением и надеждой является всеобщая справедливость, как в раю, так и на земле, а также существование кармы – отвергают эту догму.

Спрашивающий. Значит, конечным назначением человека является не попадание в рай, в котором царит Бог, а постепенное преобразование материи в её первоэлемент – дух?

Теософ. Именно к этой цели стремится всё в Природе.

Спрашивающий. Не рассматривают ли некоторые из вас этот союз, то есть «падение духа в материю», как зло, а новое воплощение – как несчастье?

Теософ. Некоторые так и полагают, а потому стремятся сократить период своего испытания

на земле. Но это «падение» нельзя назвать чистым злом, поскольку оно обеспечивает нам опыт, который ведет нас к знанию и мудрости. Я имею в виду тот опыт, который учит нас, что потребности нашей духовной природы не удовлетворит никакое счастье, кроме счастья духовного. Пока мы в этом теле, мы подвержены боли, страданию и всем тем неприятностям, которые случаются в жизни. Вот почему – а также чтобы смягчить эту боль – мы в конце концов обретаем знание, которое только и может принести нам облегчение и надежду на лучшее будущее.

XII. Что такое практическая теософия?

Спрашивающий. Почему же существует необходимость новых рождений, если ни одно из них не в состоянии обеспечить нам постоянного покоя?

Теософ. Потому что конечная цель может быть достигнута только через жизненный опыт и никак иначе, и потому что опыт этот состоит большей частью в страдании и боли. Лишь через это можем мы учиться. Радости и наслаждения ничему нас не учат; они мимолётны и в конце концов могут лишь привести к пресыщению. Более того, наша постоянная неудача при попытках найти в жизни сколь-нибудь постоянное удовлетворение, которое бы отвечало потребностям нашей высшей природы, прямо указывает на то, что они могут быть удовлетворены лишь на их собственном плане, а именно – на плане духовном.

Спрашивающий. Не является ли естественным результатом этого желание тем или иным образом уйти из жизни?

Теософ. Если под этим желанием вы подразумеваете самоубийство, то я отвечу, что безусловно, нет. Такой результат никогда не может быть «естественным»; он всегда вызван либо умственным расстройством, либо твёрдыми и упорными материалистическими убеждениями. Самоубийство – худшее из преступлений, и последствия его ужасны. Но если вы имеете в виду лишь стремление достичь духовного существования, а не желание покинуть землю, то его я назвала бы совершенно естественным. В противном случае добровольная смерть была бы оставлением нашего нынешнего поста и возложенных на нас обязанностей, а также попыткой избежать кармической ответственности, которая влечёт за собой создание новой кармы.

Спрашивающий. Но если действия на материальном плане не приносят удовлетворения, то почему нужно исполнять свой долг и совершать их?

Теософ. Прежде всего потому что, как учит наша философия, исполнение наших обязанностей – в первую очередь по отношению ко всем людям и уж затем в отношении самих себя – имеет целью достижение не своего личного счастья, а счастья других людей, и что справедливость должна осуществляться ради самой правды, а не ради того, что она может дать лично нам. Счастье или, скорее, удовлетворение, действительно может наступить вследствие исполнения долга, но оно – не мотив для его исполнения, и не должно быть таковым.

Спрашивающий. Что именно вы понимаете под словом «долг» в теософии? Это, вероятно, не христианский долг, который проповедовал Иисус и его апостолы, ведь вы их не признаёте?

Теософ. Вы опять ошибаетесь. То, что вы называете «долгом христианина», прививалось каждым великим религиозным и нравственным реформатором за века до христианской эры. В древности обо всём великом, возвышенном, героическом не только говорилось и проповедовалось с кафедр, как в наше время, – это претворялось в жизнь, и иногда даже целыми народами. История буддийской реформы полна благороднейших и героически самоотверженных поступков. Заповедь: «Быть едиными в сострадании друг к другу; любить как братья, быть милосердными, быть учтивыми, не воздавая злом за зло и не отвечая бранью на брань, но напротив – благословляя» – практически выполнялась последователями Будды за несколько веков до апостола Петра. Этика христианства, вне всяких сомнений, возвышенна; но также несомненно и то, что она не нова и берёт своё начало от «долга языческого».

Спрашивающий. И как бы вы в общем определили эти «обязанности», или «долг»? Как вы их понимаете?

Теософ. Долг, или обязанность, – это то, что мы должны человечеству – нашим товарищам, соседям, семье, и, в особенности, всем тем, кто беднее и беспомощнее нас. Оставаясь неоплаченным в течение жизни, он делает нас духовными должниками и нравственными

банкротами в нашем следующем воплощении. Теософия – это квинтэссенция долга.

Спрашивающий. Таково и христианство, когда оно правильно понято и проводится на практике.

Теософ. Вне всякого сомнения; но не практикуйся оно лишь на словах, теософии почти нечего было бы делать среди христиан. К несчастью, это этика лишь на словах. Тех, кто исполняет свой долг по отношению ко всем людям, и исполняет его исключительно ради самого долга, – единицы; еще меньше тех, кто исполняет свой долг, довольствуясь радостью своего собственного тайного сознания.

*Публичный глас похвал,
Что добродетель чтит и награждает, –*

вот что ставят превыше всего «всемирно известные» филантропы. Современная этика прекрасна, когда читаешь и слышишь разговоры о ней, но что такое слова, если они не становятся делами? Итак, если вы спрашиваете меня о том, как мы понимаем долг теософа – практически и с учётом кармы, – я отвечу вам: наш долг состоит в том, чтобы безропотно, до последней капли пить чашу жизни, что бы она ни хранила в себе; срывать розы жизни лишь для того, чтобы их благоуханием могли насладиться другие, самим же довольствоваться лишь шипами, если им нельзя насладиться, не лишив этого аромата кого-либо другого.

Спрашивающий. Всё это весьма туманно. Что же вы делаете сверх того, что делают христиане?

Теософ. Дело не в том, что делаем мы, члены Теософического Общества – хотя некоторые из нас стараются сделать всё возможное – а в том, насколько дальше теософия ведет к добру, чем современное христианство. Я говорю: действие, энергичное действие, вместо простых намерений и разговоров. Человек может быть таким, каким ему угодно, самым что ни на есть земным, эгоистичным и жестокосердным, даже отъявленным мошенником, и это не мешает ему называть себя христианином и другим считать его таковым. Но ни один теософ не имеет права называться теософом, если он в полной мере не усвоит правоту трюизма Карлайла^[82]: «Целью человека является действие, но не мысль, какой бы благородной она ни была», – и если он не приведет свою ежедневную жизнь в соответствие с этой истиной. Исповедание истины ещё не означает жизнь по ней; и чем прекраснее и великолепнее эта истина звучит, чем громче говорится о добродетели и долге вместо практики их в жизни, – тем сильнее она будет напоминать плод Мёртвого моря. Лицемерие – один из самых отвратительных пороков, и он является самой характерной чертой величайшей протестантской страны нашего столетия – Англии.

Спрашивающий. Что вы считаете долгом по отношению ко всему человечеству?

Теософ. Полное признание равных прав и привилегий для всех, без различия расы, цвета кожи, социального положения или происхождения.

Спрашивающий. Когда, по вашему мнению, этот долг не исполняется?

Теософ. Когда совершается малейшее посягательство на права другого – будь то человек или народ; когда мы хоть в какой-то степени неспособны проявить к нему ту же справедливость, доброту, внимание и милосердие, каких желаем для себя. Вся нынешняя политическая система построена на забвении этих прав и на самом яростном утверждении национального эгоизма. Французы говорят: «Каков хозяин, таков и слуга»; им следовало бы добавить: «Какова национальная политика, таковы и граждане».

Спрашивающий. Принимаете ли вы какое-нибудь участие в политике?

Теософ. Как общество, мы тщательно избегаем этого, и вот по каким причинам. Стремиться к успешному осуществлению политических реформ, прежде чем совершена реформа человеческой природы, – это то же самое, что вливать новое вино в старые мехи. Заставьте людей признать и почувствовать всем сердцем, в чём состоит их настоящий, истинный долг по отношению ко всем людям, – и все злоупотребления властью, все несправедливые законы национальной политики, основанные на человеческом, общественном или политическом эгоизме, исчезнут сами по себе. Глуп тот садовник, который пытается избавить свою цветочную клумбу от ядовитых растений, срезая их с поверхности земли вместо того, чтобы вырвать с корнем. Нельзя осуществить ни одной долговечной политической реформы, пока дела вершат, как и прежде, всё те же эгоистичные люди.

Отношение теософического общества к политическим реформам

Спрашивающий. Значит, Теософическое Общество не является политической организацией?

Теософ. Конечно, нет. Оно в самом высоком смысле интернационально, поскольку в числе его членов – мужчины и женщины всех рас, вероисповеданий и образа мыслей, вместе работающие для одной цели – улучшения человечества; но как общество оно не принимает абсолютно никакого участия ни в национальной, ни в партийной политике.

Спрашивающий. Почему же?

Теософ. Как раз по упомянутым причинам. Кроме того, политическая деятельность должна неизбежно меняться в зависимости от конкретных обстоятельств и индивидуального умственного склада разных людей. Хотя, как это следует из самого их положения, члены Теософического Общества и согласны в своих взглядах на принципы теософии (иначе бы они вообще не принадлежали к нему), это вовсе не значит, что они согласны по всем другим вопросам. Как общество, они могут вместе действовать в том, что является общим для всех них, то есть в том, что касается самой Теософии; как индивидуумы, они вольны следовать своим собственным принципам политического мышления и деятельности в той мере, в какой это не противоречит теософическим принципам или не вредит Теософическому Обществу.

Спрашивающий. Но, конечно же, Теософическое Общество не может находиться совершенно в стороне от социальных вопросов, которые сейчас столь быстро выходят на передний план?

Теософ. Сами принципы Теософического Общества служат доказательством того, что оно – или, скорее, большинство его членов – конечно же, не стоит от них в стороне. Если человечество может развиваться умственно и духовно, лишь следуя здравым и научным физиологическим законам, то долгом всех тех, кто борется за его развитие, будет делать все возможное, чтобы эти принципы стали общепринятыми. Все теософы лишь с глубокой грустью сознают, что социальное положение огромных масс людей, в особенности в западных странах, делает невозможным надлежащее воспитание их тела и духа, чем пресекается развитие и того, и другого. А так как это воспитание и развитие является одной из основных целей теософии, Теософическое Общество полностью симпатизирует всем истинным усилиям в этом направлении.

Спрашивающий. Но что вы имеете в виду под «истинными усилиями»? У каждого общественного реформатора – своя собственная панацея, и каждый верит, что именно она и является той одной-единственной вещью, которая может улучшить и спасти человечество.

Теософ. Совершенно верно, и это истинная причина того, почему работа, проводимая в социальной сфере, имеет такие незначительные результаты. На самом деле у большинства этих панацей нет ведущего принципа, и уж конечно, нет ни одного принципа, который бы все их связывал. Таким образом, ценное время и энергия тратятся зря, поскольку люди, вместо того, чтобы сотрудничать, борются друг с другом, и часто – и этого следует опасаться – из-за славы и наград, а не ради того великого дела, которому, по их собственному утверждению, они преданы всем сердцем и которое должно быть главным делом их жизни.

Спрашивающий. Как же тогда применить теософические принципы к продвижению общественной кооперации и истинным усилиям по усовершенствованию общества?

Теософ. Позвольте мне вкратце напомнить вам, что это за принципы: всеобщие единство и причинность; человеческая солидарность; закон кармы; перевоплощение. Вот четыре звена той золотой цепи, которая должна соединить человечество в одну семью, одно мировое Братство.

Спрашивающий. Но как?

Теософ. При теперешнем состоянии общества, особенно в так называемых цивилизованных странах, мы постоянно сталкиваемся с тем, что огромное число людей страдает от невзгод, бедности и болезней. Их физическое состояние несчастно, а их умственные и духовные способности зачастую находятся почти в спящем состоянии. С другой стороны, множество людей на противоположном конце социальной лестницы ведут жизнь беззаботную, равнодушную, полную материальной роскоши и эгоистического потворства своим желаниям. Ни одна из этих форм существования не является простой случайностью. Обе они – следствие тех условий, которые окружают людей и определяют их поведение, и пренебрежение своим общественным долгом одних самым тесным образом связано с задержкой и остановкой развития других. В социологии, как и во всех разделах подлинной науки, в полной мере выполняется закон всеобщей причинности. Но эта причинность обязательно предполагает в качестве логического следствия ту человеческую солидарность, на которой так сильно настаивает теософия. Если действие одного влияет на жизни всех, а это поистине научная идея, то только тогда, когда все люди станут братьями и сёстрами и станут практиковать в своей повседневной жизни истинно братские и сестринские отношения – только тогда может быть достигнута подлинная человеческая солидарность, лежащая в основе подъёма человечества. Это действие и взаимодействие, это истинное братство и сестринство, в котором каждый будет жить для всех и все – для каждого, и является одним из фундаментальных принципов теософии, которому каждый теософ не только должен учить других, но который ему надлежит выполнять и в своей личной жизни.

Спрашивающий. Всё это очень хорошо в качестве общего принципа, но как вы собираетесь применять это конкретно?

Теософ. Бросьте взгляд на то, что вы назвали бы конкретными фактами, имеющими место в человеческом обществе. Сопоставьте жизнь не только народных масс, но и множества тех, кого называют средним и высшим классом, с тем, чем они могли бы быть в более здоровых и благородных условиях, где преобладали бы справедливость, доброжелательность и любовь, а не эгоизм, равнодушие и жестокость, которые, похоже, слишком часто господствуют сейчас. Всё доброе и злое в человечестве коренится в человеческом характере, а характер этот раньше был, да и теперь обусловлен бесконечной цепью причин и следствий. Но приложимо это и к будущему, также как к прошлому и настоящему. Эгоизм, равнодушие и зверство не могут быть нормальным состоянием расы; считать по-другому – значит отчаяться в человечестве, чего не может позволить себе ни один теософ. Прогресс может быть достигнут только через развитие более благородных качеств, и никак иначе. А настоящая эволюция учит нас, что, изменяя окружающую среду, в которой находится организм, мы можем изменить и улучшить его; и в самом строгом смысле это истинно и в отношении человека. Потому каждый теософ, используя все доступные ему средства, должен делать всё возможное, чтобы оказать помощь всякому мудрому и хорошо продуманному социальному усилию, задачей которого является улучшение положения бедных. И усилия эти должны совершаться так, чтобы в конечном счёте вести к их социальному освобождению и развитию чувства долга в тех, кто сейчас так часто пренебрегает им почти во всех ситуациях жизни.

Спрашивающий. Согласен. Но кто будет решать, являются ли те или иные социальные усилия мудрыми или нет?

Теософ. Ни один человек и ни одно общество не могут установить в этом отношении твёрдого правила. Многое неизбежно придется оставить на личное усмотрение. Можно указать, тем не менее, один общий критерий: «Будет ли предлагаемое действие способствовать развитию того истинного братства, осуществление которого и является целью теософии?» У истинного

теософа не будет больших затруднений в применении подобного критерия; и если это требование, по его мнению, удовлетворяется, то его долг будет состоять в формировании общественного мнения. А этого можно добиться лишь путём распространения тех высоких и благородных понятий об общественном и личном долге, которые лежат в основе и духовного, и материального совершенствования. В любом мыслимом случае он сам должен быть центром духовного действия, и от него и его собственной повседневной жизни должны исходить те высшие духовные силы, которые одни только и могут возродить его собратьев.

Спрашивающий. Но почему он должен это делать? Разве ни он, ни все остальные не обусловлены, как вы учите, своей кармой, и разве её осуществление не должно идти по определённым направлениям?

Теософ. Именно закон кармы и придаёт силу всему тому, что я сказала. Ни индивидуум не может отделить себя от человечества, ни оно – отделиться от индивидуума. Закон кармы равно приложим ко всем, хотя и не все развиты одинаково. Помогая развитию других, теософ верит, что он не только помогает им исполнять их карму, но также, в самом строгом смысле, исполняет и свою собственную. Развитие человечества, составной частью которого является и он сам, и все остальные, – вот что он постоянно имеет в виду; и он знает, что его неспособность отозваться на высшее в нём самом тормозит продвижение не только его, но и всех остальных. Своими действиями он может как облегчить, так и затруднить для всего человечества достижение следующего, высшего плана бытия.

Спрашивающий. А как это связано с четвёртым из упомянутых вами принципов, а именно – с перевоплощением?

Теософ. Связь самая тесная. Если наша нынешняя жизнь зависит от развития определённых принципов, являющихся ростками тех семян, которые посеяны нашим предыдущим существованием, то закон этот столь же строго соблюдается и в отношении будущего. Стоит усвоить идею о том, что всеобщая причинность – это не только настоящее, но прошлое, настоящее и будущее, и тогда каждое действие на нашем нынешнем плане естественно и легко займёт своё настоящее место и будет видно в его истинном соотношении и с нами, и с другими людьми. Каждое неблагоприятное и эгоистичное действие отбрасывает нас назад, тогда как каждый благородный помысел и каждый бескорыстный поступок есть средство достижения высших и более величественных планов бытия. Если бы этой жизнью всё и ограничивалось, то во многих отношениях она и вправду была бы совершенно убогой и ничтожной, но рассматриваемая как приготовление к следующей сфере существования, она может быть использована как золотые врата, через которые мы можем пройти – не одиноко и эгоистично, но в содружестве с нашими собратьями – к тем дворцам, что находятся за ними.

О самопожертвовании

Спрашивающий. Считается ли равная справедливость и любовь ко всем существам высшим стандартом поведения в теософии?

Теософ. Нет; есть и гораздо более высокий.

Спрашивающий. Что же это может быть?

Теософ. Давать другим больше, чем себе – самопожертвование. Вот мерило и критерий, в высшей степени отличавший великих учителей и наставников человечества – Гаутаму Будду в истории и Иисуса из Назарета в Евангелиях. Одной этой черты было бы достаточно, чтобы обеспечить им вечное почитание и благодарность всех последующих поколений. Мы говорим, однако, что самопожертвование должно совершаться с разбором; если же оно совершается слепо, без учёта справедливости и последующих результатов, то оно зачастую может оказаться не только напрасным, но и вредным. Одним из фундаментальных правил теософии является справедливость по отношению к самому себе, но не личный самосуд – себя следует рассматривать как часть коллективного человечества, проявляя к себе справедливость не б`ольшую, но и не меньшую, чем по отношению к другим; кроме, конечно, тех случаев, когда одним своим самопожертвованием мы можем принести пользу многим.

Спрашивающий. Не могли бы вы пояснить вашу мысль на примере?

Теософ. В истории есть множество тому примеров. Самопожертвование для практического блага многих или нескольких людей теософия ставит гораздо выше самоотречения ради сектантской идеи, подобной «спасению язычника от вечного проклятия», например. По нашему мнению, отец Дамьен^[83], тридцатилетний молодой человек, который всей своей жизнью пожертвовал ради пользы и облегчения страданий прокажённых на острове Молокаи^[84] и который, прожив с ними восемнадцать лет, в конце концов сам заразился этой отвратительной болезнью и умер, – умер не напрасно. Тысячам обездоленных и отверженных людей он дал облегчение и относительное счастье. Он принёс им утешение, душевное и физическое. Он бросил луч света в непроглядный мрак существования, безнадежность которого не имеет равных в летописи человеческих страданий. Он был истинным теософом, и память о нем будет навечно сохранена в наших анналах. Этот бедный бельгийский священник в наших глазах стоит неизмеримо выше, чем, например, все искренние, но тщеславные глупцы – миссионеры, принесшие в жертву свои жизни на островах Южных морей или в Китае. Что хорошего они сделали? В одном случае они шли к тем, кто ещё не созрел ни для какой истины; в другом – к народу, религиозно-философские системы которого были не менее величественны, чем любые другие, если разделяющие их люди возвышались в своей жизни до тех стандартов, которые были даны им Конфуцием и другими мудрецами. И эти миссионеры погибали, становясь жертвами безответственных людоедов и дикарей, а также людского фанатизма и ненависти. Тогда как, пойдя они в трупы Уайтчепела или в другие подобные места, где прямо под сияющим солнцем нашей цивилизации жизнь остановилась в своём развитии, в районы, полные христианских дикарей и разъедающей ум проказы, – они могли бы сотворить истинное благо и побережь свои жизни для лучшего и более стоящего дела.

Спрашивающий. Но ведь христиане так не считают?

Теософ. Конечно, нет, поскольку они действуют, основываясь на ошибочном убеждении. Они считают, что окрестив тело безответственного дикаря, они спасают его душу от проклятия. Одна церковь забывает о своих мучениках, другая – канонизирует и воздвигает статуи таких людей, как Лавр, который жертвовал своим телом в течение сорока лет лишь для того, чтобы принести пользу паразитам, которых оно же и плодило. Будь у нас средства, мы бы поставили

памятник отцу Дамьену – настоящему святому – навсегда увековечив память о нём как о живом примере героизма, приличествующего теософу, и милосердия и самопожертвования, подобных тем, которые проявляли Будда и Христос.

Спрашивающий. Значит, вы считаете самопожертвование долгом?

Теософ. Считаем; и объясняем это, показывая, что альтруизм является неотъемлемой частью саморазвития. Но мы должны различать. Человек не вправе морить себя голодом до смерти ради того, чтобы кто-то другой мог иметь пищу, если не очевидно, что жизнь этого другого человека более полезна для многих, чем его собственная. Но его долг – жертвовать своими удобствами и трудиться для других, если они не в состоянии работать сами. Его долг – отдать то, что всецело принадлежит ему и не может никому, кроме него, принести пользы до тех пор, пока он эгоистично удерживает это от остальных. Теософия учит самоотречению, но она не учит необдуманному и бесполезному самопожертвованию и отнюдь не оправдывает фанатизм.

Спрашивающий. Но как нам достичь такого возвышенного состояния?

Теософ. Просвещенным применением наших заповедей на практике. Используя свой высший разум, духовную интуицию и нравственное чувство, а также следуя велениям того, что мы называем «тихим голосом» нашей совести, который и есть голос нашего «Я», и говорит в нас громче землетрясений и громов Иеговы, в которых «нет Господа».

Спрашивающий. Если таков наш долг по отношению к человечеству в целом, то что вы понимаете под долгом в отношении наших близких?

Теософ. То же самое плюс те обязанности, которые накладываются семейными узами.

Спрашивающий. Значит это неправда, когда говорят, что человек вступает в Теософическое Общество не раньше, чем начнёт постепенно отдаляться от жены, детей и семейного долга?

Теософ. Это безосновательная клевета, как и многое другое. Первый долг теософа – исполнять свои обязанности по отношению ко всем людям, а в особенности – к тем, с кем он связан особыми обязательствами, потому что он либо добровольно возложил их на себя, как брачные узы, либо потому, что судьба связала его с ними – я имею в виду долг по отношению к родителям или близким родственникам.

Спрашивающий. А в чём долг теософа перед самим собой?

Теософ. Покорять своё низшее «я», чтобы им управляло Высшее «Я». Очищаться внутренне и нравственно, не бояться никого и ничего, кроме суда своей собственной совести. Избегать половинчатости – если теософ считает что-либо правильным, пусть делает это открыто и смело, если же считает неверным – пусть вообще никогда не касается этого. Долг теософа – облегчать свою ношу размышлением над мудрым афоризмом Эпиктета: «Не уклоняйтесь от своего долга, каким бы пустым порицанием ни подвергал вас глупый мир, поскольку суждения его не в вашей власти и, следовательно, нисколько не должны заботить вас».

Спрашивающий. Но предположим, что член вашего Общества оправдывает свою неспособность проявлять альтруизм в отношении других людей тем, что «милосердие начинается дома», и утверждает, что он либо слишком занят, либо слишком беден, чтобы приносить пользу человечеству или отдельным людям – каковы ваши правила в этом случае?

Теософ. Никто ни под каким предлогом не вправе говорить, что он ничего не может сделать для других. «Исполняя надлежащий долг в надлежащем месте, человек может сделать весь мир своим должником», – сказал один английский писатель. Вовремя подать чашку холодной воды томимому жаждой путнику – более благородный долг и более ценно, нежели некстати раздать дюжину бесплатных обедов тем, кто в состоянии самостоятельно заплатить за них. Человек, не усвоивший этого, никогда не станет теософом; но, тем не менее, он может оставаться членом нашего Общества. У нас нет никаких правил, заставляющих человека стать практическим теософом, если он сам не желает быть им.

Спрашивающий. Тогда зачем ему вообще вступать в Общество?

Теософ. Это лучше знать ему самому, так как и в этом мы не имеем права что-либо предрешать за человека, даже если всё общество будет против него, и я могу вам сказать почему. В наши дни глас народа – во всяком случае, голос образованной его части – уже более не глас божий, а лишь голос предубеждения, эгоистических побуждений, зачастую же и просто непопулярности. Наш долг – широко сеять семена для будущего и следить за тем, чтобы они были хорошими; не останавливаться, выясняя, почему надо это делать, с какой стати и по какой причине мы обязаны терять наше время, раз теми, кто будет снимать урожай в грядущие дни, мы уже не будем.

О благотворительности

Спрашивающий. Как вы, теософы, относитесь к христианскому долгу милосердия?

Теософ. Какое милосердие вы имеете в виду? Милосердие в мыслях или практическое милосердие на физическом плане?

Спрашивающий. Я имею в виду практическую благотворительность, поскольку ваша идея всеобщего братства, конечно же, включает в себя милосердие в мыслях.

Теософ. Значит, вы подразумеваете практическое исполнение заповедей, данных Иисусом в Нагорной проповеди?

Спрашивающий. Именно так.

Теософ. Тогда зачем называть их «христианскими?» Ведь несмотря на то, что Спаситель проповедовал и применял их на практике, сегодняшние христиане в самую последнюю очередь думают о применении их в собственной жизни.

Спрашивающий. И всё-таки очень многие проводят свою жизнь в постоянной благотворительности.

Теософ. Да, раздавая излишки своих огромных состояний. Но покажите мне такого христианина, из числа самых больших филантропов, который отдал бы страждущему от голода и холода вору, укравшему его пальто, ещё и свой плащ впридачу; или подставил бы свою правую щеку тому, кто ударил его по левой, и никогда бы не помышлял об отмщении?

Спрашивающий. Но вы же не должны забывать, что эти наставления не следует воспринимать буквально. С тех пор, когда жил Христос, изменились и времена, и обстоятельства. Более того, он говорил притчами.

Теософ. Тогда почему ваши Церкви не учат, что доктрину о вечных муках и адском огне тоже следует понимать как притчу? Почему некоторые из ваших наиболее популярных проповедников настаивают на буквальном значении адского огня и физических мук для несгораемых «асбестовых» душ, фактически позволяя себе в то же время иные вещи трактовать как притчи, как их понимаете и вы? Если одно – притча, то и другое – тоже притча. Если адский огонь – буквальная правда, то и заповеди Христа, выраженные в Нагорной Проповеди, должны исполняться именно буквально. И я скажу вам, что многие из тех, кто не верит в божественность Христа – как, например, граф Лев Толстой и теософы, которых не единицы – действительно буквально следуют этим благородным, ибо универсальным, заповедям. И ещё больше добрых мужчин и женщин поступали бы так, если бы они не были более чем уверены в том, что такое поведение в жизни скорее всего приведет их в сумасшедший дом – настолько христианскими являются ваши законы!

Спрашивающий. Но каждому, несомненно, известно, что и частная, и общественная благотворительность ежегодно исчисляется миллионами?

Теософ. О, да; и половина из них прилипает к рукам, через которые они проходят, прежде чем попадут к нуждающимся; а значительная часть оставшегося попадает в руки профессиональных нищих, слишком ленивых, чтобы работать, и, таким образом, не приносит никакого блага тем, кто действительно страдает в нищете. Разве вы не слышали, что первым следствием огромного потока благотворительности для лондонского Ист-Энда стало поднятие примерно на 20 процентов платы за жилье в Уайтчепеле?

Спрашивающий. А что, по-вашему, надо делать?

Теософ. Действовать индивидуально, а не массово – следуя заповедям северных буддистов:

- Никогда не клади пищи в рот голодному чужими руками.

- Никогда не позволяй тени твоего соседа (кого-то третьего) лечь между тобой и объектом твоей щедрости.
- Никогда не допускай, чтобы солнце успело высушить слезу, прежде чем ты сам не сотрёшь её.
- Никогда не давай через своих слуг денег нуждающемуся и еды монаху, просящим милостыни у твоих дверей, дабы деньги твои не унизили благодарность и еда твоя не обернулась желчью.

Спрашивающий. Но как это можно применить практически?

Теософ. Теософическое представление о милосердии подразумевает личные усилия для блага других; личное милосердие и доброту; личную заинтересованность в благополучии страждущих; личное сочувствие, предупредительность и участие в их бедах и нуждах. Мы, теософы, не верим в раздачу денег (если бы они у нас были, надо уточнить) через посредство других людей или организаций. Мы верим, что придаём деньгам в тысячу раз большую силу и эффективность путём личного контакта и сочувствия тем, кто в них нуждается. Мы верим в утоление душевной жажды так же, если не более, как и в насыщение желудка, поскольку благодарность приносит больше пользы тому, кто её чувствует, чем тому, кому благодарны. Где же та благодарность, которую должны были бы вызвать ваши «миллионы фунтов»? Где ответные добрые чувства? Она что, проявляется в ненависти ист-эндских бедняков к богатым и в росте сторонников анархии и беспорядка? Или же её демонстрируют те тысячи несчастных молодых работниц, жертв «потогонной» системы, которые вынуждены идти на панель, чтобы свести концы с концами? Благодарят ли вас ваши беспомощные старики и старухи за работные дома? Или ваши бедняки – за отравленные, нездоровые жилища, в которых им позволено вскармливать новые поколения больных, золотушных, рахитичных детей, исправно кладя деньги в карманы ненасытных Шейлоков, владеющих их домами? Вот почему каждый соверен из тех «миллионов», пожертвованных людьми добрыми и стремящимися к милосердию, падает жгучим проклятием, а отнюдь не благодеянием, на тех бедняков, которым он должен был бы помочь. Мы называем это порождением национальной кармы, и последствия её в день расплаты будут ужасны.

Теософия для народа

Спрашивающий. И вы думаете, что теософия помогла бы устранить это зло, даже действуя в неблагоприятных практических условиях современной жизни?

Теософ. Если бы у нас было побольше денег и если бы большинству теософов не приходилось зарабатывать на своё пропитание – я твердо убеждена, что мы могли бы это сделать.

Спрашивающий. Как? Вы ожидаете, что ваши доктрины, столь непонятные и трудные даже для восприятия весьма образованных людей, могут быть приняты необразованными массами?

Теософ. Вы забываете одну вещь: ваше хвалёное современное образование и есть именно то, что затрудняет для вас понимание теософии. Ваш ум настолько переполнен интеллектуальными тонкостями и предубеждениями, что ваша природная интуиция и восприятие истины бездействуют. Для того, чтобы человек в общих чертах понимал истины кармы и реинкарнации, не нужны ни метафизика, ни образование. Взгляните на миллионы бедных, необразованных буддистов и индусов, для которых карма и реинкарнация являются несомненной реальностью только потому, что их умы никогда не загонялись насильственно в неестественное русло. Их врожденное человеческое чувство справедливости никогда не было искажено рассказами о том, что их грехи будут прощены, потому что ради них был казнен другой человек. И заметьте, что буддисты живут согласно своим убеждениям, не ропщут на карму или на то, что является, по их мнению, справедливым наказанием; тогда как христианские народы не живут в соответствии со своим нравственным идеалом и не воспринимают свою участь как должное. Отсюда ропот, неудовлетворенность и интенсивность борьбы за существование в западных странах.

Спрашивающий. Но это довольство, которое вы так хвалите, полностью исключило бы всякие побуждения для совершения каких-либо усилий и остановило бы прогресс.

Теософ. А мы, теософы, говорим, что ваши хвалёные прогресс и цивилизация – не более чем скопление блуждающих огоньков, которые мерцают над болотом, выделяющим ядовитые, смертоносные испарения, поскольку видим, что эгоизм, преступность, безнравственность, и все из зол, которые только можно представить, обрушиваются на несчастное человечество из того ящика Пандоры, который вы называете веком прогресса, возрастая по мере развития вашей материальной цивилизации. Чем платить такую цену, уж лучше смириться с инертностью и бездеятельностью буддийских стран, которая является всего-навсего следствием веков политического рабства.

Спрашивающий. Значит, вся эта метафизика и весь этот мистицизм, которым вы так много занимаетесь, не имеют никакого значения?

Теософ. Для народных масс, которые нуждаются лишь в практическом руководстве и поддержке, они не так уж и важны; но для образованных, прирождённых лидеров этих масс, чьи образ мысли и действия рано или поздно будут приняты этими массами, они имеют величайшую важность. Только с помощью философии образованный и интеллигентный человек может избежать интеллектуального самоубийства – слепой веры; и лишь усвоив строгую последовательность и логическую связность восточных учений (пусть даже не эзотерических) он сможет осознать их истинность. Убежденность поддерживает энтузиазм, а «энтузиазм, – говорит Булвер Литтон^[85] – это дух искренности, и без него истина не сможет одержать победу»; также и Эмерсон^[86] очень точно замечает, что «любое выдающееся и внушительное движение в мировых анналах – это триумф энтузиазма». И есть ли что-либо более подходящее для пробуждения этого чувства, чем философия наших восточных доктрин – столь возвышенная, последовательная, логичная и всеобъемлющая?

Спрашивающий. И тем не менее, враги теософии очень многочисленны, и каждый день она приобретает новых оппонентов.

Теософ. Именно это и доказывает свойственное ей превосходство и присущую ей ценность. Люди ненавидят только то, чего боятся, и никто не станет тратить сил на ниспровержение того, что не угрожает ему и не выходит за рамки посредственности.

Спрашивающий. Вы надеетесь когда-нибудь передать этот энтузиазм массам?

Теософ. Почему бы и нет? Ведь история говорит нам, что массы приняли буддизм с энтузиазмом, и в то же время, как уже было сказано выше, практический результат их приобщения к этой философии этики до сих пор очевиден благодаря малому проценту преступности среди буддийских народов в сравнении с последователями любой другой религии. Главное – устранить этот обильный источник преступности и безнравственности, заключающийся в веровании, что можно избежать последствий своих собственных поступков. Раз научите людей этим величайшим из всех законов – законам кармы и реинкарнации – и, кроме того, чувству истинного человеческого достоинства, и они отвратятся от зла и будут избегать его так же, как физической опасности.

Как члены могут помочь обществу

Спрашивающий. Каким образом члены Теософического Общества могут помочь этой работе?

Теософ. Во-первых, изучая и постигая теософические доктрины, чтобы затем они могли научить им других людей, в особенности, молодых. Во-вторых, используя любую возможность для того, чтобы рассказать и объяснить другим, что такое теософия и чем она не является; устраняя неверные представления и пробуждая интерес к предмету. В-третьих, участвуя в распространении нашей литературы, покупая книги, когда у них есть для этого средства, давая их читать и убеждая своих друзей поступать так же. В-четвертых, любыми доступными им законными средствами защищая Общество от несправедливой клеветы, которой оно подвергается. В-пятых же – и это самое важное – примером собственной жизни.

Спрашивающий. Но мне не кажется, что вся эта литература, распространению которой вы придаёте такое большое значение, может оказать практическую помощь человечеству. Это не практическая благотворительность.

Теософ. Мы думаем иначе. Мы считаем, что хорошая книга, дающая людям пищу для размышлений, укрепляющая и очищающая их умы, позволяющая им понять те истины, которые они смутно чувствуют, но не могут выразить, приносит реальную и осязаемую пользу. В том же, что вы называете практической благотворительностью, предназначенной оказать помощь телам наших братьев, мы делаем то немногое, что в наших силах; но, как я уже говорила вам, большинство из нас бедны, и у Общества даже нет денег, чтобы платить своим сотрудникам. Работая изо всех сил, мы отдаём ему и наш труд и, в большинстве случаев, деньги. Те немногие, у которых есть средства осуществлять так называемые благотворительные акции, следуют буддийским принципам и делают это самостоятельно, не прибегая к посредникам и не жертвуя публично деньги благотворительным фондам. Что должен сделать теософ прежде всего – так это забыть о своей личности.

Чего теософ делать не должен

Спрашивающий. Есть ли в вашем Обществе какие-либо законы или статьи, имеющие запрещающий характер?

Теософ. Их много, но – увы! – они не являются обязательными для исполнения. Они выражают идеал нашей организации, но их практическое применение мы вынуждены оставить на усмотрение самих членов. К сожалению, состояние человеческих умов в нашем веке таково, что если не оставим эти статьи, так сказать, необязательными, то ни один человек не отважится вступить в Теософическое Общество. Именно поэтому я вынуждена так настойчиво подчёркивать различие между истинной Теософией и её недостойным, хотя и изо всех сил усердствующим и имеющим благие намерения проводником – Теософическим Обществом.

Спрашивающий. Можете ли вы мне сказать, что же это за опасные рифы в открытом море Теософии?

Теософ. Что ж, можете называть их рифами, поскольку и впрямь не один член Общества, искренний и доброжелательный во всех других отношениях, разбил о них в щепки своё каноэ! И всё же, избегать некоторых действий кажется простейшей вещью в мире! Вот, например, ряд таких отрицаний, оберегающих положительные обязанности теософа:

Ни один теософ не должен молчать, когда слышит клевету и злословие о Теософическом Обществе или невинных людях, будь то его члены или же посторонние.

Спрашивающий. Но допустим, что услышанное им является правдой или может быть правдой, которая ему неизвестна?

Теософ. Тогда он должен потребовать веских доказательств этого утверждения и беспристрастно выслушать обе стороны, прежде чем позволит обвинению остаться неопровергнутым. Вы не вправе поверить в дурное, пока не получите неоспоримых доказательств истинности этого заявления.

Спрашивающий. Что же следует делать тогда?

Теософ. Необходимо проявлять жалость и снисходительность, милосердие и долготерпение, побуждающее нас прощать наших грешных братьев и выносить, по возможности, самый мягкий приговор тем, кто заблуждается. Теософу никогда не следует забывать о том, что всё это вызвано недостатками и немощью человеческой природы.

Спрашивающий. Должен ли он в таких случаях прощать полностью?

Теософ. В любом случае, и особенно – если согрешили против него.

Спрашивающий. Но, если поступая так, он рискует причинить вред или допустить причинение вреда кому-либо, то что тогда он должен делать?

Теософ. Соблюдать свой долг; следовать тому, что говорит ему его совесть и его высшая природа, но только по зрелом размышлении. Справедливость состоит в непричинении вреда всякому живому существу; но она приписывает нам также никогда не позволять виновному действовать беспрепятственно, нанося вред многим или хотя бы одному невинному человеку.

Спрашивающий. Каковы другие запреты?

Теософ. Ни один теософ не должен довольствоваться праздной легкомысленной жизнью, которая не приносит пользы ни ему самому, ни, тем более, другим людям. Он должен трудиться для пользы тех немногих, кто нуждается в его помощи, если уж он не в состоянии напряженно работать для всего человечества и таким образом способствовать продвижению всего дела теософии.

Спрашивающий. Это требует недюжинной натуры, и скорее всего, окажется для некоторых чересчур тяжело.

Теософ. Тогда им лучше бы оставаться вне Теософического Общества, чем поступать лицемерно. Ни от кого не требуется более того, что он может дать, будь то преданность делу, время, труд или деньги.

Спрашивающий. Что ещё?

Теософ. Ни один работающий член Общества не должен придавать слишком большого значения собственным успехам и опытности в изучении теософии; но, скорее, должен быть готов выполнить столько альтруистической работы, сколько в его силах. Он не должен перекладывать всю ответственность и тяготы теософического движения на плечи немногочисленных энтузиастов. Каждый должен сознавать, что его долг – принять посильное участие в общей работе, помогая её выполнению всем, чем он только может.

Спрашивающий. Это весьма справедливо. Что же дальше?

Теософ. Ни один теософ не должен ставить своё тщеславие или свои личные чувства выше интересов Общества. Тому, кто жертвует интересами Общества и репутацией других людей ради личного тщеславия, гордыни или мирской выгоды, не следует позволять оставаться членом Общества. Одна раковая клетка поражает всё тело.

Спрашивающий. Является ли долгом каждого члена учить других и проповедовать теософию?

Теософ. Именно так. Ни один наш собрат не вправе бездействовать под предлогом того, что он слишком мало знает, чтобы учить. Он может быть уверен в том, что всегда найдутся те, кто знает ещё меньше, чем он. Да он и не обнаружит собственного невежества и не попытается устранить его, пока не попробует учить других. Но это не самое главное.

Спрашивающий. Что же, в таком случае, вы считаете главным в такого рода обязанностях теософа?

Теософ. Всегда быть готовым увидеть и признать свои ошибки. Лучше уж согрешить преувеличенным восхвалением достижений своего ближнего, чем их слишком малым признанием. Никогда не порочить другого и не злословить за его спиной. Всегда говорить открыто и прямо в лицо всё, что ты имеешь против него. Никогда не повторять слухов, направленных против кого-то, и не питать чувства мести к тем, кто вас обидел.

Спрашивающий. Но говорить людям правду в лицо часто бывает опасно. Вы так не считаете? Я знаю, что один из ваших членов, который был жестоко обижен, покинул Общество и стал его злейшим врагом, и только потому, что ему в лицо была высказана неприятная правда о том, что вменялось ему в вину.

Теософ. Таких у нас было много. Ни один член Общества, каким бы видным или незаметным он ни был, никогда ещё не покидал нас, не став нашим ярым врагом.

Спрашивающий. И как вы объясняете это?

Теософ. Очень просто. Будучи в большинстве случаев горячо преданным Обществу вначале и расточая в его адрес самые преувеличенные похвалы, оправдать своё последующее поведение и прошлую близорукость этот отступник сможет, лишь став в позу невинной и обманутой жертвы и перекладывая, таким образом, вину со своих плеч на плечи Общества в целом, в особенности же на плечи его руководителей. Поведение таких людей напоминает одну старую басню о человеке с кривым лицом, который разбил зеркало, считая, что это оно искажает его внешность.

Спрашивающий. Но что же заставило этих людей повернуться против Общества?

Теософ. Почти во всех случаях – уязвленное тщеславие в той или иной форме. А причиной для этого, в основном, было неприятие их указаний и суждений как окончательных и не

подлежащих сомнению, а также то, что они скорее предпочли бы царствовать в аду, чем служить на небесах. Короче говоря, они не могли смириться со второстепенной ролью в чем бы то ни было. Так, например, один член Общества – настоящий «Сэр Оракул» – критиковал и чуть ли не клеветал на каждого члена как перед лицом посторонних, так и перед самими теософами, под тем предлогом, что все они – нетеософичны, обвиняя их как раз в том, чем всё это время занимался сам. В конце концов, он покинул Общество, объясняя это глубокой убежденностью, что все мы (особенно основатели) – мошенники! Другой, занимаясь всевозможными интригами, чтобы встать во главе одной большой секции Общества, и обнаружив, что её члены не хотят избирать его на руководящий пост, выступил против основателей и стал их злейшим врагом, на каждом углу осуждая одного из них только за то, что тот не смог, да и не захотел навязать его членам этой секции. Вот пример жестоко оскорбленного самолюбия. Ещё один собирался заняться и фактически занимался чёрной магией, то есть недозволенным личным психическим воздействием на отдельных членов, в то же время претендуя на преданность и все теософические добродетели. Когда его деятельность пресекли, он порвал с теософией и теперь самым яростным образом злословит и лжёт о тех самых злополучных руководителях, которых этот достойный «собрат» не смог обмануть, стараясь разрушить Общество и очернить их репутацию.

Спрашивающий. И как бы вы поступали с подобными людьми?

Теософ. Предоставила бы их собственной карме. То, что кто-то один творит зло – совсем не повод для других поступать так же.

Спрашивающий. Но, возвращаясь к клевете, – где же та грань, которая отделяет злословие от справедливой критики? Разве не долг каждого – предостеречь своих друзей и близких от тех людей, общение с которыми опасно?

Теософ. Если от того, что им позволят действовать беспрепятственно, могут пострадать другие, то, несомненно, наш долг состоит в том, чтобы лично предостеречь их и таким образом избавить от опасности. Но ни одно обвинение против другого человека, правдиво оно или ложно, никогда не следует распространять повсюду. Если оно справедливо, но данный проступок не причиняет вреда никому, кроме самого грешника, – предоставьте его своей собственной карме. Если же оно ложно, то вам следует избегать приумножения несправедливости в мире. Поэтому не говорите о подобных вещах с теми, кого это прямо не касается. Но если ваши осмотрительность и молчание могут причинить вред другим или подвергнуть их опасности, то я добавлю: говорите правду любой ценой, и вместе с Аннесли скажу: «сообразуйтесь с долгом, а не с обстоятельствами». Бывают случаи, когда иной вынужден воскликнуть: «Лучше уж потерять благоразумие, чем позволить ему воспрепятствовать исполнению моего долга».

Спрашивающий. Думается мне, что следуя этим принципам, вы можете собрать славный урожай неприятностей!

Теософ. Что мы и делаем. Приходится согласиться, что мы сейчас открыты тем же насмешкам, что и ранние христиане. «Смотрите, как эти теософы любят друг друга!» – могут сказать о нас без тени несправедливости.

Спрашивающий. Если вы сами признаёте, что в Теософическом Обществе по крайней мере столько же, если не больше, злословия, клеветы и вражды, как и в христианских церквях, не говоря уже о научных обществах, то могу ли я спросить: что же это за братство такое?

Теософ. Действительно, ныне это очень бедный образчик, который ничем не лучше других, пока Общество не реорганизовано и в нем не произведён отсев. Помните, однако, что человеческая природа, как в Теософическом Обществе, так и вне его, – одна и та же. Его члены не святые – в лучшем случае это грешники, старающиеся исправиться, но и легко отступающие

по причине личных слабостей. Добавьте к этому, что наше «Братство» не является признанной организацией и остаётся, так сказать, вне рамок юрисдикции. Кроме того, оно пребывает в хаотичном состоянии и пользуется незаслуженной непопулярностью в большей степени, чем любая другая организация. Что тогда удивительного в том, что его члены, которые не смогли соответствовать его идеалу и покинули Общество, обращаются за сочувственной поддержкой к нашим врагам, изливая всю свою желчь и горечь в их слишком охочие до этого уши! Зная, что они найдут поддержку, сочувствие и готовность поверить любому обвинению, каким бы абсурдным оно ни было, лишь бы доставить себе удовольствие бросить его Теософическому Обществу, они спешат это сделать и обрушивают свою ярость на невинное зеркало, слишком верно отражавшее их облик. Люди никогда не прощают тех, с кем они поступили несправедливо. Поскольку за добро они отплатили неблагодарностью, ощущение этого ведет их к безумию самооправдания перед всем миром и своей собственной совестью. А мир слишком готов верить всему, что говорится против того общества, которое он ненавидит. Что же касается совести, то я не буду говорить больше, так как опасаясь, что и так сказала слишком много.

Спрашивающий. Ваше положение представляется мне весьма незавидным.

Теософ. Это так, но не думаете ли вы, что за самим Обществом и за его философией, должно что-то в высшей степени благородное, возвышенное и истинное, раз лидеры и основатели этого движения всё-таки продолжают трудиться ради него, отдавая ему все свои силы? Они приносят ему в жертву все удобства, всё мирское благополучие и успех, даже своё доброе имя и репутацию – да, и свою честь – получая в ответ непрекращающееся, непрестанное поношение, безжалостные оскорбления, неослабевающую клевету, постоянную неблагодарность и непонимание их лучших усилий, удары и пинки со всех сторон – тогда как просто бросив свою работу, они сразу же освободили бы себя от всякой ответственности и защитились от любых дальнейших нападков.

Спрашивающий. Признаюсь, такая стойкость кажется мне поразительной, и я удивляюсь, зачем вы всё это делаете.

Теософ. Не ради самоудовлетворения, поверьте, а лишь в надежде подготовить тех немногих, кто мог бы продолжить нашу работу на благо человечества в соответствии с первоначальной программой, когда основателей уже не будет в живых. Они уже нашли несколько таких благородных и преданных душ, которые займут их место. Благодаря этим немногим грядущие поколения найдут путь к обретению покоя чуть менее тернистым и чуть более широким, и, таким образом, все эти страдания дадут хорошие результаты, а их самопожертвование не будет напрасным. Главная, фундаментальная задача Общества в настоящее время – посеять в сердцах людей семена, которые со временем могли бы дать ростки и в более благоприятных условиях привести к здоровой реформе, способной дать народным массам больше счастья, чем то, которым они наслаждались до сих пор.

XIII. Об ошибочных представлениях о Теософическом обществе

Теософия и Аскетизм

Спрашивающий. Я слышал, будто устав вашего Общества предписывает всем его членам быть вегетарианцами, суровыми аскетами и не вступать в брак; но вы до сих пор не говорили ничего подобного. Можете ли вы раз и навсегда сказать всю правду об этом?

Теософ. Правда в том, что наш устав ничего подобного не требует. Теософическое Общество не только не требует, но даже и не ожидает от своих членов, чтобы они в чём-то были аскетами, кроме как – если вы называете это аскетизмом – чтобы они стремились приносить пользу людям и не были эгоистами.

Спрашивающий. И всё же многие ваши члены являются строгими вегетарианцами и не скрывают своего намерения не вступать в брак. Чаще всего это те, кто принимает заметное участие в работе вашего Общества.

Теософ. Это вполне естественно, поскольку большинство наших самых серьёзных сотрудников являются членами внутренней секции Общества, о которой я вам уже рассказывала.

Спрашивающий. Так значит, в этой внутренней секции вы все-таки требуете от них практики аскетизма?

Теософ. Нет, даже там мы её не требуем и не предписываем; но, пожалуй, будет лучше, если я объясню вам, каковы наши взгляды на аскетизм в целом, а потом уж вы поймёте всё относительно вегетарианства и прочего.

Спрашивающий. Продолжайте, пожалуйста.

Теософ. Как я вам уже сказала, большинство из тех, кто действительно серьёзно изучает теософию и активно работает для Теософического Общества, хотят делать нечто большее, чем просто теоретически изучать преподаваемые нами истины. Они хотят знать истину на непосредственном личном опыте и изучать оккультизм с тем, чтобы приобрести мудрость и силу, потребность в которой они чувствуют потому, что хотят помогать другим действенно и разумно, а не слепо и наудачу. Таким образом, рано или поздно они вступают во внутреннюю секцию.

Спрашивающий. Но вы сказали, что «практика аскетизма» не обязательна даже в этой внутренней секции?

Теософ. Это так; но первое, что получают вступившие в неё – это верное представление о соотношении тела, или физической оболочки, с внутренним, истинным человеком. Им объясняют и демонстрируют связь и взаимодействие между этими двумя аспектами человеческой природы, и вскоре они наполняются сознанием того, что внутренний человек гораздо важнее внешнего футляра – тела. Их учат, что слепой, неразумный аскетизм – просто глупость; что поведение святого Лавра, о котором я уже говорила, или же индийских факиров и живущих в джунглях аскетов, которые самым ужасным и жестоким образом режут, жгут и изнуряют своё тело, – это самоистязание в эгоистических целях, совершаемое с тем, чтобы развить силу воли, и что оно в высшей степени бесполезно при истинно духовном, или теософическом, развитии.

Спрашивающий. Я вижу, что вы считаете необходимым лишь нравственный аскетизм, как средство для достижения цели – а именно совершенной уравновешенности внутренней природы человека и полного обуздания тела со всеми его страстями и желаниями.

Теософ. Именно так. Но средство это нужно использовать разумно и мудро, а не слепо и безрассудно. Нужно действовать подобно атлету, который, тренируясь, готовит себя к серьёзным соревнованиям, а не уподобляться скряге, который морит себя голодом, чтобы удовлетворить свою страсть к золоту.

Спрашивающий. Общую идею я теперь понял; но давайте посмотрим, как вы применяете её на практике. Как насчёт вегетарианства, например?

Теософ. Один из выдающихся немецких учёных продемонстрировал, что любого рода животная ткань, как бы вы её ни обрабатывали в процессе приготовления, сохраняет свойства тех животных, которым она принадлежала, и свойства эти можно установить. Кроме того, каждый по вкусу может определить, какое именно мясо он ест. Мы идем несколько дальше и подтверждаем, что мясо животных, усвоенное человеком в качестве пищи, физиологически передаёт последнему отдельные характеристики того животного, которому оно принадлежало. Более того, оккультная наука учит этому и наглядно демонстрирует это своим ученикам, показывая также, что наибольшее «огрубляющее» или «животное» действие оказывает на человека мясо крупных животных, и что в меньшей степени проявляется оно при употреблении птицы, ещё в меньшей – рыбы и других холоднокровных животных, и менее всего – когда человек питается исключительно овощами.

Спрашивающий. Тогда ему лучше было бы не есть вообще?

Теософ. Если бы человек мог прожить без еды – конечно. Но дело обстоит так, что, чтобы жить, ему необходимо есть; и потому серьёзным ученикам мы рекомендуем употреблять такую пищу, которая бы в наименьшей степени обременяла и отягощала их тело и мозг и как можно меньше тормозила и задерживала развитие их интуиции, их внутренних сил и способностей.

Спрашивающий. Так значит, вы не принимаете всех тех аргументов, которыми в большинстве своём пользуются сторонники вегетарианства?

Теософ. Конечно, нет. Отдельные их доводы чрезвычайно слабы и часто основаны на ложных предположениях. Но, с другой стороны, многое из того, что они говорят, – истинная правда. Так, например, мы уверены, что широкое распространение болезней и, в особенности, большая к ним предрасположенность, которая становится отличительной чертой нашего времени, – во многом следствие употребления мяса, и особенно мясных консервов. Но чтобы рассмотреть этот вопрос подробно и по существу, нам понадобится слишком много времени; так что давайте пойдём дальше.^[87]

Спрашивающий. Ещё один вопрос. Как поступают члены вашей внутренней секции в отношении пищи, когда болеют?

Теософ. Конечно, они следуют лучшим практическим советам, какие только могут получить. Разве вы до сих пор не поняли, что в этом отношении мы ни на кого не налагаем каких-либо тяжелых и жёстких обязанностей? Запомните раз и навсегда, что по всем подобным вопросам мы занимаем разумную, а не фанатичную позицию. Если вследствие болезни или долгой привычки человек не может обойтись без мяса, пусть ест его. Это не преступление; это всего лишь немного замедлит его развитие; ведь в конце концов чисто физические отправления и функции имеют куда менее важное значение, чем то, что человек думает и чувствует, какие желания он вынашивает, позволяя им укореняться и расти в уме.

Спрашивающий. Что же касается вина и спиртных напитков, я полагаю, вы не советуете людям их употреблять?

Теософ. Для нравственного и духовного роста человека они ещё хуже мяса, поскольку алкоголь во всех его проявлениях оказывает непосредственное, заметное и самое пагубное влияние на психическое состояние человека. Большой вред развитию внутренних сил, чем вино и алкоголь, наносит лишь регулярное употребление гашиша, опиума и подобных им наркотиков.

Теософия и брак

Спрашивающий. Теперь другой вопрос; должен ли человек вступать в брак или оставаться в безбрачии?

Теософ. Это зависит от того, какого человека вы имеете в виду. Если речь о человеке, который намерен жить в миру и, будучи хорошим, серьезным теософом и ревностным нашим сотрудником, всё же имеет желания и привязанности, приковывающие его к миру; который, говоря коротко, не чувствует, что он навсегда покончил с тем, что люди называют жизнью, и что он желает одной единственной вещи – познать истину и быть в состоянии помочь людям, – то у него нет причин не жениться, если он, конечно, хочет рискнуть в этой лотерее, где проигрышных билетов куда больше, чем выигрышных. Уж вы наверно не думаете, что мы настолько глупы и фанатичны, чтобы в принципе выступать против брака? Совсем напротив: за исключением немногих случаев, связанных с практическим оккультизмом, брак – это единственное средство против безнравственности.

Спрашивающий. Но почему же нельзя приобрести эти знания и силы, ведя супружескую жизнь?

Теософ. Мой дорогой сэр, в разговоре с вами я не могу вдаваться в физиологические подробности, и всё же я в состоянии дать вам очевидный и, надеюсь, достаточный ответ, который объяснит, каковы нравственные причины этого требования. Может ли человек служить двум господам? Нет! Значит, для него столь же невозможно делить внимание между женой и стремлением к оккультизму. Если же он попытается, то ему уж точно не удастся должным образом исполнять и то, и другое. К тому же, позвольте вам напомнить, что практический оккультизм – слишком серьезное и опасное для человека занятие, если он не искренен в высшей степени и не готов пожертвовать всем, и прежде всего собою, чтобы достичь цели. Это не относится, однако, к членам нашей внутренней секции. Я говорю лишь о тех, кто твёрдо решил вступить на путь ученичества, ведущий к высшей цели. Большинство же, если не все из присоединившихся к нашей внутренней секции, – лишь начинающие, которые в этой жизни только готовятся к тому, чтобы действительно вступить на Путь в жизнях последующих.

Спрашивающий. Один из сильнейших ваших аргументов в пользу того, что существующие на Западе формы религии не годятся, как и популярный нынче материализм, который вы, похоже, считаете «мерзостью запустения», – это факт страданий и нищеты в огромных масштабах, особенно в наших больших городах, которого нельзя отрицать. Но вы, конечно, не можете не признать, как много сделано и делается для того, чтобы исправить это положение вещей с помощью просвещения и распространения знаний.

Теософ. Будущие поколения вряд ли скажут вам спасибо за такое «распространение знаний», да и ваше теперешнее просвещение едва ли принесет много добра массам голодающих бедняков.

Спрашивающий. Но дайте же нам время! Ведь народным образованием мы начали заниматься всего лишь несколько лет назад.

Теософ. А что же тогда, скажите на милость, делала с пятнадцатого века ваша христианская религия, если вы сами признаёте, что до сих пор и не приступали к просвещению масс – к той самой деятельности (если таковая вообще существует), которой христианские, то есть следующие учению Христа, церковь и народ и должны бы были заниматься?

Спрашивающий. Возможно, вы правы; но сейчас...

Теософ. Давайте просто шире взглянем на проблему образования, и я докажу вам, что многие ваши хваленые «усовершенствования» приносят не пользу, а вред. Школы для детей бедняков, хоть и значительно менее полезные, чем они могли бы быть, всё же хороши в сравнении с тем отвратительным окружением, на жизнь в котором обрекает этих детей ваше современное общество. Немного практической теософии помогло бы в жизни этим несчастным страдающим массам в сотню раз больше, чем напичкивание их зачастую ненужными знаниями.

Спрашивающий. Но на самом деле...

Теософ. Позвольте мне, пожалуйста, закончить. Вы коснулись темы, которая нас, теософов, глубоко затрагивает, и я должна высказаться до конца. Я согласна с тем, что для ребенка, выросшего в трущобах, где местом его игр становятся сточные канавы, и живущего среди постоянной грубости слов и жестов, проводить ежедневно какое-то время в светлых и чистых классных комнатах, увешанных картинами и часто украшенных цветами, – большое преимущество. Там его учат чистоплотности, вежливости, аккуратности; он учится играть и петь; там у него есть игрушки, пробуждающие его разум; там он учится работать руками; там с ним разговаривают с улыбкой, а не угрюмо; там его беззлобно упрекают или уговаривают, а не осыпают проклятиями. Всё это воспитывает в детях человечность, пробуждает их мозг и делает их восприимчивыми к интеллектуальному и моральному воздействию. Школы сейчас ещё не таковы, какими какими они могли бы и должны были бы быть, но по сравнению с домом этих детей они кажутся раем; и понемногу они и на дом начинают оказывать влияние. И всё же, хотя это и справедливо для многих государственных школ, ваша система заслуживает самых суровых упреков.

Спрашивающий. Пусть так; продолжайте.

Теософ. В чём настоящая цель современного образования? Воспитывать ум и развивать его в верном направлении? Учить обездоленных и несчастных стойко нести бремя жизни, возложенное на них кармой? Укреплять их волю? Внушать им любовь к ближнему и чувство взаимной зависимости и братства, формируя таким образом характер, пригодный для практической жизни? Ничуть не бывало. И всё же несомненно, что именно таковы цели всякого истинного образования. Никто этого не отрицает; все ваши светила педагогики с этим согласны

и любят распространяться на эту тему. Но каков практический результат деятельности педагогов? Любой юноша или мальчик, да что там – даже любой представитель молодого поколения учителей ответит вам: «Цель современного образования в том, чтобы сдать экзамены». Это система, предназначенная не для того, чтобы поощрять здоровое соревнование, а для того, чтобы порождать и воспитывать в молодых людях ревность, зависть, почти ненависть друг к другу, подготавливая их, таким образом, для жизни, полной самого беззастенчивого эгоизма, борьбы за почести и награды, а не добрых чувств.

Спрашивающий. Должен признать, что здесь вы правы.

Теософ. А что представляют из себя эти экзамены, ужас нынешних ребят и молодых людей? Это всего лишь метод классификации, посредством которого сводятся в таблицы результаты вашего школьного обучения. Иными словами, они являются практическим приложением метода современной науки к присущей роду человеческому умственной деятельности. «Наука» теперь утверждает, что интеллект – это результат механического взаимодействия в веществе мозга; потому лишь логично, что современное образование и должно быть почти полностью механическим – чем-то вроде автоматической машины для промышленного производства интеллекта на тонны. Даже небольшого знакомства с экзаменами достаточно, чтобы показать, что образование, которое они дают, – это всего лишь тренировка физической памяти; и рано или поздно все ваши школы опустятся до этого уровня. Что же касается настоящего, правильного развития способности мыслить и рассуждать, то оно в принципе невозможно до тех пор, покуда обо всём будут судить по результатам конкурсных экзаменов. Кроме того, школьное обучение играет важнейшую роль в формировании характера, особенно в нравственном отношении. Пока же ваша современная система от начала и до конца основана на так называемых «научных» откровениях: «борьбе за существование» и «выживании наиболее приспособленного». С самого начала жизни человеку вдалбливают это как на практическом примере, на опыте, так и путём непосредственного обучения, пока наконец становится невозможно отучить его от мысли, что «я» – низшее, личное, животное «я» – и есть единственная цель и реальность жизни. В этом – великий источник страданий, преступлений и бессердечного эгоизма, существование которых вы вместе со мною признаёте. Эгоизм, как уже неоднократно говорилось, – это проклятие человечества и плодовитый родитель всех зол и преступлений в этой жизни; и ваши школы как раз являются рассадниками такого эгоизма.

Спрашивающий. Эти утверждения хороши в качестве общих мест, но мне бы хотелось услышать от вас несколько фактов, а также узнать, как всё это можно поправить.

Теософ. Хорошо, постараюсь удовлетворить ваше любопытство. Есть три рода учебных заведений: государственные, школы для выходцев из средних слоев и закрытые школы, начиная от вульгарнейших коммерческих и заканчивая идеалистично-классическими, со множеством вариантов и комбинаций. Практическая коммерческая школа поддерживает современные тенденции; тяжеловесная же респектабельность старинной и ортодоксальной классической находит своё отражение даже в тех установках, которые даются учителями ученикам государственных общеобразовательных школ. На наших глазах научные и материалистические коммерческие школы постепенно вытесняют пришедшие в упадок ортодоксально-классические. И причину тому отыскать нетрудно. Целью этой отрасли образования являются фунты, шиллинги и пенсы – *sumptum bonum* девятнадцатого века. Таким образом, все энергии, вырабатываемые мозговыми молекулами приверженцев этого «высшего блага», сконцентрированы в одной точке; следовательно, они представляют собой, до некоторой степени, организованную армию образованных и склонных к умствованиям интеллектов меньшинства, воспитанного во вражде к невежественным и простым массам, обречённым на то, чтобы их интеллектуально более развитые собратья высасывали из них кровь, паразитировали на

них и сидели у них на шее. Такое воспитание является не только нетеософским, но и попросту антихристианским. И вот результат: прямым следствием такого образования стало то, что рынок наводнили машины для делания денег, бессердечные, эгоистичные люди-звери, которых самым заботливым образом учили грабить собратьев и пользоваться невежеством своей слабейшей братии!

Спрашивающий. Пусть так; во всяком случае, вы не можете сказать того же о наших замечательных закрытых школах.

Теософ. В точности того же – нет, это правда. Но, хотя форма у них иная, царящий в них дух – тот же самый, а именно: нетеософский и антихристианский, независимо от того, готовят ли Итон и Харроу учёных или же священников и теологов.

Спрашивающий. Уж конечно вы не хотите сказать, что Итон и Харроу – «коммерческие школы»?

Теософ. Нет. Конечно, среди всех прочих классическая система в наибольшей степени уважаема; и в наши дни она приносит какую-то пользу. В наших знаменитых закрытых школах, где можно получить не только интеллектуальное, но и общественное образование, ей по-прежнему отдают предпочтение. Поэтому весьма важно, что туповатые мальчики из аристократических и богатых родителей могут пойти в такие школы, где может сойтись молодая поросль обоих этих классов – «благородных кровей» и денег. Но, к сожалению, за места в этих школах ведётся жестокая борьба, поскольку класс богачей растёт, и бедные, но смыслённые ребята стремятся поступить туда благодаря богатой эрудиции – и в сами школы, и через них – в университеты.

Спрашивающий. Таким образом, более состоятельным «олухам» приходится трудиться еще усерднее, чем их более бедным товарищам?

Теософ. Так оно и есть. Но, как это ни странно, приверженцы культа «выживания наиболее приспособленного» не следуют своей же собственной теории, поскольку все их усилия направлены на то, чтобы на место этого самого «приспособленного» посадить того, кто по природе своей неприспособлен. Так, крупными суммами денег они переманивают лучших учителей от их естественных учеников, чтобы эти учителя поднатаскали их бесталанных чад для профессий, в которых они впоследствии занимают множество должностей без какой-либо пользы.

Спрашивающий. В чём же дело?

Теософ. В пагубности системы, которая штампует товар по заказу, не обращая никакого внимания на естественные склонности и таланты молодёжи. Несчастный маленький кандидат на вступление в этот прогрессивный рай обучения практически сразу по выходе из детской погружается в рутину подготовительной школы для детей джентльменов. Там за него немедленно берутся работники этой материально-интеллектуальной фабрики, пичкая его латинской, французской и греческой грамматикой, датами и таблицами, так что даже если у него и были какие-то природные дарования, их из него быстро выжимают катки «мёртвых словарных запасов», как уместно назвал их Карлайл.

Спрашивающий. Но ведь учат же его и чему-то еще помимо «мёртвых слов», и, в том числе, многому из того, что может непосредственно привести его к теософии, если не сразу в Теософическое Общество?

Теософ. Не очень-то многому. Поскольку из истории он почерпнет достаточные сведения лишь о своей собственной нации, годные для того, чтобы снабдить его броней предубеждения против всех остальных народов и погрузить в выгребные ямы национальной ненависти и кровожадности, запечатлённых в летописях. Вы, конечно, не станете называть это «теософией»?

Спрашивающий. Каковы дальнейшие возражения?

Теософ. К этому можно добавить поверхностное и выборочное знание так называемых «библейских фактов», при изучении которых игнорируются все требования разума. Это просто урок для развития памяти, и задаваемый учителем вопрос «почему?» относится лишь к обстоятельствам, а не к смыслу и причинам.

Спрашивающий. Да; но я слышал, как вы поздравляли себя с тем, что в наши дни постоянно растёт число агностиков и атеистов; так что даже люди, воспитанные в системе, которую вы столь охотно порицаете, учатся мыслить и рассуждать самостоятельно.

Теософ. Да; но происходит это скорее в силу здоровой реакции на систему, чем благодаря ей самой. Мы куда больше рады видеть в нашем Обществе агностиков и даже отъявленных атеистов, чем слепых приверженцев какой бы то ни было религии. Разум агностика всегда открыт истине; что же касается фанатика, то истина его ослепляет, как солнце – сову. Лучшие, то есть сильнее всего любящие истину, наиболее филантропичные и искренние, члены нашего Общества были и являются агностиками и атеистами (в смысле неверия в личностного Бога). Но увы, свободомыслящих мальчиков и девочек почти нет: как правило, обучение оставляет на них свой отпечаток в виде искажённого и ограниченного ума. Настоящая, здоровая система образования должна формировать ум энергичный и свободный, воспитанный в точной и логичной мысли, а не в слепой вере. Как можете вы ждать хороших результатов, если сами же извращаете рассудок ваших детей, по воскресеньям заставляя их верить в библейские чудеса, а шесть оставшихся дней в неделю внушая им, что подобные вещи невозможны с научной точки зрения?

Спрашивающий. Что же вы, в таком случае, предлагаете?

Теософ. Будь нас деньги, мы основали бы школы, которые выпускали бы не просто умеющих читать и писать кандидатов на голодную смерть. Там в детях воспитывали бы прежде всего уверенность в себе, любовь ко всем людям, альтруизм, взаимное милосердие и, в первую очередь, учили бы их думать и рассуждать самостоятельно. Чисто механическую зубрёжку мы свели бы до абсолютного минимума и основное время посвятили бы развитию и воспитанию их внутренних чувств, способностей и скрытых возможностей. Мы постарались бы с каждым ребёнком обращаться как с индивидуальностью и обучать его так, чтобы обеспечить наиболее гармоничное и равномерное раскрытие его способностей, дабы все его особые склонности получили естественное развитие. Своей целью мы поставили бы воспитание свободных мужчин и женщин – свободных как в интеллектуальном, так и в нравственном отношении, – без каких бы то ни было предрассудков и прежде всего – неэгоистичных. И мы убеждены в том, что многого, если не всего этого, можно было бы добиться с помощью надлежащего и истинно теософического образования. [\[88\]](#)

Почему же существует столь сильное предубеждение против Теософического общества?

Спрашивающий. Если теософия обладает хотя бы половиной перечисленных вами достоинств, то почему же к ней существует столь враждебное отношение? Эта проблема, пожалуй, посерьёзнее всех остальных.

Теософ. Так и есть. Но вы не должны забывать о том, сколько могущественных противников появилось у нас с момента основания Общества. Если бы, как я только что говорила, теософическое движение было одним из бесчисленных повальных увлечений современности, столь же безобидных, как и проходящих, то над ним бы просто посмеялись (как впрочем и делают сейчас те, кто не понимает его истинной сути) и оставили бы в покое. Но ничего подобного сказать о нём нельзя. По сути, теософия является наиболее серьёзным движением этого века, причём движением, которое угрожает самому существованию большинства из освящённых временем обманов, предрассудков, и социальных зол сегодняшнего дня – зол, благодаря которым жиреет и живет в довольстве верхушка общества и их подражатели и низкопоклонники, верхушка среднего класса; зол, которые в то же самое время сокрушают и доводят до голодной смерти миллионы бедняков. Поразмыслите об этом, и вы очень скоро поймёте, в чем причины столь безжалостного преследования со стороны тех, кто в силу большей своей наблюдательности и проницательности видит истинную сущность теософии и потому-то её страшится.

Спрашивающий. Вы хотите сказать, что те немногие, кто понял, к чему ведёт теософия, именно поэтому и стремятся сокрушить это движение? Но если теософия ведёт лишь к благу, то не можете же вы даже этим немногим бросить столь ужасное обвинение в предательском бессердечии и вероломстве?

Теософ. Напротив, очень даже могу. Тех наших врагов, с которыми нам приходилось бороться в первые девять-десять лет существования Общества, я не называю ни могущественными, ни опасными; я считаю таковыми лишь тех, кто выступал против нас в течение трёх-четырёх последних лет. Они не выступают против теософии ни письменно, ни устно; они ведут свою молчаливую деятельность за спинами тех глупых кукол, которые играют роль их видимых марионеток. И даже будучи невидимыми для большинства членов нашего Общества, они хорошо известны истинным его основателям и защитникам. Но, по некоторым причинам, они пока должны остаться неназванными.

Спрашивающий. Они известны многим из вас или же вам одной?

Теософ. Я никогда не утверждала, что знаю их. Я могу знать их или не знать – но я знаю о них, и этого достаточно; впрочем пусть делают худшее, на что они способны. Они могут принести большой вред и внести смятение в наши ряды – особенно это касается людей малодушных и тех, что привыкли обо всём судить по внешности. Но им не сокрушить Общества, как бы они ни старались. Но помимо этих действительно опасных врагов – опасных, впрочем, лишь для тех теософов, которые недостойны этого наименования и чьё место скорее не в Обществе, а за его пределами, – так вот, помимо них, число наших противников более чем значительно.

Спрашивающий. Можете ли вы назвать хотя бы этих, если не хотите говорить о других?

Теософ. Конечно, могу. Нам приходится защищаться от: 1) ненависти спиритуалистов американских, английских и французских; 2) постоянного противодействия духовенства всех конфессий; 3) особенной ненависти и безжалостного преследования со стороны миссионеров в Индии; 4) что привело к знаменитой и позорной атаке на наше Теософическое Общество со

сторона Общества Психических Исследований, которая явилась результатом организованного заговора этих миссионеров. Наконец, мы должны учесть отступничество различных видных (?) членов по причинам, о которые я уже объясняла. Все их них сделали всё, что в их силах, чтобы увеличить предубеждение против нас.

Спрашивающий. Не могли бы вы рассказать поподробнее, чтобы я мог ответить, когда спросят – о краткой истории Общества, и почему мир во всё это верит?

Теософ. Причина проста. Большинство людей посторонних ничего не знали ни о самом Обществе, ни о его мотивах, целях и убеждениях. С самого своего начала мир не видел в теософии ничего, кроме каких-то чудесных явлений, в которые не верят две трети людей, не являющихся спиритуалистами. Очень скоро Общество стало восприниматься как организация, претендующая на обладание «чудесными» силами. Мир никогда не понимал, что оно учило полному неверию в чудеса или даже в возможность таковых, и что в нём было лишь несколько человек, обладавших психическими силами, и немногие придавали им важное значение. Не понимал он и того, что феномены никогда не производились публично, а лишь для друзей и служили просто вспомогательным средством, чтобы доказать прямой демонстрацией, что такие вещи могут быть проделаны без тёмных комнат, духов, медиумов или каких-либо других обычных для этого аксессуаров. К сожалению, это ошибочное представление было лишь усилено и подчёркнуто первой книгой по этому вопросу, привлечшей большое внимание в Европе – я имею в виду «Оккультный мир» А. П. Синнетта. Если даже она и принесла Обществу известность, ещё больше она навлекла злословия и насмешек на его злосчастных героев и героиню, выставив их неверном свете. Автора об этом неоднократно предупреждали, но он не обратил внимания на это пророчество – а это было именно пророчеством, хотя и несколько завуалированным.

Спрашивающий. За что и с каких пор ненавидят вас спиритуалисты?

Теософ. С первого дня существования Теософического Общества. Как только стало известно, что мы не верим в сообщения с духами умерших, а считаем так называемых «духов» по большей части астральными тенями и оболочками развоплощённых личностей и т. п., спиритуалисты загорелись к нам, и особенно – к Основателям, лютой ненавистью. Она нашла выражение во всех формах клеветы, немилосердных личных нападок и абсурдных толкований теософического учения во всех печатных органах американских спиритуалистов. Нас преследовали, порочили и поносили годами – это началось в 1875 году и продолжается по сей день. В 1879 году штаб-квартира Теософического Общества была перенесена из Нью-Йорка в Индию, сначала в Бомбей, а затем, уже на долгое время, в Мадрас. Когда первое его отделение, Британское Теософическое Общество, было образовано в Лондоне, английские спиритуалисты сплочённо выступили против нас, как и американские, а за ними последовали и французские спириты.

Спрашивающий. Но почему к вам враждебно духовенство – ведь, в конце концов, в основе своей теософическое учение направлено против материализма, величайшего врага всех форм религии в наше время?

Теософ. Духовенство настроено против нас по общему принципу «кто не с нами, тот против нас». Поскольку теософия не соглашается ни с одной сектой и верой, её считают врагом их всех, так как она учит, что все они, в большей или меньшей степени, заблуждаются. Миссионеры в Индии ненавидели и пытались сокрушить нас, потому что видели, что цвет образованной индийской молодёжи и брахманов, почти недоступных для них, в большом количестве присоединяется к Обществу. И всё же, несмотря на эту классовую ненависть, Теософическое Общество насчитывает в своих рядах множество священников, и даже одного или двух епископов.

Спрашивающий. А что побудило к выступлению против вас Общество Психических Исследований? Вы следуете в некоторых отношениях тому же самому направлению исследований и некоторые их исследователи принадлежали и к вашему Обществу.

Теософ. Поначалу с руководителями О. П. И., мы были хорошими друзьями, но когда в «Christian College Magazine» появились нападки на феномены, поддержанные притворными откровениями одного лакея, Общество Психических Исследований сочло, что скомпрометировало себя, опубликовав в своих «Трудах» слишком много об этих явлениях, происходивших в связи с Теософическим Обществом. Им хотелось сохранить репутацию авторитетной и строго научной организации, и им пришлось выбирать между сохранением этого положения, ради чего они решили выбросить за борт Теософическое Общество и даже попытались погубить его, и опасностью быть смешанными в глазах саддукеев высшего света с «легковерными» теософами и спиритами. Они не могли по-другому из этого выпутаться и решили выбросить нас за борт. Это было для них делом жестокой необходимости. Но им так нужно было найти какое-нибудь правдоподобное объяснение неустанного труда двух наших основателей и их преданности своему делу при полном отсутствии материальной выгоды или иных преимуществ, что они вынуждены были прибегнуть к трижды абсурдной и смехотворной идее о «русской шпионке».^[89] Но старая поговорка «кровь мучеников – семена церкви» снова подтвердила свою верность. После первого шока Теософическое Общество удвоило и утроило свои ряды, но созданное ими плохое впечатление всё ещё остаётся. Французский писатель был прав, сказав: «клеветайте, клеветайте больше – что-нибудь, да останется». И потому несправедливые предубеждения сохраняются, и всё связанное с Теософическим Обществом, и особенно с его основателями, из-за этих злых слухов так неправдоподобно искажается.

Спрашивающий. Но за четырнадцать лет существования Общества у вас должно было быть достаточно времени и возможностей, чтобы показать себя и свою работу в истинном свете?

Теософ. Где и когда у нас была такая возможность? Самые видные наши члены испытывают отвращение ко всему, что выглядит как публичное самооправдание. Их политикой всегда было: «переживём и это» и «какое имеет значение, что пишут газеты или думают люди?». Общество было слишком бедно, чтобы посылать публичных лекторов, и потому изложение наших взглядов и доктрин ограничивалось теми немногими теософическими трудами, которые имели большой успех, но часто неверно понимались людьми, или были известны только понаслышке. Наши журналы бойкотировались и бойкотируются,^[90] наши литературные работы игнорируются, и до сих пор никто, похоже, точно не уверен, являются ли теософы кем-то вроде поклоняющихся змею и дьяволу, или просто «эзотерическими буддистами» – что бы это ни значило. Бесплезно было день за днем и год за годом опровергать каждую небылицу о нас, поскольку ещё до того, как мы избавимся от одной, из пепла первой возникает другая, ещё более абсурдная и злобная. К сожалению, так уж устроена человеческая природа, что всё хорошее, сказанное о человеке, моментально забывается и никогда не повторяется. Но стоит только начать клеветать или сочинить небылицу – и не важно, насколько она абсурдна, фальшива и неправдоподобна, если только она связана с непопулярной личностью – ей обеспечен успех и она сразу же будет воспринята как исторический факт. Подобно «Клевете» дона Базилио, слухи начинаются вначале как лёгкое нежное дуновение, едва шевелящее траву под вашими ногами, возникающее неизвестно откуда, затем в кратчайший срок оно становится сильным ветром, переходящим в бурю, и немедленно превращающимся в ревущий шторм! Клевета среди новостей – все равно, что осьминог среди рыб: она присасывается к мозгу, вцепляется в память, которая питается этой клеветой, оставляя неизгладимые следы даже после того, как ложь будет полностью опровергнута. Злонамеренная ложь – вот универсальная отмычка ко всем мозгам. Она будет радушно принята любым человеческим умом, как самым низким, так и самым высоким, если он

хоть немного подвержен предрассудкам, причём не важно, какие были основания и мотивы к её возникновению.

Спрашивающий. Вам не кажется, что вы слишком обобщаете? Англичанин никогда не проявляет чрезмерной готовности верить во всё сказанное, и любовь нашей нации к честной игре вошла в поговорку. У лжи нет ног, чтобы долго стоять, и...

Теософ. Англичанин готов поверить в зло так же, как и человек любой другой нации, поскольку это человеческая природа, а не национальная черта. Что же до лжи, то если у неё, согласно пословице, и нет ног, чтобы стоять, зато есть исключительно быстрые крылья, и она летает быстрее и дальше, чем все другие виды новостей, в Англии, как и повсюду. Вспомните, что ложь и клевета – это единственный род литературы, которую мы можем получить даром и не платя за подписку. Если хотите, можем провести эксперимент. Станете ли вы, столь интересуясь делами теософии и будучи о нас так много наслышаны, задавать мне вопросы о стольких слухах и сплетнях, сколько сможете припомнить? Я отвечу вам правду и только правду, которая может быть подвергнута самой строжайшей проверке.

Спрашивающий. Прежде, чем мы сменим тему, нам нужно узнать всю правду вот о чём. Сейчас некоторые пишут, что ваше учение «аморально и пагубно», а другие, полагаясь на так называемых «авторитетов» и востоковедов, не видящих в индийских религиях ничего, кроме культа секса в разных формах, обвиняют вас в том, что вы учите фаллическому культу. Они говорят, что раз современная теософия тесно связана с восточной и особенно индийской мыслью, она не может быть свободна от этого налёта. Иногда они даже заходят так далеко, что обвиняют европейских теософов в воскрешении практик, связанных с этим культом. Как насчёт этого?

Теософ. Я слышала и читала об этом и раньше, и отвечу вам, что более безосновательной и лживой клеветы ещё не изобреталось и распространялось. «У дурака и сны дурные», гласит русская поговорка. Кровь закипает, когда слышишь такое низкое обвинение, выдвинутое без малейшего основания, на базе одних предположений. Спросите у сотен уважаемых английских мужчин и женщин, годами состоявших членами Теософического Общества, проповедовали ли мы им когда-нибудь аморальные заповеди и пагубные доктрины. Откройте «Тайную Доктрину», и вы обнаружите, что там страница за страницей иудеи и другие народы порицаются именно за их приверженность фаллическим ритуалам из-за буквального толкования природного символизма и грубо-материалистического понимания дуализма природы во всех экзотерических верованиях. Такое постоянное и злонамеренное искажение наших учений и взглядов поистине постыдно.

Спрашивающий. Но вы не можете отрицать, что фаллический элемент в религиях востока действительно существует?

Теософ. Я этого и не отрицаю, а лишь утверждаю, что он там присутствует не в большей степени, чем в христианстве, религии Запада. Прочтите «Розенкрейцеров» Харгрэйва Дженнинга, если хотите убедиться в этом. На Востоке фаллический символизм, возможно, более прямой из-за того, что более верен природе, или, я бы даже сказала, более наивный и искренний, чем на Западе. Но он не более распушенный, и не внушает восточному уму тех же грубых представлений, которые он вызывает в уме западном, может быть, разве за одним или двумя исключениями, такими как позорная секта, известная под названием «Махараджа», или Валлабхачарья.

Спрашивающий. Один из ваших обвинителей в журнале «Agnostic» недавно намекнул, что последователи этой постыдной секты – теософы и «притязают на истинное постижение теософии».

Теософ. Он написал неправду, вот и всё. В нашем Обществе никогда не было и сейчас нет

ни одного валлабхачарьи. Что же до того, что они постигли теософию или претендуют на это, то это другая выдумка, основанная на полном невежестве касательно индийских сект. Их «Махараджа» предъявляет права лишь на деньги, жён и дочерей своих глупых последователей, и не более. Эту секту презирают все остальные индусы.

Но вы найдете пространное рассмотрение всего этого предмета в «Тайной Доктрине», к которой я снова должна отослать вас за подробными объяснениями. В заключение могу сказать, что сама душа теософии – против фаллического культа; и её оккультная или эзотерическая часть – ещё более, чем эзотерические учения. Не было ещё более лживого утверждения, чем вышеприведённое. А теперь задавайте другие вопросы.

Является ли Теософическое общество коммерческим предприятием?

Спрашивающий. Согласен. А извлекал ли кто-нибудь из Основателей, полковник Х. С. Олкотт или Е. П. Блаватская, деньги, прибыль или другую мирскую выгоду из работы Теософического Общества, как утверждают некоторые газеты?

Теософ. Ни одного пенни. Газеты врут. Напротив, оба они отдали всё, что имели, и дошли буквально до нищеты. Что до «мирской выгоды», подумайте о той клевете и поношениях, которым они подвергались, а потом спрашивайте!

Спрашивающий. Но я читал во многих миссионерских изданиях, что вступительные взносы и подписки более чем покрыли все расходы; а одно сообщало, что Основатели зарабатывают двадцать тысяч фунтов в год!

Теософ. Это выдумка, как и многое другое. В отчёте, опубликованном в январе 1889 года, вы найдёте точную декларацию обо всех деньгах, когда-либо полученных из какого бы то ни было источника с 1879 года. Общая сумма поступлений из всех источников (вступительные взносы, пожертвования и т. д. и т. п.) за эти десять лет составила менее шести тысяч фунтов, и из них значительная часть была внесена самими Основателями из своих собственных средств и доходов от их литературной деятельности. Всё это было открыто и официально признано даже нашим врагом, Обществом Психических Исследований. И теперь оба Основателя сидят без денег: одна слишком стара и больна, чтобы работать как раньше, не может тратить время на посторонние литературные труды, чтобы помочь Обществу деньгами, и может писать лишь для дела теософии; другой продолжает работать для него, как и раньше, получая за это мало благодарности.

Спрашивающий. Но они, конечно же, нуждаются в средствах для жизни?

Теософ. Вовсе нет. До тех пор, пока у них есть пища и жильё, даже если они обязаны этим преданности немногих друзей, им мало что нужно сверх того.

Спрашивающий. Но не могли бы они, в особенности мадам Блаватская, зарабатывать более чем достаточно денег писательством?

Теософ. Будучи в Индии, она получала в среднем несколько тысяч рупий в год за статьи для русских и других газет, но всё это она отдала Теософическому Обществу.

Спрашивающий. Это были политические статьи?

Теософ. Никогда. Всё написанное ею в течение семи лет её пребывания в Индии было напечатано. Это касается только религии, этнологии и обычаев Индии, а также теософии – но никогда не касается политики, о которой она не имеет ни малейшего представления, а заботится ещё меньше. А два года назад она отказалась от некоторых контрактов на общую сумму примерно в 1200 рублей золотом в месяц, поскольку не могла выполнить их, не оставив своей работы для Общества, которая требовала всего её времени и сил. У неё есть документы, подтверждающие это.

Спрашивающий. Но почему же они вместе с полковником Олкоттом не могут поступать, как многие другие теософы: заниматься своими профессиями, а излишек времени посвящать работе для Общества?

Теософ. Потому что если служить двум господам, то какое-то из дел – либо профессиональная деятельность, либо филантропическая работа – обязательно пострадает. Нравственный долг каждого истинного теософа – жертвовать личным ради безличного, собственной сиюминутной выгодой ради будущей пользы других людей. Если Основатели не подадут пример, то кто же?

Спрашивающий. И многие ли ему следуют?

Теософ. Я должна сказать правду. Около полу-дюжины членов в Европе, причём из секций, количество которых превышает это число.

Спрашивающий. Так что неправда, что Теософическое Общество располагает большим капиталом или получает большие пожертвования?

Теософ. Это неверно, поскольку у него нет вовсе никаких. Если вступительный взнос в 1 фунт и небольшие ежегодные членские взносы будут отменены, то не останется даже сомнений, что штаб-квартира в Индии вскоре умрёт голодной смертью.

Спрашивающий. Почему бы тогда не устроить сбор средств по подписке?

Теософ. Мы не Армия Спасения – мы не можем попрошайничать и никогда этого не делали. Никогда мы не следовали и примеру церквей и сект, собирающих «пожертвования». То, что иногда присылают для поддержки Общества – это небольшие суммы, вносимые некоторыми преданными членами совершенно добровольно.

Спрашивающий. Но я слышал о больших суммах денег, переданных мадам Блаватской. Четыре года назад говорили, что она получила 5000 фунтов от одного богатого молодого «члена», который приехал, чтобы присоединиться к ним в Индии, и 10000 фунтов от другого богатого и известного американского джентльмена, одного из членов вашего Общества, умершего в Европе четыре года тому назад.

Теософ. Скажите тем, кто сказал вам это, что они либо выдумывают сами, либо повторяют грубую ложь. «Мадам Блаватская» никогда не просила и не получала ни одного пенни от двух вышеупомянутых джентльменов, ни чего-либо подобного от кого-либо ещё, с тех пор, как было основано Теософическое Общество. Пусть кто угодно попытается доказать эту клевету, и ему легче будет доказать, что Банк Англии – банкрот, чем то, что означенный «Основатель» когда-либо сделал какие-то деньги на теософии. Эта клевета была запущена двумя лондонскими аристократками, но была немедленно прослежена и опровергнута. Однако два трупа этих вымыслов, после того, как были захоронены в море забвения, снова всплыли на поверхность стоячих вод злословия.

Спрашивающий. Но мне ещё говорили об нескольких крупных наследствах, завещанных Теософическому Обществу. Одно – около 8000 фунтов – было оставлено ему одним эксцентричным англичанином, который даже к нему не принадлежал, а другое – 3000 или 4000 фунтов – одним австралийским членом Теософического Общества. Верно ли это?

Теософ. Я слышала о первом и также знаю, что будь это законно или нет, но Общество так его и не получило, и ни один из Основателей не был о нём официально уведомлен. Поскольку наше Общество тогда не было зарегистрированной организацией и потому не существовало легально, судья, как нам сообщили, не обратил внимания на это завещание и передал сумму другим наследникам. Вот что мы знаем о первом. Что же касается второго, это совершенно верно. Завещатель был одним из наших преданных членов, и завещал всё, что имел, Теософическому Обществу. Но когда наш президент, полковник Олкотт, разобрался в деле, он узнал, что у завещателя были дети, которых он лишил наследства по каким-то семейным причинам. Поэтому он собрал совет, и было решено, что от этого наследства нужно отказаться, и деньги перешли к законным наследникам. Теософическое Общество не было бы верно своему названию, если бы оно воспользовалось деньгами, на которые в действительности имели право другие – если не по закону, то во всяком случае, по теософическим принципам.

Спрашивающий. И опять же, и я говорю это на основании вашего собственного журнала «Theosophist», один индийский раджа пожертвовал Обществу 25000 рупий. Разве вы не благодарили его за великую щедрость в январском номере за 1888 год?

Теософ. Да, и в следующих выражениях: «Собрание выражает его высочеству махарадже

благодарность... за обещанный им щедрый дар в 25000 рупий в фонд Общества». Благодарность была должным образом принесена, но деньги всё ещё остаются «обещанием» и так и не достигли штаб-квартиры.

Спрашивающий. Но конечно же, раз махараджа обещал и получил благодарность публично, он выполнит своё обещание?

Теософ. Может и выполнит, хотя этому обещанию уже 18 месяцев. Но я говорю о настоящем, а не о будущем.

Спрашивающий. Тогда как же вы собираетесь продолжать?

Теософ. Пока в Теософическом Обществе есть несколько преданных членов, готовых работать для него без вознаграждения и благодарности, и пока немногие хорошие теософы поддерживают его случайными пожертвованиями, оно будет существовать, и ничто не сможет сокрушить его.

Спрашивающий. Я слышал, как многие теософы говорили о «силе, стоящей за Обществом», о неких «махатмах», упомянутых и в трудах м-ра Синнетта, о которых говорят, что это они организовали Общество, наблюдают за ним и защищают его.

Теософ. Вы можете смеяться, но это так.

Рабочая команда Теософического общества

Спрашивающий. Эти люди, как я слышал, кем только ни являются – и великими адептами, и алхимиками. Но тогда, помимо совершения по своей воле всех видов чудес, как рассказывается в «Оккультном мире» м-ра Синнетта, они могут превратить свинец в золото и наделать столько денег, сколько пожелают. Так почему же у них не находится для вас денег, чтобы обеспечить всем необходимым и Основателей, и Общество?

Теософ. Потому что они основали не «клуб чудес», и потому что Общество призвано помочь людям развить скрытые в них способности путём собственных усилий и достоинств. Что бы они могли, или не могли создать феноменальным путём, они не фальшивомонетки; не хотят они и ставить дополнительное и очень сильное искушение на пути членов и кандидатов: теософию нельзя купить. До сих пор, за последние четырнадцать лет, ни один работающий член ни разу не получал платы или жалования ни от Учителей, ни от Общества.

Спрашивающий. Значит, вашим сотрудникам вообще не платят?

Теософ. До сих пор, ни одному. Но, поскольку каждому нужно есть, пить и одеваться, то все те, кто не располагает собственными средствами и посвящает всё свое время работе Общества, обеспечиваются самым необходимым для жизни в штаб-квартире в Мадрасе, хотя это «необходимое», по правде говоря, очень скромно! Но сейчас, так как работа Общества столь значительно возросла и продолжает расти (благодаря злословию, заметьте) в Европе, нам нужно больше рабочих рук. Мы надеемся, что работа нескольких членов отныне будет вознаграждаться – если это слово можно употребить применительно к этому случаю. Ведь все они, собираясь отдавать всё своё время Обществу, покидают хорошие должности, сулящие блестящие перспективы, для того, чтобы работать на нас менее чем за половину своего прежнего жалования.

Спрашивающий. А кто обеспечит финансирование?

Теософ. Некоторые из наших членов, которые просто немного богаче остальных. Люди, которые стали бы спекулировать или зарабатывать на теософии, были бы недостойны оставаться в наших рядах.

Спрашивающий. Но вы, конечно же, должны получать доход со своих книг, журналов и других публикаций?

Теософ. Из журналов лишь мадрасский «Theosophist» приносит прибыль, которая регулярно, год за годом, передается Обществу, как показывают опубликованные отчеты. «Lucifer» медленно но верно поглощает деньги, никогда не окупая затраты – благодаря бойкоту со стороны благочестивых книготорговцев и железнодорожных ларьков. «Lotus» во Франции, основанный на частные и не очень большие средства одного теософа, посвящавшего ему всё свое время и силы – увя, прекратил свое существование по тем же причинам. Нью-Йоркский «Path» также не окупается, тогда как парижское «Revue Theosophique» начато лишь недавно, также на частные средства одной дамы – члена Общества. Кроме того, когда бы те или иные труды, изданные лондонской Теософической Издательской Компанией, ни принесли прибыль, она будет использована на благо Общества.

Спрашивающий. А теперь, пожалуйста, расскажите мне всё, что можете, о махатмах. О них говорят так много абсурдного и противоречивого, что не знаешь, чему верить, и распространяются все виды смехотворных историй.

Теософ. Вы можете называть их и «смехотворными»!

Кто они: «Духи света» или «Нечистая сила»?

Спрашивающий. Кто же они – те, кого вы зовете вашими «Учителями»? Одни говорят, что они – «духи» или ещё какие-то сверхъестественные существа, в то время как другие называют их «мифом».

Теософ. Они ни то и ни другое. Однажды я слышала, как один профан рассказывал другому, будто они – нечто вроде русалок мужского рода. Но если вы слушаете, что говорят люди, вы никогда не получите о них верного представления. Прежде всего это живые люди, как и все мы, рождённые и, как все прочие смертные, обреченные на смерть.

Спрашивающий. Да, но ходят слухи, что некоторым из них по тысяче лет. Это правда?

Теософ. Это такая же правда, как и чудесный рост волос на голове мередитовского Шагпата. И сколько бы теософы ни пытались их сбрить, из этого ничего не выходит, как и в том романе. Чем больше мы отрицаем эти выдумки, тем более абсурдными они становятся. Я слышала о Мафусаиле, который дожил до 969 лет; но, поскольку меня никто не заставлял в это поверить, я просто посмеялась над таким утверждением, за что впоследствии многие считали меня богохульствующей еретичкой.

Спрашивающий. Но если серьёзно, превышает ли их возраст обычную продолжительность жизни?

Теософ. А что вы называете «обычной продолжительностью»? Помнится, в журнале «Ланцет» я прочла как-то об одном мексиканце, которому было почти 190 лет, но я никогда не слышала, чтобы хоть один смертный – будь то мирянин или адепт – прожил хотя бы половину жизненного срока, приписываемого Мафусаилу. Возраст некоторых адептов и вправду значительно превышает тот срок, который вы назвали бы «обычной продолжительностью жизни»; но всё же ничего чудесного в этом нет, и очень немногие из них заботятся о долгожительстве.

Спрашивающий. Но что на самом деле означает слово «махатма»?

Теософ. Просто «великая душа» – великая по своей нравственной высоте и своему интеллектуальному развитию. Если уж титул «великого» присваивают пьянице-вояке вроде Александра Македонского, то почему бы и нам не называть «великими» тех, чьи победы над тайнами природы куда величественнее всех, когда-либо одержанных Александром на поле битвы? Кроме того, слово это индийское и очень древнее.

Спрашивающий. А почему вы называете их «Учителями»?

Теософ. Потому что они учат нас, а также потому, что от них мы получили все истины теософии, как бы неадекватно одни из нас ни выражали их, а другие – ни понимали. Эти посвящённые, как мы их называем – люди великого знания и ещё более великой святости. Они не аскеты в обычном смысле этого слова, хотя, конечно, и остаются в стороне от суеты и раздоров вашего западного мира.

Спрашивающий. Но не эгоистична ли такая самоизоляция?

Теософ. В чём же тут эгоизм? Разве судьба Теософического Общества не является достаточно убедительным доказательством того, что мир не готов ни признать их, ни извлечь какую-то пользу из их учения? Много ли пользы было бы в том, чтобы, к примеру, профессор Кларк Максвелл учил малышей таблице умножения? Кроме того, махатмы уединяются лишь от Запада. В своей стране они свободно расхаживают повсюду, как и все остальные люди.

Спрашивающий. Приписываете ли вы им какие-то сверхъестественные способности?

Теософ. Как я уже сказала вам, мы не верим ни во что сверхъестественное. Если бы Эдисон жил двести лет назад и тогда изобрёл свой фонограф, то его скорее всего сожгли бы вместе с его

изобретением, приписав всё козням дьявола. Силы, которыми пользуются махатмы – просто результат развития тех возможностей, которые скрыты в каждом человеке, и существование которых начинает уже признавать даже официальная наука.

Спрашивающий. Правда ли, будто эти люди вдохновляют некоторых ваших авторов и будто многие, если не все, теософические труды написаны под их диктовку?

Теософ. Некоторые – да. Есть высказывания, продиктованные ими и записанные слово в слово; но в большинстве случаев они лишь внушают идеи, оставляя литературную форму на усмотрение самих авторов.

Спрашивающий. Но это само по себе сверхъестественно; фактически, это чудо. Как же они это делают?

Теософ. Уважаемый сэръ, вы глубоко заблуждаетесь, и в не столь отдаленном будущем сама наука опровергнет ваши аргументы. Почему же это, как вы говорите, должно быть «чудом»? Чудо предполагает какое-то сверхъестественное действие, тогда как в действительности нет ничего, что выходило бы за рамки естественного и законов природы. Среди многих видов «чудес», которые удостоились признания современной науки, можно указать на гипнотизм; один из аспектов этой способности известен под названием «внушения» – особой формы передачи мысли, которую с успехом использовали в борьбе с определенными физическими заболеваниями. Недалеко уже то время, когда научный мир вынужден будет признать, что взаимодействие между двумя умами, независимо от расстояния, может быть столь же значительным, как и между двумя телами в самом тесном контакте. Если два ума находятся в определенном сродстве между собой, и инструменты, через которые они действуют, настроены так, что могут откликаться друг на друга через магнитное и электрическое взаимодействие, то ничто не сможет воспрепятствовать передаче мыслей от одного к другому по их воле. Ведь ум не является столь осязаемым по природе, чтобы расстояние могло отделить его от предмета его созерцания, из чего следует, что единственное различие, которое может существовать между двумя умами – это различие в состоянии. Так что если это последнее препятствие преодолено, то что же тогда чудесного в передаче мыслей на любые расстояния?

Спрашивающий. Но вы ведь признаете, что гипнотизм не производит ничего столь же чудесного и замечательного?

Теософ. Напротив, хорошо установлен факт, что гипнотизёр может настолько сильно воздействовать на мозг своего субъекта, что добивается выражения через его организм своих собственных мыслей и даже слов. И хотя явления, имеющие отношение к этому методу действительной передачи мыслей, пока ещё весьма немногочисленны, никто, я думаю, не возьмет на себя смелость предсказывать, насколько далеко будет простирается их действие в будущем, когда управляющие ими законы будут лучше изучены нашей наукой. И уж если можно добиться такого эффекта, имея лишь самые зачатки знаний в области гипнотизма, то что же может помешать адепту психических и духовных сил производить результаты, которые вы с вашим нынешним ограниченным знанием этих законов склонны называть «чудесными»?

Спрашивающий. Почему же тогда наши врачи не пробуют и не экспериментируют, если не могут сделать того же?^[91]

Теософ. Прежде всего, потому что они не адепты, обладающие основательным пониманием тайн и законов психического и духовного царства, а материалисты, боящиеся шаг ступить за пределы узкой колеи материи; а во-вторых, потому что они должны сейчас потерпеть неудачу и терпеть её впредь до тех пор, пока наконец не будут вынуждены признать, что подобные силы достижимы.

Спрашивающий. А можно ли их этому научить?

Теософ. Нет, если они к этому не подготовятся и прежде всего – до последнего атома не

выметут из своих мозгов скопившийся там сор материализма.

Спрашивающий. Это очень любопытно. Скажите, и многих из ваших теософов адепты подобным образом вдохновляли или же диктовали им?

Теософ. Нет, напротив, очень немногих. Такие операции требуют особых условий. Неразборчивый в средствах, но искусный адепт «Черного братства» (мы зовем их «братьями тени» или дугпами) встречает в своей работе куда меньше трудностей. Поскольку никакие духовного рода законы не сдерживают его в его действиях, такой колдун-дугпа самым бесцеремонным образом приобретает контроль над любым умом и целиком и полностью подчиняет его своим злым силам. Но наши Учителя никогда этого не делают. Они не имеют права – если не хотят падения в черную магию – приобретать безраздельное господство над чьим бы то ни было бессмертным Я, и поэтому могут воздействовать лишь на физическую и психическую природу человека, никоим образом не затрагивая его свободную волю. Потому, за исключением тех случаев, когда человек находится в психической связи с Учителями, и ему помогает полная вера в них и преданность им, они, передавая свои мысли человеку, который не отвечает этим требованиям, испытывают величайшие трудности, пытаясь пробиться в облачный хаос его личной сферы. Но распространяться о таком предмете было бы здесь неуместно. Достаточно сказать, что если сила существует, то есть и Разумы (воплощенные или развоплощенные), которые её направляют, а также живые сознательные орудия, через которые эта сила передается и которыми она принимается. Нам нужно лишь остерегаться чёрной магии.

Спрашивающий. Но что вы имеете в виду под «чёрной магией»?

Теософ. Просто злоупотребление психическими силами или знанием любой из тайн природы; факт использования оккультных сил для достижения эгоистичных и греховных целей. Гипнотизера, который, воспользовавшись своей способностью «внушения», заставляет человека совершить кражу или убийство, мы назовем чёрным магом. Знаменитая «система омоложения» доктора Браун-Секуарда из Парижа, использующая отвратительные животные инъекции в человеческую кровь, которую сейчас обсуждают все медицинские газеты Европы, если окажется действительно открытием, есть неосознанная чёрная магия.

Спрашивающий. Но ведь это же средневековая вера в колдовство и чары! Сам Закон больше не верит в подобные вещи!

Теософ. Тем хуже для правосудия, поскольку такой недостаток пронизательности привёл его к совершению не одной судебной ошибки и потворствовал преступлениям. Вас пугает лишь сам термин, в котором вам слышится отголосок «суеверия». Разве не должен Закон карать за злоупотребление гипнотическими способностями, о котором я только что упомянула? Более того, он уже наказывал за это во Франции и Германии; и всё же он с негодованием отвергнет всякую мысль о том, что покарал за очевидное колдовство. Вы не можете верить в действенность и реальность способности внушения, демонстрируемой врачами и месмеризаторами (или гипнотизёрами), и при этом отказываться верить в эти же способности, используемые во зло. А если поверите, то значит, вы верите и в колдовство! Вы не можете верить в доброе и не верить в злое; принимать только подлинные монеты и отказываться признавать существование фальшивых. Ничто не может существовать без своей противоположности, и никакое представление о том, что такое день, свет и добро, не могло бы возникнуть в вашем сознании, не будь ночи, тьмы и зла, составляющих для них контраст и противовес.

Спрашивающий. Действительно, я знал людей, которые, вполне веря в то, что вы называете великими психическими, или магическими, силами, смеялись при одном только упоминании колдовства и ведьмовских чар.

Теософ. И что же это доказывает? Просто-напросто то, что они страдают отсутствием

логики. Опять-таки, тем хуже для них. А мы, зная о существовании добрых и святых адептов, столь же твердо убеждены в существовании адептов злых и порочных, или дугпа.

Спрашивающий. Но если Учителя действительно существуют, почему же они не покажутся перед всеми и не опровергнут раз и навсегда те многочисленные обвинения, которые были выдвинуты против мадам Блаватской и Теософического Общества?

Теософ. Какие обвинения?

Спрашивающий. Что никаких Учителей нет и она их выдумала. Что они – соломенные чучела, «махатмы из муслина и надувных пузырей». Разве всё это не вредит её репутации?

Теософ. Но как же, в самом деле, могут повредить ей подобные обвинения? Разве она когда-либо извлекала из их предполагаемого существования материальную или какую-то иную выгоду или же стремилась достичь таким образом известности? На это я могу ответить, что на её долю выпали лишь оскорбления, брань и клевета, которые были бы для нее весьма мучительны, не научись она уже давно оставаться совершенно равнодушной к этим ложным обвинениям. Чему всё это равносильно, в конце концов? Скрытому комплименту, прежде чем произнести который, её обвинители должны были бы дважды подумать, не будь они движимы своей слепой ненавистью. Заявить, что Блаватская выдумала Учителей – значит подразумевать, что она должна была изобрести и всю философию, когда-либо выданную в теософической литературе. Она должна быть автором писем, на основе которых был написан «Эзотерический буддизм», и единственным автором всех положений, содержащихся в «Тайной доктрине», которую, если бы мир был справедлив, признали бы восполняющей многие из недостающих звеньев науки, что и будет обнаружено сто лет спустя. Но, утверждая то, что они продолжают утверждать, эти люди оказывают ей огромную честь, считая её куда более умной, чем сотни других людей (среди которых много очень умных и немало учёных), которые верят в то, что она говорит, – раз уж она всех их одурачила! Если они говорят правду, то Блаватская – должно быть, сразу несколько махатм в одном лице, подобно вложенным друг в друга китайским коробочкам, поскольку из так называемых «Писем махатм», все из которых приписываются ей обвинителями, многие написаны в совершенно разных и отличных друг от друга стилях.

Спрашивающий. Именно это они и говорят. Но разве не больно ей, когда её публично поносят, как «самую законченную мошенницу века, чьё имя заслуживает памяти потомков», как сказано в отчёте Общества Психических Исследований?

Теософ. Это было бы больно, если бы было правдой или исходило от людей не столь материалистичных и предвзятых. Но при существующем положении лично она относится ко всему этому с презрением, тогда как махатмы просто над этим смеются. Поистине, это высочайший комплимент, который только можно было ей преподнести. Я снова это повторяю.

Спрашивающий. Но её враги заявляют, что доказали свои обвинения.

Теософ. Да, достаточно легко сделать такое заявление, если вы сами назначаете судью, присяжных и обвинителей одновременно, как это сделали они. Но кто, кроме их прямых последователей и наших врагов, в это поверит?

Спрашивающий. Но они послали представителя в Индию, чтобы расследовать дело, не так ли?

Теософ. Да, и их окончательное заключение всецело основывается на неподтверждённых заявлениях и непроверенных утверждениях этого юного джентльмена. Юрист, прочитавший это сообщение, сказал моему другу, что за всю свою практику он никогда не видел «такого смехотворного и самоосуждающего документа». Оказалось, что в нём полно предположений и «рабочих гипотез», которые друг друга взаимно опровергают. Разве это серьёзное обвинение?

Спрашивающий. Тем не менее, оно принесло Обществу огромный вред. Тогда почему же она не защитила своё достоинство в суде?

Теософ. Во-первых, потому что её долг, как теософа, не принимать во внимание личные оскорбления. Во-вторых, потому что ни Общество, ни у г-жи Блаватской нет денег на подобные судебные иски. И, наконец, потому, что для них было бы нелепо изменить своим принципам из-за нападок на них со стороны толпы глупых старых британских баранов, которых повёл на это чересчур игривый австралийский ягнёночек.

Спрашивающий. Это звучит лестно. Но не думаете ли вы, что она принесла бы делу теософии реальную пользу, если бы авторитетно опровергла всё это раз и навсегда?

Теософ. Возможно. Но верите ли вы, что английские присяжные или судья когда-нибудь допустят реальность психических феноменов, даже будучи совершенно непредубежденными заранее? А если вы вспомните, что их уже восстановили против нас путём запугивания «русскими шпионами», обвинениями в измене и атеизме, и прочей распространяемой против нас клеветой, то вы не можете не увидеть, что такая попытка добиться справедливости в суде оказалась бы более чем бесплодной! «Психические исследователи» хорошо всё это знали и бессовестно воспользовались преимуществом своего положения, чтобы возвыситься над нами и спастись за наш счет.

Спрашивающий. Общество Психических Исследований теперь полностью отрицает существование махатм. Они говорят, что это от начала и до конца это было вымыслом, сотканным Блаватской в своём собственном мозгу!

Теософ. Она могла сделать множество ещё менее умных вещей, чем это. Во всяком случае, у нас нет ни малейшего возражения против этой теории. Как она всегда теперь говорит, она почти предпочитает, чтобы люди не верили в Учителей. Она открыто заявляет, что скорей предпочла бы, чтобы люди серьёзно думали, что единственным местом, где живут махатм, является серое вещество её мозга и что она извлекла их из глубин своего внутреннего сознания, чем если бы их имена и великие идеалы выносились на поругание и осквернялись, как происходит сейчас. Поначалу она обычно с негодованием протестовала против сомнений в их существовании. Теперь же она не отрывается от своих дел, чтобы доказывать или опровергать. Пусть люди думают, что хотят.

Спрашивающий. Но, конечно, эти Учителя есть?

Теософ. Мы утверждаем, что они существуют. Тем не менее, это не очень-то помогает. Многие люди, даже некоторые теософы и экс-теософы, говорят, что никогда получали каких-либо доказательств их существования. Замечательно, но тогда мадам Блаватская ставит такую альтернативу – если она придумала их, то она придумала и их философию и практические знания, которыми владеют лишь немногие, а если так, то какое имеет значение, существуют они или нет, если сама она здесь, и уж по меньшей мере её собственное существование вряд ли можно отрицать? Если знание, переданное якобы ими, хорошо само по себе и принимается как таковое многими людьми с интеллектом выше среднего, то зачем нужна такая шумиха? То, что она мошенница, никогда не было доказано, и всегда останется предметом прений; тогда как как установленным фактом, который нельзя отвергать, является то, что философия, проповедуемая «Учителями», – кем бы она ни была придумана – одна из величайших и самых благотворных философий, если только она правильно понята. Так что клеветники, будучи движимы самыми низкими и подлыми чувствами – ненавистью, мстительностью, злобой, уязвлённым тщеславием или честолюбием, – похоже, не сознают, что тем самым они воздают должное её интеллектуальным способностям. Ну, если бедные глупцы хотят этого, пусть так. На самом же деле, мадам Блаватская нисколько не против того, чтобы её враги представляли её тройным адептом и «махатмой» в придачу. И лишь нежелание выглядеть в своих собственных глазах вороной, красующейся в павлиньих перьях, до сих пор заставляло её настаивать на истине.

Спрашивающий. Но если вашим Обществом руководят такие добрые и мудрые люди, то

почему же допущено столько ошибок?

Теософ. Учителя не руководят ни Обществом, ни даже его Основателями. Да никто никогда и не утверждал, что они этим занимаются – они лишь наблюдают за ним и защищают его. Подтверждением этому служит хотя бы тот факт, что никакие ошибки не подорвали дееспособность Общества, и что ни внутренние раздоры, ни самые опасные нападки не смогли его опрокинуть. Учителя смотрят в будущее, а не в настоящее, и каждая ошибка – лишь новое накопление мудрости на будущее. Другой «учитель», [\[92\]](#) который отправивший человека с пятью талантами, не сказал ему, как их удвоить; также и не предостерёг он неразумного слугу, закопавшего свой талант в землю. Каждый должен приобретать мудрость на собственном опыте и своими заслугами. Христианские церкви, которые претендуют на существование у них Учителя куда более высокого – самого Духа Святого – были, да и теперь ещё повинны, не только в «ошибках», но и в целом ряде кровавых преступлений, совершённых на протяжении веков. И всё же, я полагаю, ни один христианин, несмотря на всё это, не станет отрицать, что верит этого Учителя? И это при том, что его существование куда более гипотетично, чем существование махатм, поскольку никто никогда не видел Святого Духа, а против того, что он осуществлял водительство над церковью, свидетельствует вся церковная история. Человеку свойственно ошибаться. Так что давайте вернёмся к нашей теме.

Профанация священных имён и терминов

Спрашивающий. Так значит то, что я слышал, а именно, что многие из ваших авторов-теософов заявляют, будто они были вдохновлены этими Учителями или же видели их и беседовали с ними – не соответствует действительности?

Теософ. Это может быть правдой, а может, и нет. Откуда мне знать? Бремя доказательств ложится на этих людей. Некоторые из них – немногие, очень немногие – либо сознательно лгали, либо страдали галлюцинациями, похваляясь таким вдохновением; другие же действительно были вдохновлены великими адептами. Всякое дерево познается по плодам; и обо всех теософах нужно судить по их делам, а не по тому, что они пишут или говорят; поэтому все теософические книги нужно оценивать по их достоинствам, а не по тем претензиям на авторитетность, которые могут быть в них предъявлены.

Спрашивающий. Но относит ли мадам Блаватская это правило к своим собственным трудам – к «Тайной Доктрине», например?

Теософ. Конечно. В предисловии она недвусмысленно заявляет, что выдаёт доктрины, которые были преподаны ей Учителями, но не претендует ни на какое вдохновение в отношении того, что было написано ею за последнее время. Что касается лучших наших теософов, то они в таком случае тоже предпочли бы, чтобы имена Учителей никоим образом не связывались с нашими книгами. За немногими исключениями, труды эти в большинстве своём не только несовершенны, но просто ошибочны и могут ввести в заблуждение. Ужасны профанации, которым были подвергнуты имена двоих из Учителей. Уже трудно найти медиума, который не утверждал бы, что видел их. Каждое надувательское и мошенническое общество в коммерческих целях теперь заявляет, что находится под водительством «Учителей», которые зачастую считаются куда более высокими, чем наши! Многочисленны и тяжки грехи тех, кто делает подобные заявления, из жадности ли денег, тщеславия, или побуждаемые безответственным медиумизмом. Эти общества обобрали уже немало людей, обещая им раскрыть секреты власти, знания и духовную истину за презренное золото. И хуже всего то, что священные имена оккультизма и святых его хранителей были затянуты в это грязное болото и запачканы тем, что теперь они ассоциируются с низменными мотивами и безнравственными действиями, в то время как тысячи людей были удержаны от вступления на путь истины и света дискредитацией и плохой репутацией, которую сделали шарлатаны, обманщики и мошенники всему, что с этим связано. Я повторяю ещё раз, что каждый искренний теософ до глубины души сожалеет о том, что эти священные имена и предметы были вынесены на публику, и горячо желает, чтобы они хранились в тайне в тесном кругу заслуживающих доверия и преданных друзей.

Спрашивающий. Эти имена, несомненно, сейчас можно встретить очень часто, но я не помню, чтобы до недавних пор я слышал о таких персонах, как «Учителя».

Теософ. Это так; и следуй мы мудрому принципу молчания, вместо того, чтобы стремиться к известности и публикации всего, что мы знали и слышали, такого осквернения никогда бы не случилось. Ведь всего четырнадцать лет назад, до основания Теософического Общества, разговоры повсюду были только о «духах». Они были у всех на устах, и никто, ни в коем случае даже не собирался говорить о живущих «адептах», «махатмах» или «учителях». Едва ли кто даже слышал о розенкрейцерах, а о существовании такой вещи, как «оккультизм» догадывались лишь очень немногие. Теперь всё изменилось. И мы, теософы, к несчастью для себя, оказались первыми, кто заговорил об этом, сообщив о факте существования на Востоке «адептов», «учителей» и оккультного знания; и теперь эти слова стали общеизвестными. На нас и обрушилась теперь карма – последствия осквернения святых имён и вещей, которое в результате

произошло. Всё, что вам встречается о подобных вещах в текущей литературе – а её немало – восходит к импульсу, заданному в этом направлении Теософическим Обществом и его основателями. Наши враги поныне извлекают пользу из этой нашей ошибки. Самая недавняя книга, направленная против наших Учений, приписывается адепту с двадцатилетним стажем. Конечно же, это явная ложь. Мы знаем этого «стенографиста» и его вдохновителей (поскольку сам он слишком невежественен, чтобы написать что-либо в этом роде). Эти «вдохновители» – живые люди, мстительные и неразборчивые в средствах настолько, насколько позволяют им их интеллектуальные способности, и этих подложных адептов – не один, а несколько. Цикл «адептов», используемых в качестве кувалд для сокрушения наших голов, начался двенадцать лет назад «Луисом» миссис Эммы Хардинг Бриттен из «Искусства магии» и «Страны призраков» и теперь завершается «адептом» и «автором» «Света Египта», написанного спиритуалистами против теософии и её учений. Но бесполезно горевать об уже случившемся, и нам остаётся лишь страдать в надежде, что наша неосмотрительность, быть может, немного облегчит другим поиск пути к тем Учителям, чьи имена сейчас повсюду произносятся всуе, и под прикрытием которых совершено уже так много несправедливости.

Спрашивающий. Вы отвергаете «Луиса», как адепта?

Теософ. Мы никого не разоблачаем, оставляя это благородное дело нашим врагам. Спиритуалистический автор «Искусства магии» и других книг могла быть, а могла и не быть знакома с таким адептом – и говоря это, я говорю куда меньше того, что сказала и написала эта леди о нас и теософии за последние несколько лет – это её личное дело. Но когда в торжественной сцене мистического видения этот якобы адепт наблюдает «духов» в Гринвиче, Англия, через телескоп лорда Росса, который был построен в Парсонстауне, Ирландия, [\[93\]](#) и никогда оттуда не перемещался, я позволю себе подивиться невежеству этого «адепта» в делах науки. Это побивает все ошибки и промахи, допускаемые иногда челами наших Учителей! И именно этот «адепт» используется теперь, чтобы сокрушить учения наших Учителей!

Спрашивающий. Я вполне понимаю ваши чувства в связи с этим, и думаю, что они лишь естественны. А теперь, учитывая всё сказанное и объяснённое вами, мне хотелось бы задать вам несколько вопросов ещё под одной теме.

Теософ. Если смогу, то отвечу на них. Что же это?

Будущее Теософического общества

Спрашивающий. Скажите мне, каким, по-вашему, будет будущее теософии?

Теософ. Если вы имеете в виду теософию, то я отвечаю, что, как она существовала вечно на протяжении бесконечных циклов прошлого, так и будет существовать всегда в беспредельности будущего, поскольку теософия – это синоним ВЕЧНОЙ ИСТИНЫ.

Спрашивающий. Простите, но я скорее имел в виду перспективы Теософического Общества.

Теософ. Его будущее практически целиком и полностью будет зависеть от степени неэгоистичности, искренности, преданности и – последнее, но не менее важное – от объёма знаний и мудрости, которыми будут обладать те члены Общества, на чью долю выпадет вести работу и направлять его после смерти Основателей.

Спрашивающий. Я вполне понимаю важность неэгоистичности и преданности, но не могу понять, каким образом их знания могут быть фактором столь же жизненно важным, как и прочие из перечисленных вами качеств. Ведь уже существующей литературы, к которой постоянно делаются добавления, должно быть вполне достаточно?

Теософ. Я не имела в виду специального знания эзотерического учения, хотя и оно чрезвычайно важно; я говорила скорее о той великой необходимости в беспристрастном и ясном суждении, которую будут испытывать наши преемники в деле руководства Обществом. До сих пор любая попытка создать нечто подобное Теософическому Обществу оканчивалась неудачей, поскольку рано или поздно все такие организации вырождались в секты, устанавливали свои собственные жёсткие догмы и таким образом незаметно и постепенно теряли ту жизненную силу, которую может дать лишь живая истина. Вы не должны забывать, что все члены нашего Общества были воспитаны в той или иной вере или религии, что все они физически и умственно в большей или меньшей степени являются продуктом своего поколения и, следовательно, их суждение, скорее всего, будет искажено и бессознательно подвергнется влиянию некоторых или всех этих факторов. И если их невозможно окажется избавить от этого внутреннего предубеждения или, по крайней мере, научить немедленно распознавать его и не позволять ему увлекать себя в сторону, то в результате Общество сядет на ту или иную песчаную мель мысли и, подобно выброшенному на берег остову корабля, развалится и погибнет.

Спрашивающий. Ну а если удастся избежать этой опасности?

Теософ. Тогда Теософическое Общество доживет до двадцатого века и переживёт его. Благодаря ему большое количество мыслящих и разумных людей постепенно проникнется всеобъемлющими и благородными идеями Религии, Долга и Человеколюбия. Медленно, но верно оно разорвёт железные оковы верований и догм, социальных и кастовых предрассудков; оно преодолет расовые и национальные антипатии и барьеры и откроет дорогу практической реализации Братства всех людей. Благодаря его учению и той философии, которую Общество уже сделало доступной и понятной для современного ума, Запад научится понимать Восток и сможет оценить его по достоинству. Развитие психических сил и способностей, первые симптомы которого уже можно наблюдать в Америке, будет проходить нормальным и здоровым путём. Человечество будет спасено от ужасных – как умственных, так и телесных – опасностей, которые всегда неизбежно сопутствуют такому раскрытию, – а в рассаднике эгоизма и всех злых страстей угроза эта особенно велика. Умственное и психическое развитие человека будет происходить в гармонии с его нравственным совершенствованием, в то время как его материальное окружение будет отражать мир, братское расположение и добрую волю, которые воцарятся в его уме вместо разлада и борьбы, наблюдающихся сегодня повсюду вокруг нас.

Спрашивающий. Действительно восхитительная картина! Но скажите, неужто вы и вправду

полагаете, что всего этого можно достичь за одно короткое столетие?

Теософ. Едва ли. Но я должна вам сказать, что в последней четверти каждого века те Учителя, о которых я уже говорила, делают попытку помочь духовному прогрессу человечества каким-нибудь знаменательным и особым образом. К концу каждого столетия вы неизменно обнаружите некое излияние или подъем духовности, или, если хотите, можете называть это мистицизмом. Один или несколько человек становились в мире его проводниками, и через них выдавался больший или меньший объем оккультных знаний и учений. Если вы возьмёте на себя труд, то сможете проследить эти движения столетие за столетием на всём протяжении всего того времени, на которое простираются наши подробные исторические записи.

Спрашивающий. Но как это связано с будущим Теософического Общества?

Теософ. Если нынешняя попытка, которая приняла форму нашего Общества, увенчается б`ольшим успехом, чем предшествующие, то к тому моменту, когда придёт время для попытки двадцатого века, оно уже будет организованной, живой и здоровой структурой. Общее состояние людских умов и сердец будет улучшено и исправлено путем распространения его учений, и, как я уже сказала, их предубеждения и догматические иллюзии будут, по крайней мере до некоторой степени, устранены. К тому же, благодаря наличию обширной и доступной литературы, следующий импульс будет встречен многочисленной и единой группой людей, готовых приветствовать нового факелоносца Истины. Он найдёт умы людей уже готовыми воспринять его послание; готовый язык, позволяющий выразить новые истины, которые он принесёт; и организацию, ждущую его прихода, которая устранил с его пути все чисто механические и материальные препятствия. Подумайте, сколь многое сможет исполнить тот, кому будет предоставлена такая возможность. Вы можете представить себе это путём сравнения с тем, чего действительно удалось достичь за последние четырнадцать лет Теософическому Обществу, не имевшему ни одного из этих преимуществ и окруженному множеством препятствий, которые уже не смогут помешать новому водителю. Поразмыслите над этим хорошенько и затем скажите мне, чересчур ли я оптимистична, когда говорю, что если Теософическое Общество выстоит и будет верно своей миссии, своим изначальным побуждениям в течение последующей сотни лет – скажите, слишком ли далеко я зашла, утверждая, что тогда в двадцать первом веке земля станет небом по сравнению с тем, какова она сейчас?

КОНЕЦ

notes

Также называемые аналогетиками. Как объяснил в своей «Эклектической Философии» профессор А. Уайлдер (член Теософического Общества), их называли так из-за практики интерпретации всех священных легенд и повествований, мифов и мистерий по принципу аналогии и соответствия: так что события, о которых рассказывалось, как о случившихся во внешнем мире, рассматривались, как выражающие действия и опыт человеческой души. Их также называли неоплатониками. Хотя теософию, или эклектическую теософическую систему, обычно относят к третьему веку, всё же, если можно доверять Диогену Лаэртскому, её источник значительно древнее, поскольку он приписывал эту систему египетскому жрецу Пот-Амуну, жившему в ранний период династии Птолемея. Тот же автор сообщает нам, что название это коптское и обозначает то, что посвящено Амуну, богу мудрости. Теософия является эквивалентом брахма-видьи, божественного знания.

Эклектическая теософия подразделялась на три составные части: 1) Вера в единое абсолютное, непостижимое и высшее Божество или бесконечную сущность, корень всей природы и всего сущего – видимого и невидимого. 2) Вера в вечную бессмертную природу человека, которая в силу того, что является излучением Всеобщей Души, единосущна ей. 3) Теургия, «божественная работа», или выполнение работы богов; от *theo*, «боги», и *ergon* – «работа». Термин этот очень стар, но поскольку он принадлежит к словарю мистерий, он не был общеупотребительным. Существовала мистическая вера – практически доказанная посвященными адептами и жрецами – что, сделавшись столь же чистым, как и бестелесные существа – то есть вернувшись к изначальной чистоте природы – человек может побудить богов передать ему знание божественных тайн, а иногда даже сделать их видимыми – субъективно или объективно. Это было высшим аспектом того, что сейчас называют спиритуализмом; но, но в силу злоупотреблений и непонимания его в народе, он стал рассматриваться некоторыми как некромантия и в общем был запрещён. Искаженная практика теургии Ямблиха всё ещё сохраняется в церемониальной магии некоторых современных каббалистов. Современная теософия избегает обоих этих видов магии и «некромантии», и отвергает их, как очень опасные. Настоящая божественная теургия требует почти сверхчеловеческой чистоты и святости жизни; иначе она вырождается в медиумизм или чёрную магию. Непосредственные ученики Аммония Сакка, которых называли теодидактосами, «богом наученными», – такие как Плотин и его последователь Порфирий – поначалу отвергали теургию, но затем примирились с ней благодаря Ямблиху, написавшему труд, посвященный этому явлению, озаглавленный «Мистерии», под именем своего учителя, знаменитого египетского жреца Абаммона. Аммоний Сакк был сыном родителей-христиан, и, поскольку с самого детства его отталкивало догматическое христианство, стал неоплатоником. Говорят, что ему, как Якобу Бёме и другим великим провидцам и мистикам, в снах и видениях открылась божественная мудрость. Отсюда и его имя – Теодидактос. Он решил примирить все религиозные системы, и показав их общий источник, установить одно всеобщее вероучение, основанное на этике. Его жизнь была столь безупречной и чистой, а учение – столь глубоким и обширным, что несколько отцов церкви стали его тайными учениками. Климент Александрийский был о нём очень высокого мнения. Плотин, «святой Иоанн» Аммония, также был всеми уважаемым и почитаемым, человеком самой глубочайшей учёности и порядочности. В возрасте 39 лет он сопровождал римского императора Гордиана и его армию в походе на Восток, чтобы получить наставления от мудрецов Бактрии и Индии. У него была школа философии в Риме. Его ученик Порфирий, настоящее имя которого было Малек (эллинизированный иудей), собрал все труды своего Учителя. Он сам был великим писателем и дал аллегорическую интерпретацию некоторым частям сочинений Гомера. Система медитации, к которой прибегали филалеты, была экстатической, родственной практике индийской йоги. Тем, что известно об Эклектической Школе, мы обязаны Оригену, Лонгину и Плотину, непосредственным ученикам Аммония. (Смотри «Эклектическую философию» А. Уайлдера).

A. Wilder, «Eclectic Philosophy»

Именно при Филадельфе иудаизм утвердился в Александрии, и эллинские учителя сразу же стали опасными соперниками Коллегии Раввинов Вавилона. Как уместно отмечает автор «Эклектической Философии»: «Буддийские, ведантические и магические системы в тот период излагались вместе с греческими философиями. Неудивительно, что думающие люди полагали, что борьба из-за слов должна прекратиться и считали возможным выделить из этих различных учений одну гармоничную систему... Панен, Афинагор и Климент были основательно обучены платонической философии и понимали, что по сути она едина с восточными системами».

Мосхайм говорит об Аммонии: «Понимая, что не только философы Греции, но и философы различных варварских народов были в совершенном согласии друг с другом в отношении каждого существенного вопроса, он решил так истолковать тысячи догматов всех этих различных сект, чтобы показать, что все они возникли из одного источника и все ведут к одной и той же цели». Если автор статьи об Аммонии в «Эдинбургской Энциклопедии» знает, о чём говорит, тогда, там, где он пишет о Теодидактосе, он описывает современных теософов, их убеждения и работу: «Он взял учения, полученные в Египте (а эзотерические – индийские), касающиеся Вселенной и Божества, рассматриваемых как составляющие одно великое целое; а также учение о вечности мира... и установил систему нравственной дисциплины, в общем, позволявшую людям жить согласно законам своей страны и требованиям природы, но требовал, чтобы мудрые возвышали свой ум созерцанием».

Так называли Афинскую Академию – прим. ред.

Это то, что учёный автор «Эклектической философии», профессор А. Уайлдер, назвал «духовной фотографией»: «Душа – это фотоаппарат, в котором факты и события, будущие, прошлые и настоящие, все запечатлеваются, и ум сознаёт их. За пределами нашего повседневного мира ограничений всё – лишь один день или состояние – прошлое и будущее включены в сейчас... Смерть – последний экстаз на земле. Душа тогда освобождается от ограничений тела, и более благородная её часть соединяется с высшей природой и начинает быть причастной мудрости и предвидению высших существ. Для мистиков истинная теософия – это состояние, которое Аполлоний Тианский вынужден был описывать следующим образом: „Я могу видеть настоящее и будущее, как в ясном зеркале. Мудрому для предвидения событий не нужно ожидать ни испарений земли, ни порчи воздуха... Qeoi, или боги, видят будущее, обычные люди – настоящее, мудрые – то, что уже собирается произойти“. Та „теософия мудрых“, о которой он говорит, хорошо выражена в утверждении „Царство Божие внутри нас“».

«Прикреплённый» член – это тот, кто присоединился к какой-то определенной секции Теософического Общества. «Не прикрепленный» или свободный член – тот, кто принадлежит к Обществу в целом, имеет свидетельство из Штаб-квартиры Теософического Общества (Адьяр, Мадрас), но не связан ни с каким отделением или ложей.

Мы заявляем, что в подобных случаях не духи умерших спускаются на землю, но духи живущих возносятся к чистым духовным душам. В действительности это не вознесение или нисхождение, а изменение состояния медиума. Его тело парализуется, входит в транс, а духовное Я становится свободно от своих оков и оказывается на одном плане сознания с развоплощёнными духами. Поэтому, если между двумя людьми существует духовное притяжение, они могут общаться, как часто и случается в снах. Разница медиумической и нечувствительной натур состоит в следующем: освобождённый дух медиума имеет возможность и способность влиять на пассивные органы физического тела, находящегося в транс, чтобы заставлять их действовать, говорить и писать по его воле. Его Я может подобно эху повторять и излагать на человеческом языке мысли и идеи развоплощённого существа, равно как и свои собственные. Но невосприимчивый или нечувствительный организм человека, который слишком позитивен, не может подвергнуться такому влиянию. Потому, хотя вряд ли есть человеческое существо, чьё Я не ведёт такого свободного сообщения во время сна физического тела, всё же в силу положительности и невосприимчивости физической оболочки и мозга у таких людей по пробуждении не остаётся либо никаких воспоминаний об этом, либо очень смутные.

Смотри дальше «Об индивидуальности и личности».

Стало модным, особенно в последнее время, считать, что в мистериях таких великих и цивилизованных народов, как египтяне, греки и римляне, не было ничего, кроме обмана и плутовства жрецов. Даже розенкрейцеры считаются не более, чем наполовину фантазёрами, наполовину мошенниками. О них написаны многочисленные книги; и новички, которые едва ли слышали эти имена несколько лет назад, выступали как глубокие критики и знатоки в вопросах алхимии, философии огня и вообще мистицизма. И, всё-таки, известен целый ряд иерофантов Египта, Индии, Халдеи и Аравии, которые вместе с величайшими философами и мудрецами Греции и Запада относили к тому, что называлось мудростью и божественной наукой всё знание, так как считали основу и источник любого искусства и науки по своей сути божественными. Платон считал Мистерии самыми священными, а Климент Александрийский, который сам был посвящён в Элевсинские Мистерии, объявил, «что учения, дававшиеся в них, являются пределом человеческого познания». Как вы думаете, были ли Платон и Климент двумя мошенниками или двумя глупцами, или и тем, и другим?

Мытари тогда считались почти что ворами и грабителями. У евреев профессия мытаря была самой позорной на свете. Им не было разрешено входить в Храм, и в Евангелии от Матфея (18, 7) одинаково говорится, как о язычниках, так и о мытарях. И всё же они были всего лишь римскими сборщиками налогов, занимая такое же положение, как и британские чиновники в Индии и других покоренных странах.

К концу средневековья под влиянием моральных факторов рабство в основном исчезло из Европы; но затем произошло два важнейших события, которые подорвали нравственные силы европейского общества и навлекли на человечество столько проклятий, сколько редко бывало. Одним из таких событий был первый поход к населенным варварским берегам, где человеческие существа были обычным предметом торговли, а другим было открытие Нового Света, где были обнаружены неисчерпаемые источники богатств, для разработки которых требовалась привозная рабочая сила. На протяжении четырех сотен лет мужчин, женщин и детей отрывали от всего, что они знали и любили, и на берегах Африки продавали чужеземным торговцам; закованными в цепи их перевозили в трюмах, часто живых вместе с мертвыми, на всём продолжении этих ужасной, так называемой, «переправы»; и, согласно Банкрофту, которого можно считать объективным историком, 250 тысяч человек из трёх с четвертью миллионов во время этих фатальных рейсов были сброшены в море, тогда как остальные были обречены на бедственное существование, будучи отправлены на рудники и под плети на тростниковые и рисовые плантации. Вина за это величайшее преступление лежит на христианской церкви. «Во имя Пресвятой Троицы» испанское правительство, находившееся под влиянием римско-католической церкви, заключило более десяти договоров, дающих полномочия на продажу в рабство пятисот тысяч человеческих существ; в 1562 году сэр Джон Хоукинс отплыл в свою дьявольскую экспедицию для закупки рабов в Африке и продажи их в Вест-Индии на судне, которое носило священное имя Иисуса; тогда же Елизавета, протестантская королева, наградила его за успех в этом первом предприятии англичан в такого рода бесчеловечной торговле, разрешив ему носить в качестве герба «полумавра, с его истинным цветом кожи, в путях», или, другими словами, в виде закованного негритянского раба. «Завоевания Креста» (проецировано из «Agnostic Journal»)

Это в значительной мере уже осуществлено, и библиотека Штаб-квартиры считается сейчас одним из крупнейших в мире собраний санскритских текстов – прим. пер.

«Отделение» или ложа, составленная исключительно из единоверцев или отделение in partibus (среди иноверцев), как они несколько напыщенно себя величают.

Эйн-Соф [image p.62] = το παν = ερειρον – бесконечное или безграничное, в природе и с природой, не существующее, которое ЕСТЬ, но не существо.

Как может неактивный Вечный Принцип эманировать или испускать? Парабрахман ведантистов ничего подобного не делает, равно как и Эйн-Соф халдейской каббалы. Это вечный и периодический закон заставляет в начале каждой махаманвантары, или нового цикла жизни, активную и творящую силу (логос) эманировать из вечно скрытого и непостижимого единого принципа.

(1 Кор., 3:16). Часто в теософической литературе встречаются противоречивые утверждения о принципе Христа в человеке. Некоторые называют таковым шестой принцип (буддхи), а другие – седьмой (атман). Если теософы-христиане хотят пользоваться этими выражениями, то пусть делают это философски корректно, следуя аналогии с символами древней Религии Мудрости. Мы говорим, что Христос – не только один из трёх высших принципов, но все три, рассматриваемые как Троица. Эта Троица представляет Святого Духа, Отца и Сына, что соответствует духу абстрактному, дифференцированному и воплощённому. Философски Кришна и Христос – это тот же принцип в его тройственном аспекте проявления. В Бхагавад-гите мы обнаруживаем, что Кришна называет себя и атманом, и абстрактным духом, и кшетраджней, Высшим или перевоплощающимся Я, и Вселенским Я. Все эти названия, будучи перенесены со Вселенной на человека соответствуют атме, буддхи и манасу. Анугита полна тех же доктрин.

Новая секта целителей, которые, отрицая существование всего, кроме Духа, который не может ни страдать, ни болеть, утверждают, что могут лечить решительно все болезни, если только пациент верит, что отрицаемое им не может существовать. Новая форма самогипноза.

Будда дал Ананде, своему посвящённому ученику, который поинтересовался причиной этого молчания, простой и недвусмысленный ответ в диалоге, переведенном Ольденбургом из Самьюттака Никаи: «Ананда, если бы я, когда странствующий монах Ваччхаготта спросил меня: „Существует ли "я"?“ ответил: „я существует“, тогда это, Ананда, подтвердило бы доктрину шраманов и брахманов, верящих в постоянство. Если бы я, когда странствующий монах Ваччхаготта спросил меня: „Никакого „я“ нет?“ ответил: „Я не существует“, то это, Ананда, подтвердило бы доктрину тех, кто верит в уничтожение. Если бы, когда странствующий монах Ваччхаготта спросил меня: „Существует ли я?“, я ответил: „я существует“, то разве послужило бы это моей цели – привести его к знанию того, что все существования (дхармы) это не-я? Но если бы я ответил: „я не существует“, то это, Ананда, только бросило бы странствующего монаха Ваччхаготту одной путаницы в другую: „Моё я, оно что, разве не существовало раньше? А теперь его больше нет!“». Это лучше, чем что-либо, показывает что Гаутама Будда скрывал эти сложные метафизические доктрины от народа, чтобы не запутать его ещё больше. То, что он имел в виду, было разницей между личным преходящим эго и Высшим Я, изливающим свой свет на постоянное, духовное «я» человека.

В английском тексте – «не познала» (Иоанн, I,5) – прим. ред.

Локк, Джон (1632—1704) – английский философ – прим. ред.

В «Эзотерическом буддизме» Синнетта пункты г, д и е названы, соответственно, животной, человеческой и духовной душами, что также подходит. Хотя в принципы там пронумерованы, это, строго говоря, бесполезно. Двойственной монаде (атма-буддхи) допустимо присвоить два высших числа (6 и 7). Что касается остальных, то поскольку лишь тот принцип, который в человеке преобладает, можно считать первым и главнейшим, то в общем случае нумерация невозможна. У одних людей над всеми принципами доминирует высший ум (манас или 5 принцип), у других господствует животная душа (кама-рупа), проявляя самые звериные инстинкты и т. д.

Павел называет нус Платона «Духом», но поскольку этот дух является «субстанцией», то конечно, имеется в виду буддхи, а не атма, поскольку её философски нельзя назвать «субстанцией» ни при каких обстоятельствах. Мы включаем атму в число принципов человека лишь во избежание дополнительной путаницы. На самом же деле атма – не «человеческий», а мировой абсолютный принцип, носителем которого является буддхи, душа-дух.

«Платон и Пифагор – говорит Плутарх, – подразделяют душу на две части – рациональную (нусическую) и иррациональную (агнойа); рациональная часть души человека вечна, ведь хотя это и не Бог, всё же она – творение вечного божества; та же часть души, которая лишена разума, умирает». Современный термин «агностик» происходит от родственного этому слова *agnosis*. Хотели бы мы знать, зачем мистеру Гексли, автору этого слова, понадобилось связывать свой огромный интеллект с «душой, лишённой разума», которая умирает? Или это преувеличенная скромность современного материалиста?

В оригинале игра слов: misty – туманный и mystic – мистический – прим. пер.

Каббалисты, знающие связь Иеговы, дающего жизнь и детей, с Луной и её влияние на потомство, поймут, о чём идёт речь, как и некоторые астрологи.

Персефона олицетворяет здесь посмертную карму, о которой говорится, что она регулирует отделение низших принципов от высших: души-нэфэш, дыхания животной жизни, на некоторое время остающейся в кама-локе, от высшего, сложного Я, которое переходит в состояние дэвачана или блаженства.

До тех пор, пока продолжается отделение высшего, духовного принципа от низших, которые остаются в кама-локе, пока не разрушатся.

В своём изначальном и общем смысле слово «рациональный» означает нечто эманлирующее из Вечной Мудрости.

Иррациональная в том смысле, что как у чистой эманации Мирового Разума у неё не может быть собственного индивидуального ума на этом плане материи, но подобно Луне, заимствующей свой свет у Солнца, а свою жизнь у Земли, буддхи, получая свет от атмы, свои рациональные качества получает от манаса. Сама же по себе, как нечто однородное, она лишена признаков.

Смотри «Тайную Доктрину», том II, Станцы.

В русском синодальном переводе – «и всякую душу животных» – прим. пер.

«Zohar», Vol. II., c. 96.

«Mishna», «Aboth», т. IV., с. 29.

Кроме того, Иосиф Флавий в «Иудейской войне» (кн. II, гл. 8) прямо говорит, что фарисеи верили в перевоплощение – прим. пер.

В оригинале No-Thing, т. е. не-вещь, не предмет – прим. пер.

Для лучшего объяснения см. «Тайную Доктрину», том I, станца VI, «Семеричное подразделение в различных индусских системах». с. 157/211.

То есть эфирного тела, по терминологии позднейшей теософической литературы – прим. пер.

Вордсворт, Уильям (1770—1850) – английский поэт – прим. ред.

«Фантазия, – говорит Олимпиодор (в комментариях на „Федр“ Платона), – есть препятствие для наших интеллектуальных представлений; и потому, если в то время, когда нас волнует вдохновляющее влияние божественного, вмешивается фантазия, энергия энтузиазма гаснет, ибо энтузиазм и экстаз противоположны друг другу. Если спросят, может ли душа проявлять энергию без фантазии, мы ответим, что её восприятие всеобщего доказывает, что может. Потому она обладает восприятием, независимым от фантазии, и в то же время, фантазия присутствует в её энергиях, в точности как шторм преследует того, кто плывёт по морю».

А именно тело, жизнь, страстные и животные инстинкты и астральный двойник каждого человека (воспринимаемый мысленно, либо объективно и отдельно от физического тела), каковые начала мы называем стхула шарира, прана, кама рупа и линга шарира (смотри выше).

Есть пять скандх, или атрибутов, по буддийскому учению: «рупа – (форма или тело), материальные качества; ведана – чувствования; санна – абстрактные идеи; самкхара – склонности ума; виннана – умственные способности. Из них мы состоим, через них сознаём своё существование и взаимодействуем с окружающим миром».

Х. С. Олкотт – президент и основатель Теософического Общества. Точность передачи учения одобрена, как согласующаяся с канонами южного буддизма, преподобным Сумангалой, Верховным старейшиной горы Шрипада и города Галле, директором колледжа Видьйолайя Паривена в Коломбо.

Имеется в виду именно духовное, а не личное «я». Изучающий также не должен путать его с тем «Высшим Я», которое есть Атма, Бог внутри нас, и неотделимо от Мирового Духа.

Даже в своём «Буддийском катехизисе» полковник Олкотт, подталкиваемый к тому логикой эзотерической философии, счёл своим долгом исправить ошибки предыдущих востоковедов, которые не делали этого различия, и привёл соответствующие аргументы. Так, он пишет: «Последовательные появления на земле или „спуски в зарождение“, танхаически связанных частей (скандх) определенного существа, являются последовательностью личностей. Личность каждого рождения отличается от личностей предыдущего и последующего рождений. Карма, этот *deus ex machina* (бог из машины), принимает личину (или, скажем, отражается в личности) то мудреца, то ремесленника и так далее через нить рождений. Но хотя личности постоянно сменяются, единая линия жизни, на которую они нанизаны как бусины, бежит непрерывно; это всегда именно та конкретная линия, а не какая-либо другая. И потому она индивидуальна. Индивидуальная жизненная волна, начавшаяся в нирване, или субъектной части природы, подобно световым или тепловым колебаниям в эфире, начавшимся от возбуждившего их источника, проходит через объектную (предметную) часть природы благодаря импульсу кармы и творящему направлению танхи (неудовлетворенной жажды существования) и ведет через многие циклические изменения назад к нирване. Мистер Рис-Дэвидс называет то, что переходит от личности к личности через индивидуальную цепь, „характером“ или „поведением“. Поскольку „характер“ – не просто метафизическая абстракция, а сумма чьих-либо умственных качеств и нравственных склонностей, не поможет ли рассеять то, что Рис-Дэвидс (в своей книге „Буддизм“) называет „отчаянной уловкой таинственности“, рассмотрение жизненной волны как индивидуальности, а каждого её проявления через рождение, как отдельной личности? Совершенной индивидуальностью, с точки зрения буддизма, является, я бы сказал, Будда, поскольку Будда – ни что иное, как редкий цветок человечества без малейшей примеси сверхъестественного. И поскольку, бесчисленные рождения („четыре асанкхеи и сто тысяч циклов“, см. Фаусбёлль и Рис-Дэвидс, „Буддийские предания о рождении“) нужны для развития человека до состояния Будды, а железная воля стать таковым проходит через все последовательные рождения, то как мы назовём того, кто изъявляет волю и стойкость? „Характер“? Это индивидуальность человека – индивидуальность, лишь частично проявленная в каком-то одном рождении, но выстроенная из фрагментов от всех рождений». («Буддийский катехизис», Приложение А, с. 137.)

Источником манаса является махат или «Мировой Разум». Манас – это махат, то есть разум, в человеке. Манас также называют кшетраджня (познающий поле – прим. пер.), «воплощенный Дух», поскольку он является, согласно нашей философии, манаса-путрами или «сынами мирового разума», которые создали, или, скорее, произвели мыслящего человека, «ману», воплотившись в третьей расе человечества в нашем круге. Потому именно манас – настоящее воплощающееся и постоянное духовное Я, индивидуальность, а наши различные и бесчисленные личности – это лишь его внешние маски.

Именно на этом была выстроена жестокая и нелогичная догма о падших ангелах. Это объясняется во втором томе «Тайной доктрины». Все наши Я – это мыслящие и разумные существа, манасапутры, которые жили, будь то в человеческих или иных формах, в предыдущем жизненном цикле (манвантаре), и чьей кармой было воплотиться в человека данного цикла. В мистериях учили, что помедлив с исполнением этого закона (или «отказавшись творить», как индуизм говорит о кумарах, а христианская легенда – об архангеле Михаиле), то есть не воплотившись в должное время, они допустили осквернение предназначенных для них тел (смотри станцы VIII и IX во втором томе «Тайной доктрины»). Из этого и последовал первородный грех форм, лишённых разума, и наказание этих Я. Под восставшими ангелами, низвергнутыми в ад, имелись в виду просто эти чистые духи или Я, заключённые в тела из нечистой материи, плоти.

«А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём». (От Матфея, 5.28)

Существо, находящееся в состоянии дэвачана – прим. пер.

Могут возразить, что такое блаженное неведение есть утончённо жестокое наказание, с которым не сравнится «жестокости» учения спиритов, однако позднейшие исследования теософов показали, что такое существование не является полной иллюзией. Точнее, оно является иллюзией не в большей степени, чем наше земное существование. Через мыслеформы любимых людей, окружающих человека в состоянии дэвачана, могут действовать их истинные Я, но проявлять они будут лишь самые благородные черты, поскольку иным свойствам не позволяют проявиться условия ментального плана. Такое общение идёт на пользу развитию как умершего человека, так и этих людей, вне зависимости от того, живут они на земле или тоже умерли. – прим. пер.

Sprul sku (тулку) является тибетским эквивалентом санскритского термина нирманакая, но широко применяется для обозначения не только воплощений будд, но и удостоверенных перевоплощений лам в физических телах – прим. пер.

M. A. Oxon, «Spirit Identity», c. 69.

«Вещи, которые я действительно знаю о спиритуализме, и вещи, которых я не знаю» (Some things that I do know about Spiritualism and some that I do not).

Некоторые отрывки из этой и предыдущих глав были опубликованы в январском номере журнала «Lucifer» за 1889 год в виде «Диалога о тайнах посмертного существования». Статья не была подписана, будучи как бы редакционной, но она вышла из под пера автора данной книги. (Этот разговор состоялся во время путешествия Блаватской по Индии и приведён в её книге «Из пещер и дебрей Индостана», написанной на русском языке. Для сохранения точности передачи идей при переводе этой главы там, где было возможно, вместо перевода с английского были использованы некоторые дословные фрагменты оттуда – прим. пер.)

Ишвара – это совокупное сознание проявленного божества, Браммы, то есть коллективное сознание сонма дхьян-чоханов (смотри «Тайную доктрину»); а праджня – их индивидуальная мудрость.

Тайджаси значит «светозарная» – вследствие связи её с буддхи; то есть манас, человеческая душа, озарённая сиянием божественной души, и есть манас-тайджаси. Потому он может быть описан, как светозарный разум, человеческий ум, озарённый светом духа; а буддхи-манас – это божественное откровение плюс человеческий разум и самосознание.

Некоторые теософы возражали против этой фразы, но это – слова Учителя, и значение, придаваемое слову «незаслуженные», таково, как оно дается выше. В «Теософическом памфлете №6» фраза, впоследствии подвергнутая критике в «Люцифере», применялась, чтобы выразить ту же самую идею. Однако, она была неудобной по своей форме и открытой для прямой критики; но по существу идея была в том, что люди часто страдают от последствий действий, совершенных другими людьми, и за эти страдания они конечно заслуживают компенсации.

Таким образом, иллюзорное счастье дэвачана оказывается уместным возмещением страданий, которые были так сильны именно потому, что человек по своему неведению считал, что претерпевает их незаслуженно – прим. пер.

Вариант этой фразы по тексту «Из пещер и дебрей Индостана»: Мулапракрити – обратная сторона Парабрахма, но оба одно и то же. – Прим. пер.

См. «Протоколы Лондонской Ложы Теософического Общества» №7 за октябрь 1885 г.
(Transactions of the London Lodge of the Theos. Soc.)

Перевоплощающееся Я (ego), или «человеческая душа», как он его называет – это то, что у индусов называется причинным, или каузальным, телом. (Санскритское название – карана-шарира. Прим. пер.).

Длительность этого «перехода», однако, зависит от степени духовности экс-личности развоплощенного Я. Для тех, чья жизнь была очень духовной, это перемещение, хотя и постепенное, является очень быстрым. Но чем больше склонность к материалистичности, тем больше и это время.

В оригинале в этом отрывке обсуждается разница между английскими терминами Ego и Self, оба из которых переводятся русским словом «я». Применять слово «эго» невозможно, поскольку его общепринятое русское значение скорее соответствует низшему личностному я, так же этот термин употребляется и в психологии. В современной англоязычной теософической литературе из-за подобного же смысла, придаваемого ему современной западной психологией, этого термина тоже стараются избегать, и всё обсуждение этих терминов даже было исключено из сокращённого издания «Ключа к теософии» (ТРН, 1987). Потому ближайшим аналогом слова «ego» в том смысле, в каком оно употребляется в этой книге, является слово «я», а слову «self» в том понимании, в каком оно здесь используется не находится иного перевода, если не вводить неологизмов вроде «высший сам». Однако, это весьма точно соответствует санскритскому термину «атман», который и был здесь использован, наряду со словом «Я» с обязательными прилагательными «высшее» или «единое». В ранних востоковедческих трудах его пытались переводить как «самость», то есть пошли по тому же пути, что и использующие слово self, но потом от этого отказались опять же из-за того, что это слово ассоциируется с эгоизмом, с низшим личностным я. Синнетт, для которого английский был родным языком, использовал понятие Higher Self более уместно, в том же смысле что и русское «Высшее Я». Прим. пер.

«Смещение метафизических терминов» касается здесь лишь сдвига переводных эквивалентов восточных выражений; ведь до сих пор в английском языке никаких подобных терминов не существовало, и каждому теософу приходилось составлять свою собственную терминологию для оформления своей мысли. Но пришло время остановиться на какой-то определённой номенклатуре. (Этого так и не было сделано, и подобные сдвиги продолжают до сих пор – прим. пер.)

Подробнее об этом говорится в книге Ч. Ледбитера «Сны», а также в приложении о снах к Протоколам ложи Блаватской – прим. пер.

«Разоблачённая Изида», т. II, гл. XII.

Будучи «по природе своей подобна асбесту», как красноречиво и пламенно выразился один современный английский Тертуллиан.

В Мистериях именно Иерофант является «Отцом», посадившим Лозу. К каждому символу есть семь ключей. Раскрывший Плерому всегда назывался «Отцом».

Zohar, XL, 10.

Codex Nazaraeus, т. III, с. 60, 61.

Там же, т. II, с. 281.

Спириты школы Кардека верили в простое перевоплощение личности, которая и есть душа; у них не было учения о бессмертном Высшем Я и преходящей личности, которая не сохраняется. В то же время быстрое перевоплощение широко признаётся и буддистами, чему свидетельством признание быстрых перевоплощений далай-лам и других тибетских учителей – прим. пер.

Практика, разработанная спиритами для развития медиумизма – прим. пер.

Далай-лама XIV по этому поводу говорит: «Когда мы исследуем некоторые измерения и описания в том виде, в каком они имеют место в наших собственных текстах, то иногда выясняется, что они не соответствуют реальному положению вещей. В таком случае нам остаётся согласиться с реальностью, а не с дословным толкованием священных текстов. Именно в этом должен заключаться общий буддийский подход. (Интервью в Бодхгае, 1981—1985 г.)
Прим. пер.

Е. П. Блаватская, «Тайная доктрина», т. I, отдел XV. – прим. пер.

Подробности того, как это достигается, даются в книгах Ч. Ледбитера «Ментальный план» и «Внутренняя жизнь» – прим. пер.

Имеются в виду индуисты-сектанты. Парабрахман ведантистов – это божество, которое мы принимаем и в которое верим.

«Wheel of Law», c. 25.

«Разоблачённая Изида», т. II, Глава XI.

Там же.

Карлайл, Томас (1795—1881) – английский философ, писатель и историк – прим. ред.

Дамьен, Жозеф де Востэр (1840-89) – бельгийский католический миссионер – прим. пер.

Остров центральных Гавай; колония прокажённых – прим. пер.

Булвер Литтон, Эдвард Роберт (1831—1891) – английский государственный деятель, писатель, автор романов «Пелэм», «Последние дни Помпеи», «Занони». – Прим. пер.

Эмерсон, Ральф Уолдо (1803—1882) – американский эссеист и поэт. – Прим пер.

Более подробно эти доводы изложены в статье Ч. Ледбитера «Вегетарианство и оккультизм» – прим. пер.

Более подробно о взглядах теософов на образование говорится в книге А. Бэйли «Образование в новом веке» – прим. пер.

Через 100 лет Общество Психических Исследований вернулось к этому делу, и повторно его расследовав, пришло к выводу, что обвинения против Блаватской были безосновательны – прим. пер.

Системами распространения – прим. пер.

Таковы, например, проф. Бернхайм и д-р Ч. Ллойд Такли из Англии, профессора Бони и Льежуа из Нанси, Дельбёф из Льежа, Бюро и Бурю из Рошфора, Фонтэн и Сигар из Бордо, Форель из Цюриха, доктора Деспин из Марселя, Ван Рентергем и Ван Эден из Амстредама, Веттерштранд из Стокгольма, Шренк-Нотцинг из Лейпцига, и многие другие известные врачи и авторы.

В английском языке употребляемое здесь слово «master» имеет много значений, среди которых и «учитель», и «хозяин», «господин» – прим. пер.

Смотри «Страну призраков» (Ghost Land), часть I, с. 133 и далее.